

ISSN 2619-0656

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ГОРОДА МОСКВЫ

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы

«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)

Институт гуманитарных наук

Институт иностранных языков

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

Сборник научных трудов по филологии

Выпуск XVII

Москва
2023

УДК 80
ББК 81 + 82.3(2) + 84.3я43
P88

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета ГАОУ ВО МГПУ

Редакционный совет:
Е.Н. Геворкян (Москва), *А.Ф. Проневич* (Гродно), *В.В. Кириллов* (Москва)

Главный редактор:
С.А. Васильев (Москва)

Ответственный редактор выпуска:
И.Н. Райкова (Москва)

Редакционная коллегия:
Т.Е. Автухович (Гродно, Беларусь), *Е.В. Бирюкова* (Москва), *И.А. Бубнова* (Москва), *Г.Т. Гарипова* (Москва), *Е.Ю. Геймбух* (Москва), *В.З. Демьянков* (Москва), *М.Р. Желтухина* (Волгоград), *М.В. Захарова* (Москва), *В.И. Карасик* (Москва), *В.Л. Коровин* (Москва), *В.А. Коханова* (Москва), *М.Ч. Ларионова* (Ростов-на-Дону), *М.Б. Лоскутникова* (Москва), *А. Молнар* (Дебрецен, Венгрия), *М. Сагаэ* (Токио, Япония), *А.И. Смирнова* (Москва), *В.И. Тюпа* (Москва), *О.А. Сулейманова* (заместитель главного редактора, Москва).

P88 **Русистика и компаративистика:** Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. — 254 с. (Научное издание.)

ISBN 978-5-94373-557-8

«Русистика и компаративистика» — сериальный ежегодный международный сборник научных трудов по филологии, посвященный широкой тематике, связанной с филологическим изучением русской культуры — языка, фольклора, литературы — в компаративном аспекте.

Для специалистов-филологов, преподавателей, студентов, учителей.

ISBN 978-5-94373-557-8

© Коллектив авторов, 2023
© ИКД «Зерцало-М», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	5
ЛИНГВОКУЛЬТУРА РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН	5
<i>Пучкова И.Н.</i> Концептуализация колоронимов blue/синий в английской и русской лингвокультуре	5
<i>Калинин О.И.</i> Сравнительный анализ представлений о войне в русской и китайской лингвокультурах	17
<i>Заманова И.В.</i> «Кувшинка/лотос» в русской и китайской языковой картине мира – перцептивный или философский концепт?	40
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	61
<i>Никитина В.В.</i> Переводческая эвристика: функциональная перспектива предложения – теоретический обзор	61
<i>Бекова И.Д.</i> Этномаркированный транслингвальный текст как объект переводческого анализа	73
<i>Шестопалова А.М.</i> Особенности перевода русских квазисубъектных моделей на английский язык	90
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	106
ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА	106
<i>Сорокина С.П.</i> Театрально-игровой язык фольклорной драмы: к проблеме «невербальной» компаративистики	106
<i>Самодолова Е.А.</i> Стихотворение «Поминки» С.А. Есенина и русская погребальная культура	122
<i>Алпатов С.В., Зайцева И.В.</i> Фольклорный контекст литературных версий сказки о Красной Шапочке	143
РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА	156
<i>Калашиников С.Б.</i> Державинские претексты в структуре оды А.С. Пушкина «Вольность»	156
<i>Иванова Е.Р.</i> Козьма Прутков и Готтлиб Бидермейер: два образа одной эпохи	179

<i>Скворцова А.В.</i> Становление личности молодого человека в романах И.А. Гончарова «Обыкновенная история» и А. Штифтера «Бабье лето».....	191
<i>Гарипова Г.Т.</i> Мифообраз «хрустального потерянного рая» В. Маяковского в компаративном контексте русской литературы XX века	210
<i>Гаврилина О.В.</i> Освоение пространства в женской прозе конца XX века	221
ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ И РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ	237
<i>Галимуллина А.Ф.</i> Поэма Равиля Бухараева «Время цветов» и стихи современных татарских поэтов: особенности воплощения флорообразов	237

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИНГВОКУЛЬТУРА РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН

Научная статья
УДК 81-115, 81-2
DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.01

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КОЛОРОНИМОВ BLUE/СИНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ирина Николаевна Пучкова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
puchkovain@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-8440>

Аннотация. Под концептуализацией понимается выделение признаков языковых единиц, которые позволяют человеку осмыслить то или иное явление окружающей действительности или абстрактное понятие и хранить информацию о нем. В статье выявлены механизмы и модели концептуализации цветообозначений синего, признаки, составляющие ядерную и периферийную зону данных концептов в английском и русском языках, а также показана национально-культурная специфика указанных колоронимов как фрагментов языковой картины мира. Автор приходит к выводу, что семантика цветовых лексем blue/синий может выходить далеко за пределы предметно-номинативной сферы, синий цвет – один из базовых цветов, один из «военных», «политических» и «спортивных» цветов. Код синего цвета в обоих языках сохраняет предметные и ассоциативные признаки, типичные для общемировой и европейской культуры.

Ключевые слова: колороним, концепт, семантика, фразеология, английский язык, русский язык.

Для цитирования: Пучкова И.Н. Концептуализация колоронимов blue/синий в английской и русской лингвокультуре // Русистика и компарати-

вистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 5–16. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.01>

Original article

CONCEPTUALIZATION OF COLOUR NAMES BLUE/SINYI IN ENGLISH AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

Irina N. Puchkova

Moscow City University, Moscow, Russia,
puchkovain@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8191-8440>

Abstract. Conceptualization implies identifying relevant signs of language units which enable one to understand a phenomenon of reality or an abstract notion and store information about it. The article deals with mechanisms and models of conceptualization of colour names denoting the blue colour in English and Russian. The signs constituting the nuclear and the peripheral zone of the described concepts in the two languages are singled out. The nationally conditioned specific features of the said colour names as parts of the linguistic worldview. The author concludes that the semantics of the blue/blue color lexemes can go far beyond the subject-nominative sphere, blue is one of the basic colors, one of the “military”, “political” and “sports” colors. The blue color code in both languages preserves the subject and associative features typical of global and European culture.

Keywords: colour name, concept, semantics, phraseology, English, Russian.

For citation: Puchkova I.N. (2023). Conceptualization of colour names blue/sinyi in English and Russian linguistic cultures. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 5–16 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.01>

© Пучкова И.Н., 2023

Введение (цель, материал исследования, методология). Данная статья посвящена концептуализации цветообозначений *синий/blue* в английской и русской лингвокультурах. Актуальность темы становится ясной, если учесть, что примерно 70 % информации об окружающем мире человек воспринимает с помощью органов зрения, а цвет является одной из важных составляющих визуального восприятия действительности. Следова-

тельно, особенности цветосемантики и цветообозначения в разных языках отражают специфику интерпретации и оценки объективной реальности их носителями.

Существует ряд работ по проблемам семантики, символики как цвета в целом, так и отдельных цветов на материале русского [Ермакова 2007: 3] и французского [Воробьева 2014: 36–38] языков, однако вопрос концептуализации синего цвета в английском и русском языке требует, на наш взгляд, детального изучения. Целью данного исследования является выявление общих и специфичных моделей концептуализации цветообозначения синего в английской и русской лингвокультурах. Для достижения данной цели представляется целесообразным выявить структурные признаки концептов *blue/синий* в английском и русском языках, средства вербализации данных концептов и механизмы концептуализации данных цветообозначений. Материалом исследования послужили данные этимологических, толковых, фразеологических словарей английского и русского языков, а также данные национальных корпусов английского [BNC] и русского языков [НКРЯ; URL]. В данной работе применялись методики исследования концептов, разработанные в трудах А. Вежбицкой [Вежбицкая 2001: 16], С.Г. Воркачева [Воркачев 2002: 79–95], В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина [Карасик, Слышкин 2001: 75–81], В.А. Масловой [Маслова 2013: 249–253], И.А. Стернина [Стернин 2001: 58–65], отмечавших, что структура концептов изучается через этимологию, семантику, синонимию, антонимию и фразеологию. Таким образом, при изучении концептов *blue/синий* использовались этимологический, компонентный и контекстный анализ соответствующих лексем.

Основная часть. Синий цвет является одним из базовых цветов спектра, он часто встречается в природе, и изучение лексем цветообозначения синего и их семантики может дать интересную информацию об особенностях восприятия цвета у носителей англоязычной и русскоязычной лингвокультуры.

Для уточнения структуры сопоставляемых концептов и их признаков в английском и русском языках нами были проанализированы этимология и словарные дефиниции лексем *blue* и *синий*.

Как показывают данные этимологических словарей, в обоих языках данное цветообозначение восходит к идее сияния, но сияния разного рода.

Английское прилагательное *blue* (синий) восходит к протоиндоевропейскому корню **bhle-* со значением «светлый, желтый, голубой»), а он, в свою очередь, является производным от глагола **bhel-* (сиять, светить, гореть) [Etymonline]. Можно предположить, что изначально имя **bhle-* использовалось для обозначения сияющего белого и других ярких, светлых цветов.

Русское слово *синий* также соотносится с понятием «сиять», но, предположительно, восходит к сияющему темному (*санскр.* śūyātás – темный, чер-

ный) [Фасмер 1987: 624]. На связь русского колоронима «синий» с идеей темного указывает также наличие в некоторых диалектах русского севера значение «черный, грязный» у прилагательного «синий».

И в русском, и в английском языке **прямое цветоименование** является ядерным признаком концепта. Для выявления средств вербализации данного признака обратимся к толковым словарям и данным национальных корпусов русского и английского языков.

Интересно отметить, что в англоязычных словарях при толковании цветообозначения *blue* проводится житейское сравнение с цветом неба (“the same colour as the sky on a clear sunny day” [Macmillan 2002: 140] (цвета неба в ясный солнечный день)), в русской же лексикографии наблюдается более научный, энциклопедический подход: «Имеющий окраску одного из основных цветов спектра — среднего между голубым и фиолетовым» [Ожегов 2007: 1800].

Анализ синонимии и устойчивых сравнительных сочетаний в словарях и национальных корпусах английского и русского языков позволяют выделить следующие средства вербализации цветообозначения синего.

И в русском, и в английском языке цветообозначение синего вербализуется через признаки **неживой и живой природы**.

В обоих языках признаки неживой природы вербализуются через сравнение со стихиями.

Стихии неба, воздуха.

Средствами вербализации идентификационных признаков синего цвета, связанных с воздушной стихией, в английском языке служат существительные *sky*, *smoke*, *night*, употребляемые в препозитивной функции к лексеме *blue* (*sky blue* — небесно-синий, *smoke blue* — дымчато-синий, *night blue* — синий, как ночное небо), а также прилагательное *cerulean* — небесный.

Признаки синего цвета как воздушной стихии в русском языке актуализируются через устойчивые сравнения *синий, как небо/воздух/ветер/тучи на небе/дым/твердь*, а также прилагательное «небесный» в сложном прилагательном *небесно-синий*.

Идентификационные признаки синего, связанные со стихией воды, в английском языке вербализуются через существительные *ocean* (океан), *ice* (лед), *sea* (море), выступающие первыми компонентами сложных прилагательных с элементом *blue* (синий): *ice blue*, *Ocean-blue*, *sea blue*.

Русский язык обнаруживает более широкий спектр средств вербализации данного цветообозначения через признаки водной стихии, о чем свидетельствуют устойчивые сравнения: «синий, как *вода/море/речной вал/лужа грязного снега/горные озера/лед/Индийский океан/пена в море/омут*».

В меньшей мере синий цвет ассоциируется с огненной стихией, тем не менее и в английском, и в русском языке обнаружены идентификационные признаки стихии огня у цветообозначения синего. Так, в английском языке средством вербализации данного признака выступает прилагательное *electric* в сложном прилагательном *electric blue*, в русском языке данный стихийный признак реализуется через устойчивые сравнения: *синий, как огонь от спиртовки, порох, молния*.

Идентификационные признаки неживой природы в цветообозначении синего реализуются также через названия камней, красителей и металлов.

И в русском, и в английском языке эталонами синего выступают такие **камни и минералы**, как лазурит (*azure*), сапфир (*sapphire*), бирюза (*turquoise*). В английском языке сравнение с синим проводится также через хрусталь (*crystal-blue*) и берилл (*beryl*), в русском — через аквамарин. В русском языке средствами вербализации данного признака являются производные или сложные прилагательные: *сапфировый (сапфирный), аквамаринный, лазурный, лазоревый, бирюзовый, лазурно-синий*.

Цветообозначение синего в обоих сопоставляемых языках осуществляется и через метонимический перенос названий **красителей**, о чем свидетельствуют синонимы синего *ultramarine* (ультрамариновый) и *indigo* (индиговый) в английском языке, а также синонимы синего — прилагательные *кубовый, ультрамариновый, индиговый* в русском языке наряду с устойчивыми сравнениями *синий, как синька, густая краска, индиго, берлинская лазурь, чернила*.

Признаки **живой** природы выявляются благодаря устойчивым сравнениям синего с растениями и животными.

Фитопризнаки (признаки растений) актуализируются в английском языке через сочетание фитонимов *cornflower* (василек) и *violet* (фиалка) с колоронимом *blue* в сложных прилагательных *cornflower blue* (васильковый) и *violet blue* (фиалковый). В русском языке фитопризнаки синего вербализуются благодаря производным прилагательным *васильковый, незабудковый*, а также в сравнительных оборотах *синий, как + названия цветов (васильки, фиалки, цвет цикория, незабудки, колокольчики)*, фруктов или ягод (*гроздь винограда/виноград, венгерка* (гипоним), *слива* (гипероним, соотносимый с предыдущим гипонимом), *ягоды можжевельника*), овощей (*баклажан*).

Среди **зоонимов**, используемых для обозначения синего в английском языке, нам удалось выявить лишь один — *teal* (евразийский чирок, водоплавающая птица с характерной зелено-синей полоской на голове). В русском языке зоопризнаки актуализируются в сравнительных оборотах *синий, как стрекозы, как жар-птица, как шея индюка, журавли*.

К ближней периферии концептов *blue/синий* можно отнести признаки, связанные с процессами, происходящими в живых организмах. Синий

цвет часто связан с происходящими в них патологическими процессами гниения, образования плесени, цианоза тканей вследствие нарушения циркуляции крови. Как следствие, второе значение английской лексемы *blue* – (of a person or part of the body) looking slightly blue in colour because the person is cold or cannot breathe easily [Oxford] (о человеке или части тела – синюшный из-за холода или одышки). В русском языке лексема *синий* имеет аналогичное значение: а) Имеющий оттенок такого цвета (о лице, коже); б) Имеющий лицо, кожу такого цвета (о человеке) [Ожегов 2007: 1800]. На основании данного значения можно выделить группу **витальных** признаков этого концепта (нездоровье, разложение, смерть). В английском языке они вербализуются в устойчивом сочетании *blue with cold* (синий от холода), сложное прилагательное *deadly blue* (мертвенно-синий). В русском языке средствами вербализации данных признаков будут синонимы цветообозначения синего *мертвенный*, *трупиковый*, сложное прилагательное *мертвенно-синий* и сравнительный оборот *синий, словно утопленник*.

Как отмечал М. Пастуро, «в любом обществе изначальная функция цвета – классифицировать, метить, оповещать, вызывать ассоциации с чем-либо или противопоставлять чему-либо» [Пастуро 2015: 3], поэтому можно предположить наличие дополнительных признаков концептов *blue/синий*, составляющих их периферийную зону.

Специфику английской лингвокультуры составляет наличие **социальных** признаков концепта *blue*, которые выделяются на основании метонимического переноса «цвет одежды – принадлежность к профессиональной или социальной группе». Словами *boys/men/gentlemen in blue* (люди, джентльмены в синем) в Великобритании и США называются матросы, полицейские, а также федеральные войска США. По данным этимологического словаря английского языка, с начала XVII века прислуга в английских домах носила одежду синего цвета. Когда в англоязычных странах стали появляться полицейские подразделения, им также было предписано носить синюю униформу. Интересно отметить, что в 1853 г. полицейские Нью-Йорка отказывались ее носить, потому что, по их мнению, она ассоциировалась с лакейской ливреей.

С 1748 года матросы британского королевского флота носят форму темно-синего цвета (в отличие от офицеров, чьи мундиры были белыми), отсюда происходит и название оттенка темно-синего цвета *Navy blue* (первоначально *marine blue*).

Синий является цветом формы спортивных команд Оксфордского и Кембриджского университетов по гребле, поэтому один из оттенков темно-синего называется Оксфордский синий (*Oxford blue*), а один из светлых оттенков синего – Кембриджский синий (*Cambridge blue*). Синий цвет формы таких футбольных команд английской премьер-лиги, как Лестер,

Манчестер Сити, Эвертон, Челси, Бирмингем Сити и Портсмут, послужил основанием метонимического переноса, результатом которого стало их прозвище *Blues* (синие).

Синий цвет ассоциируется как с королевским одеянием (*Royal blue* – королевский синий, один из оттенков синего, близкий к ультрамариновому, был изобретен портными из графства Сомерсет, выигравшими конкурс на изготовление наряда для королевы Шарлотты), так и с рабочей одеждой (*blue collars* – «синие воротнички», рабочие).

В Российской империи униформу синего цвета носили наставники великих княжон (синие бархатные платья) и жандармский корпус, откуда пошло пренебрежительное название *синие мундиры*. В настоящее время в русской лингвокультуре не наблюдается устойчивых ассоциаций синего цвета с какой-либо профессиональной или социальной группой.

Синий цвет также кодирует понятия «**свой – чужой**». Под словом *the blues* (синие) в натовской терминологии понимаются свои или союзнические, дружественные войска, а их расположение и передвижение на военных картах отмечается синим цветом, войска противника обозначаются красным цветом. В русскоязычном военном дискурсе наблюдается противоположная картина: роль кода «свой» выполняет красный цвет, роль кода «чужой» – синий. Интересно отметить, что в англоязычной культуре произошло переключение кодов: до рубежа XIX–XX веков в Великобритании элемент кода «свой, принадлежащий к Британской империи или ее войскам» принадлежал красному цвету [Пучкова 2022: 115].

Синий цвет как символ Демократической партии США – это также результат реализации кода «свой». В американском политическом дискурсе *Blue States* (синие штаты) – это штаты, где большинство населения поддерживает демократов (традиционно это 14 северо-восточных штатов и округ Колумбия) и *blue wall* (синяя стена) – три штата, образующих так называемый «Тихоокеанский вал» на западе США, где позиции демократической партии считаются особенно прочными.

Эмоциональный признак (грусть, печаль) вы является на основе словарных значений “Feeling melancholy” (чувствующий грусть) и “lacking in enthusiasm” (не отличающийся энтузиазмом). Данный признак вербализуется во фразеологизмах *to feel blue* (грустить), *blue Monday* (первый рабочий день после выходных), *blue note* (блюзовая минорная нота в музыке), *cry the blues* (жаловаться), *blue devils* (плохое настроение), *have the blues* (быть в депрессии). Этот признак характерен для англоязычной лингвокультуры, в русском языке он проявляется лишь в индивидуальном, авторском дискурсе.

Признак «интеллект» в английском языке выделяется на основе словарного значения лексемы *blue* “having intellectual pursuits” [Oxford] (занимающийся интеллектуальной деятельностью), с ним соприкасаются

признаки «педантизм, скрупулезность, мелочность, занудство». Данный признак вербализуется в идиомах *blue stocking* – синий чулок, *blue book* – статистический альманах, *blue pencil* – редакторские пометки, *talk a blue streak* – говорить, не переставая. Негативный оценочный компонент «занудство, мелочность» наблюдается и в русских фразеологизмах *до сине пороха* (до мелочей), *сине пороха в глазу* – назойливый человек, *ни сине пороха не осталось* (не осталось ничего).

Основой признака «непристойность» в английском языке является словарная дефиниция лексемы blue “dealing with sex in a way that some people find offensive [Macmillan 2002: 140]” (имеющий отношение к сексу). Актуализацию данного признака можно видеть в английских устойчивых словосочетаниях с негативной коннотацией *blue movie* (фильм для взрослых/порнофильм), *turn the air blue* – непристойно ругаться, выражаться). В русском языке актуализацию признака «непристойность» можно наблюдать в жаргонном значении слов *синий/синяк* – «пьяный».

В английской лингвокультуре синий цвет символизирует **постоянство**, о чем свидетельствует идиома *true blue* (буквально «настоящий, истинный синий»). Происхождение этого фразеологизма уходит корнями в английскую историю. Синяя краска, изготавливаемая ремесленниками города Ковентри, отличалась устойчивостью и долго не линяла, поэтому выражение *as true as Coventry blue* первоначально обозначало «устойчивый, постоянный», позднее идиома сократилась до *true blue*. Признак «устойчивость, постоянство» концепта *blue* находит отражение и в символике консервативных партий в ряде англоязычных стран, например, в Великобритании и Канаде. В русском языке признак синего «постоянство» граничит с признаком «упрямство, упорство», то есть связан с негативной оценкой (*до посинения* = упорно, до конца).

В английской лингвокультуре синий цвет ассоциируется со **страхом, агрессией, опасностью**, о чем свидетельствуют идиомы *scream blue murder* (кричать караул), *blue room* (запретная комната), *black and blue* (избитый до полусмерти), *screwed, blued and tattooed* (в трудной ситуации). В русском языке данный признак вербализуется в поговорке *гори оно/всё синим пламенем*. Синее пламя сопровождает горение метана. Изначально горение (свечение) метана люди могли наблюдать ночью на кладбищах или на болотах – местах, вызывающих естественный страх. Существовало поверье, что синие огни – это не нашедшие упокоения души умерших, отсюда выражение *гори синим пламенем* изначально было проклятием, пожеланием собеседнику не знать покоя в загробной жизни. Сейчас данный фразеологизм связан с выражением агрессии, раздражения и желанием говорящего как можно скорее выйти из неприятной ситуации.

Синий как цвет неба, высоких устремлений позволяет нам выделить в обеих сопоставляемых лингвокультурах такие концептуальные при-

знаки синего цвета, как **идеализм, романтизм, привязанность**. Известно, что светло-синий цвет глаз в средневековой Европе считался одним из канонов красоты, атрибутом внешности, привлекавшим внимание и вызывавшим восхищение. Отсюда английские идиомы *blue-eyed (boy)*, *blue eyes*, *baby blues* со значением «любимчик». Интересно отметить, что со временем данные фразеологические единицы поменяли положительную оценочную коннотацию на отрицательную и сейчас передают ироническое или презрительное отношение говорящего к называемому лицу. В русском языке фразеологизм **синь порох** употреблялся в значении «близкий, дорогой человек», однако современные словари отмечают это словосочетание как устаревшее. Концептопризнак «идеализм, романтизм» в английском языке вербализуется в идиоме **blue-sky thinking** (идеи, оторванные от жизни, нереалистичное мышление). В русском языке существует заимствованное устойчивое выражение **синяя птица счастья**, но следует отметить, что идея романтической мечты здесь вербализуется главным образом с помощью другого колоронима – *голубой (голубая мечта, блюдечко с голубой каёмочкой, голубые дали)*.

Выводы. Итак, семантика цветовых лексем blue/синий может выходить далеко за пределы предметно-номинативной сферы, синий цвет – один из базовых цветов, один из «военных», «политических» и «спортивных» цветов. Код синего цвета в обоих языках сохраняет предметные и ассоциативные признаки, типичные для общемировой и европейской культуры. Изучение колоронимов как средства вербализации культурного кода перспективно, поскольку это дает интересную информацию о разных сторонах жизни носителей определенного языка и позволяет понять особенности той или иной культуры.

Источники

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 2007. 2314 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

BNC – British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>

Etymonline – Online Etymology dictionary. URL: <http://www.etymonline.com>

Macmillan English Dictionary. London: Macmillan publishers, 2002. 1689 p.

Oxford learner's dictionary. URL: <https://oxfordlearnersdictionaries.com/search/English=blue>

Литература

- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Воркачев С.Г.* Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79–95.
- Воробьева Е.Ю.* Цветообозначения как проявление культурно-национальной специфики (на примере французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9. С. 36–38.
- Ермакова О.Б.* Концептуализация цвета в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 345 с.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–81.
- Маслова В.А.* Принципы и приемы исследования концептов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2013. Т. 26 (65). № 1. С. 249–253.
- Пастуро М.* История цвета. Синий. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 230 с.
- Пучкова И.Н.* Репрезентация цветового культурного кода “red” (красный) в английском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 09/2. С. 114–117.
- Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 58–65.

References

Istochniki

- NKRJa – *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru> (In Russ.)
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. (2007). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. jaz. 2314 p. (In Russ.)
- Fasmer M. (1987). *Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vol.] T. 3. Moscow: Progress. 832 p. (In Russ.)
- BNC – British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
- Etymonline – Online Etymology dictionary. URL: <http://www.etymonline.com>

Macmillan English Dictionary (2002). London: Macmillan publishers. 1689 p.
Oxford learner's dictionary. URL: <https://oxfordlearnersdictionaries.com/search/English=blue>

Literatura

Vezhbickaja A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevykh slov* [Understanding cultures through keywords] / Per. s angl. A.D. Shmeljova. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 288 p. (In Russ.)

Vorkachev S.G. (2002). *Metodologičeskie osnovanija lingvokonceptologii* [Methodological foundations of linguistic conceptology]. In: *Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika*. Iss. 3: Aspekty metakommunikativnoj dejatel'nosti. Voronezh: VGU. Pp. 79–95. (In Russ.)

Vorob'eva E.Ju. (2014). *Cvetooboznachenija kak projavlenie kul'turno-nacional'noj specifiky (na primere francuzskogo jazyka)* [Color designations as a manifestation of cultural and national specifics (using the example of the French language)]. In: *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. № 9. Pp. 36–38. (In Russ.)

Ermakova O.B. (2007). *Konceptualizacija cveta v russskom jazyke* [Conceptualization of color in Russian]: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2007. 345 p. (In Russ.)

Karasik V.I., Slyshkin G.G. (2001). *Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovanija*. In: *Metodologičeskie problemy kognitivnoj lingvistiki* [Linguistic and cultural concept as a unit of research]. Voronezh: VGU. Pp. 75–81. (In Russ.)

Maslova V.A. (2013). *Principy i priemy issledovanija konceptov* [Principles and techniques of concept research]. In: *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*. Serija "Filologija. Social'nye kommunikacii". V. 26 (65). № 1. Pp. 249–253. (In Russ.)

Pasturo M. (2015). *Istorija cveta. Sinij* [The history of color. Blue]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 230 p. (In Russ.)

Puchkova I.N. (2022). *Reprezentacija cvetovogo kul'turnogo koda "red" (krasnyj) v anglijskom jazyke* [Representation of the cultural color code "red" in English]. In: *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Serija: Gumanitarnye nauki. № 09/2. Pp. 114–117. (In Russ.)

Sternin I.A. (2001). *Metodika issledovanija struktury koncepta* [The methodology of studying the structure of the concept]. In: *Metodologičeskie problemy kognitivnoj lingvistiki*. Voronezh: VGU. Pp. 58–65. (In Russ.)

Сведения об авторе

Пучкова Ирина Николаевна – кандидат филологических наук; доцент; Московский городской педагогический университет; Институт гумани-

тарных наук; департамент филологии; доцент; научные интересы: сопоставительная лингвистика, концептология.

Information about the author

Irina N. Puchkova – PhD (Philology); Associate Professor; Moscow City University; Institute for the Humanities; Philology Department; Associate Professor; scientific interests: comparative linguistics, conceptology.

Научная статья

УДК 81-119

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.02

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Олег Игоревич Калинин^{1, 2}

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, okalinin.lingua@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370/>

² Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ концептуальных представлений о войне в китайской и русской лингвокультурах. Актуальность исследования определяется тем, что содержание концепта ВОЙНА связано с такими культурными параметрами, как отношение к жизни и смерти, что позволяет выявлять сущностные принципы построения национальной картины мира вообще. Методика исследования основана на дефиниционно-этимологическом анализе, исследовании фразеологии, а также ассоциативном эксперименте и методах метафорического моделирования. Изучение словарных дефиниций позволяет выявить смысловой компонент концепта ВОЙНА, анализ фразеологии и метафорическое моделирование – оценочный компонент, ассоциативный эксперимент – эмоциональный компонент. Проведенное исследование показывает, что для русской лингвокультуры феномен войны предстает как форма вооруженной борьбы и вид профессиональной деятельности с доминантными компонентами «смерть, страдания, оружие», а для китайской культуры – как форма вооруженной борьбы, направленная на получение выгоды, с доминирующими атрибутами «смерть, последствия, враг». Для китайской культуры важно осмысление войны как «продолжения политики», «пути обмана». Проведенное исследование позволяет понять не только культурные различия в восприятии войны, но и глубину и сложность ментальных представлений о жизни и смерти в различных культурных контекстах.

Ключевые слова: война, концептуальный анализ, дефиниционный анализ, ассоциативный эксперимент, метафора войны.

Для цитирования: Калинин О.И. Сравнительный анализ представлений о войне в русской и китайской лингвокультурах // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 17–39 <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.02>

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE WAR CONCEPT IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CULTURES

Oleg I. Kalinin^{1, 2}

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, okalinin.lingua@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370/>

² Military University of the Ministry of Defense, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article conducts a comparative analysis of the conceptual representations of war in Chinese and Russian linguocultures. The relevance of the study is determined by the fact that the content of the WAR concept is directly linked to cultural parameters such as attitudes towards life and death, enabling the identification of the most essential principles underlying the construction of the national worldview in general. The research methodology is based on definitional-etymological analysis, study of phraseology, as well as associative experiment and methods of metaphorical modeling. Definitional analysis allows the identification of the semantic component of the WAR concept, while the analysis of phraseology and metaphorical modeling represents the evaluative component, and the associative experiment represents the emotional component. The conducted research demonstrates that for Russian linguoculture, the phenomenon of war appears as a form of armed struggle and a type of professional activity with dominant components such as “death, suffering, weapons”, whereas for Chinese culture, it is perceived as a form of armed struggle directed towards gaining advantage, with dominant attributes being “death, consequences, enemy”. Important additional interpretation of the war phenomenon for Chinese culture is seen as “continuation of policy”, “means of deception”. The conducted research enables not only an understanding of cultural differences in the perception of war but also the depth and complexity of mental representations about life and death in different cultural contexts.

Keywords: war, conceptual analysis, definitional analysis, associative experiment, war metaphor.

For citation: Kalinin O.I. (2023). Comparative analysis of the war concept in russian and chinese linguistic cultures. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 17–39 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.02>

© Калинин О.И., 2023

Введение (цель, материал исследования, методология). «Война — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными» [Гераклит Эфесский 2012: 230], — писал философ Гераклит Эфесский, а Фридрих Ницше в предисловии к философскому трактату «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом» подчеркивал, что «война была всегда великим благоразумием ушедших в себя, ставших слишком глубокими умов, и даже полученная рана включает в себе целебную силу» [Ницше 2019: 233].

Знаменитые философы, безусловно, не абсолютизировали насилие, не оправдывали его и не призывали к жестокости. Война описывалась как «борьба» и представлялась одной из форм развития общества, неотъемлемым элементом жизни человека, чем она во многом и была на протяжении долгого периода истории человечества. Не пытаясь подтвердить или опровергнуть философские воззрения на войну как на одну из форм социального взаимодействия людей, мы хотим в данном случае лишь подчеркнуть значимость войны как одной из базовых концептосфер, определяющих ценностные ориентиры разных культур. На наш взгляд, отношение к войне напрямую связано с такими культурными параметрами, как отношение к жизни и смерти. По тому, какими частными содержательными характеристиками наделяется понятийный и оценочный компоненты концепта ВОЙНА, можно делать выводы о базовых принципах построения национальной картины мира вообще.

В связи с этим нам представляется актуальным не только выявление компонентов концепта ВОЙНА в отдельной лингвокультуре, но и изучение этого концепта в сопоставительном ключе на языковом материале двух лингвокультур, что позволяет выявить особенности, сходства и различия миропонимания народов — носителей разных языков.

На фоне внешнеполитического сближения России и Китая, которое стимулирует взаимный культурно-образовательный обмен, представляется интересным сравнить восприятие концепта ВОЙНА и его интерпретацию в русской и китайской лингвокультурах.

В этой связи мы ставим своей целью сопоставительный анализ концептуальных представлений о войне в русской и китайской картинах мира.

Для достижения этой цели был последовательно решен ряд исследовательских задач:

- 1) приведены результаты дефиниционно-этимологического анализа лексем-репрезентантов концепта **ВОЙНА**;
- 2) обобщены результаты проведенных ранее исследований фразеологизмов с культурно-семантическими компонентами концепта **ВОЙНА**;
- 3) интерпретированы результаты проведенных ранее ассоциативных экспериментов со словом-стимулом «война» для представителей русской и китайской лингвокультур;
- 4) полученные данные сопоставлены с результатами исследования межкультурной вариативности в восприятии метафорических моделей со сферой-целью **ВОЙНА**.

Данная работа во многом носит обобщающий характер, в ней аккумулируются и осмысляются результаты проведенных ранее эмпирических исследований, связанных с изучением представлений о войне в сознании носителей русского и китайского языков. Мы полагаем, что обобщение и совокупный анализ данных, полученных из разных эмпирических источников, позволяет более комплексно представить изучаемую проблематику и тем самым более полно представить концептуальные характеристики представлений о войне в русской и китайской лингвокультурах.

Среди использованных методов исследования, помимо обобщения и синтеза научной информации, необходимо выделить метод концептуального анализа, метод дефиниционно-этимологического анализа, ассоциативный эксперимент и метод метафорического моделирования, суть и «механика» которых будут описаны далее.

Теоретической основой для данной работы служат исследования в области когнитивной лингвистики [Болдырев 2014; Кубрякова 2002] и лингвокультурологии [Карасик, Слышкин 2005; Степанов 1997], а также ранее проведенные исследования особенностей вербализации военной сферы жизни общества [Калинин 2020; Flusberg, Matlock, Thibodeau 2018; Kalinin 2020; Фоменко 2021; Волков 2017].

Основная часть

Смысловое содержание концепта **ВОЙНА в русском и китайском языках.**

Прежде всего рассмотрим определения слов-репрезентантов исследуемого концепта в двух языках. В русском языке война:

- «вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства;
- борьба, враждебные отношения с кем-нибудь или чем-нибудь» [Ожегов 2003: 89];
- «раздор и ратный бой между государствами, международная брань» [Даль 2004: 100];

- «общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами» (Словарь военных терминов) [Плехов 1988: 78];
- «общественно-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и иных противоречий» (Словарь терминов чрезвычайных ситуаций) [Пучкова 2015: 120].

С этимологической точки зрения слово «война» в русском языке имеет общеславянское происхождение, и вариации слов с тем же значением встречаются практически во всех славянских языках. «Образовано от существительного вой – “воин”, родственно латинскому слову *venari* “охотиться” и древнемецкому слову “*weida*” – “охота”» [Крылов 2004: 96].

Согласно приведенным словарным определениям основным значением понятийного поля слова «война» в русском языке является «форма вооруженной борьбы, определяемая социально-политическими факторами». В то же время весьма значимо и понимание войны как «социального явления, тесно связанного с государственной политикой».

Ниже приведены основные определения слова-представителя понятия войны в китайском языке:

- 为政治目的而进行的武装斗争 (Вооруженная борьба, ведущаяся в политических целях) [Cidianwang]
- 民族、国家、阶级、集团之间的武装斗争 (Вооруженная борьба между нациями, странами, классами и группами) [Cidianwang]
- 为实现一定的政治和经济目的而进行的武装斗争，是阶级间、民族间、国家间、政治集团间矛盾斗争的最高形式，以暴力手段反映政治实质 (Вооруженная борьба за достижение определенных политических и экономических целей, высшая форма противоречий между классами, нациями, странами и политическими группами, которая отражает сущность ведения политики насильственными средствами) [Cidianwang]
- 两个以上的敌对双方，为了屈服对方的意志，实现自己的主张，运用有形或无形的威力以决胜负的斗争 (Борьба, в которой две или более враждебные стороны используют материальную или нематериальную власть для подчинения своей воле другой стороны и реализации своих собственных притязаний) [Online Chinese Dictionary]

Ввиду типологических особенностей китайского языка понятийно-дефиниционный анализ должен включать также рассмотрение семантики и структурных особенностей каждого иероглифа, входящего в состав слова-репрезентанта.

战1) война; битва, борьба; 2) соревнования, борьба; спортивное соревнование; игра (挑战 – призыв к соревнованию, 冷战 – холодная война) [Большой китайско-русский словарь].

С точки зрения структуры и происхождения иероглифический знак 战 состоит из двух частей, а именно графем: 占 (занимать (место)) и 戈 (алебарда), т. е. это вооруженный захват. В полном написании [戰], которое отражает историческое развитие знака, мы наблюдаем сочетание графем 單 (исчерпаться, дойти до конца) и 戈 (алебарда). Этимологический словарь Hanziyuan отмечает, что знак 戰 относится к письменности цзиньвэнь (金文 – надписи на бронзовых сосудах, XIII–IV вв. до н. э.).

Рис. 1. Иероглифический знак 战 в стиле письменности цзиньвэнь.
Character 战 in the style of Jinwen

Декомпозиция знака состоит в том, что графический элемент 戈 несет в себе идеографическое значение, так как в древности знак означал «оружие, вооруженную борьбу», а графема 單 изначально была фонетиком, то есть указывала на произношение. Интересно, что упрощение иероглифа в ходе реформы китайской письменности 1956 года зафиксировало обновленное произношение знака 战 [zhàn] посредством добавления фонетика 占 [zhàn] вместо несколько устаревшего 單 [shàn]. При этом подобранный фонетик 占 [zhàn], по сути, отражает и обновляет семантику всего иероглифа.

争 zhēng – 1) бороться, бороться за что-то, побеждать; 2) соревноваться; 3) спорить, обсуждать (争权 – бороться за власть, 争功 – оспаривать достоинства друг друга) [Большой китайско-русский словарь].

По структуре и происхождению иероглиф 争 состоит из двух графем: 刀 (лезвие, нож), 冫 (свиная голова) и 丨 (веревка) [Этимологический онлайн-словарь китайского языка], то есть 争 можно интерпретировать как вооруженное столкновение за свинью, т. е. вооруженное столкновение за еду. Этимологический анализ показывает, что данный иероглифический знак относится к письменности цзягувэнь (甲骨文 XIV–XI вв. до н. э.), и исторически этот знак содержал в себе наверху знак 𠂇 когти. В словаре Hanziyuan утверждается, что этимологическое значение связано с «удержанием чего-то веревкой и руками» [Этимологический онлайн-словарь китайского языка].

Рис. 2. Иероглифический знак 争 в стиле письменности цзягувэнь.
Character 争 in the style of Jiaguwen

Для полноты картины предлагается также рассмотреть синонимические ряды для исследуемых лексем. Война: бой, сражение, вражда, борьба, брань, боевые действия, рознь, баттл, междоусобица, кровопролитие, вооруженный конфликт. 战争 (война): 兵戈 (оружие), 打仗 (сражаться), 干戈 (оружие, стычки, раздоры), 搏斗 (схватка, борьба), 奋斗 (борьба), 交兵 (скрещивать оружие; вести бой), 战役 (военная операция), 交锋 (скрестить оружие; пустить в ход оружие), 接触 (столкновение, соприкосновение) [Online Chinese Dictionary].

В результате дефиниционного и этимологического анализа лексем-репрезентантов концепта ВОЙНА в русской и китайской лингвокультурах мы видим, что война воспринимается во многом схоже, а именно как «форма вооруженной борьбы, связанная с политикой». Однако имеются и некоторые смысловые различия:

- помимо вышеперечисленных значений, русская лингвокультура трактует войну и как «социальное явление», что «указывает на то, что состояние войны для русского народа в некотором роде естественно» [Kalinin, Mavleev 2020: 85];
- в китайской лингвокультуре очень значимо семантическое значение «борьба за достижение чего-то, получение каких-то благ», что проявляется не только в базовом лексическом значении, но и четко прослеживается через историческое развитие иероглифических знаков.

Представления о войне во фразеологии русского и китайского языков. Рассмотрение паремического фонда двух языков на предмет репрезентации отдельных компонентов концепта ВОЙНА в сопоставительном аспекте представляется важным уточняющим этапом изучения представлений о войне в русской и китайской лингвокультурах. Паремии рассматриваются как культурно-маркированные единицы языка, которые в сжатом виде выражают мудрость и опыт предшествующих поколений. Согласно такой точке зрения, фразеологизмы в большей степени, чем другие языковые единицы, передают национальную специфику, являясь «“автобиогра-

фией народа”, “энциклопедией народной жизни” и “зеркалом культуры”, которые ярко отображают быт, нравы, обычаи и прочие специфические особенности создавшего их народа. <...> В них находит свое отражение всё, чем живет и с чем сталкивается тот или иной народ на протяжении веков» [Пермяков 1988: 19].

Отметим, что фразеологизмы с военными компонентами достаточно хорошо изучены как на материале русского [Ибрагимов 2018; Фоменко 2021; Калмыкова 2011; Жуков 2005], так и китайского языков [Репнякова 2021; Полончук 2018; Ван Синьцзюй 2018; Абдрахимов 2018]. Отдельно стоит выделить выпущенный тематический словарь китайских пословиц и поговорок военной тематики, собравший более 2500 единиц паремий из военной сферы [Абдрахимов 2018]. В этой связи в данной статье мы ограничимся анализом уже проведенных исследований и предложим обобщенные выводы по выявленным семантическим полям, характерным для военной терминологии.

Итак, с опорой на анализ Н.Н. Репняковой [Репнякова 2021] и исследования Р.А. Полончука [Полончук 2018] мы можем в общих чертах определить, что наиболее характерными понятийными признаками концепта **ВОЙНА** в китайских фразеологизмах будут:

- 1) вооружение/обмундирование (枕戈待旦 класть оружие (боевой топор) под голову и ждать утра (обр. в знач.: быть в постоянной боевой готовности, быть настороже); 干戈归库, 马放南山. Щит и топор вернулись на склад, лошади отправились в Южные горы (обр. в знач.: не использовать войска во время мира; потерять бдительность); 束戈卷甲 увязывать алебарды, сворачивать латы (обр. в знач.: сдаваться));
- 2) воины/солдаты/генералы (老将出马, 一个顶俩 старый генерал на боевом коне (обр. в знач.: один стоит двух, мастер работает один за двоих); 爱兵如子, 用兵如山 любите солдат как сыновей своих, используйте их как горы (обр. в знач.: народ, который не кормит свою армию, обязательно будет кормить чужую));
- 3) «дух войны» / средства ведения войны (兵不厌诈 на войне не возбраняются хитрости; на войне всё дозволено; 围魏救赵 окружить Вэй, помочь Чжао (обр. в знач.: отвлечь силы врага ударом по его тылам));
- 4) внешние атрибуты армии (旌旗猎猎 — развеваются на ветру бунчуки и знамена; 重整旗鼓 приводить в порядок знамёна и барабаны (обр. в знач.: перестраиваться: учесть ошибки и поражения и перегруппировать силы)).

Для русского языка Е.Л. Калмыкова выделила понятийные признаки:

- 1) «вооруженный» (огнем и мечом, пороха не нюхал), что сходно с выделенным выше для китайского языка семантическим полем «вооружение»;

- 2) «противники» (разбить неприятеля наголову, турки падают как чурки);
- 3) «бой» (что с бою взято, то свято; биться смертным боем) [Калмыкова 2011].

К этим понятийным признакам необходимо также добавить важный блок значений, которые явственно прослеживаются в поговорках о войне на русском языке, а именно «тяжесть войны / последствия войны», что отражается в таких фразеологизмах, как «Война кровь любит; Войну хорошо слышать, да тяжело видеть; Войной да огнем не шути; Ни моря без воды, ни войны без крови; Война не лечит, а калечит».

И.Б. Фоменко также добавляет к указанным понятийным признакам значение «война — это кровавая борьба власть имущих» и приводит примеры: «Война питается деньгами, а увеселяется кровью. Война — кому веревка, а кому дойная коровка. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат» [Фоменко 2021: 912].

Отметим, что в китайской классической литературе война часто представляется как одна из форм реализации государственной власти, своего рода продолжение политики. В.Л. Ибрагимов и Ван Хайтао также отмечают, что «китайская военная школа придает равно важное значение политическим факторам и этическим нормам войны» [Ибрагимов и Ван 2018: 525]. Сунь-Цзы отмечал, что «Война — это важное государственное дело, которое определяет, будет страна жить или умрет, это путь к выживанию или гибели, поэтому в ней нельзя не разобраться» (兵者，国之大事，死生之地，存亡之道，不可不察也). «В китайском языковом сознании война тесно связана с судьбой государства и жизнью граждан, поэтому считается, что необходимо серьезно относиться к войне, лучше избежать войны, ср.: 不战而屈人之兵 ‘покорить врагов без боя’» [Ибрагимов, Ван 2018: 526].

Нельзя не отметить, что в китайском сознании война часто сопряжена с «хитростью, стратегией» и даже определенным «обманом», что отражается в классических произведениях о войне 吴子兵法 «Искусство войны У-Цзы», 孙子兵法 «Искусство войны Сунь-Цзы», 三十六计 «Тридцать шесть стратагем». Например, 调虎离山 [diaohulishan] — выманить тигра с гор (обр. в знач.: выманить врага из его укрепленной базы); 围魏救赵 окружить Вэй, помочь Чжао (обр. в знач.: отвлечь силы врага ударом по его тылам).

Если обобщить данные, полученные в результате анализа уже проведенных исследований поговорок военного характера, то можно сделать вывод, что при безусловном сходстве некоторых понятийных признаков репрезентации войны в фразеологии русского и китайского языков присутствуют и существенные отличия. Сходным можно признать использование внешних атрибутов военной сферы, а именно оружия, обмунди-

рования и проч., для метонимических замен описания сущности военных действий. При этом отличным является содержание признака «суть войны», где для русской лингвокультуры более значимым представляется осмысление тяжелых духовных последствий войны, горя, беды, которые она приносит участникам и народу в целом, а для китайской фразеологии характерна более внешняя описательная характеристика войны, акцент не на трагических последствиях войны для каждого человека, а на своего рода «способе ее ведения». Также стоит выделить отличия, связанные с тем, что в русской лингвокультуре внимание уделяется противнику, а в китайской фразеологии в значительной степени отражены результаты концептуализации своих военных. Отдельного упоминания заслуживает понимание войны как пути обмана в китайской лингвокультуре, что зафиксировано в древних военных трактатах и что, на наш взгляд, во многом и определяет отношение к непосредственной, физической форме ведения войны в Китае.

Восприятие войны носителями лингвокультуры. Изучив проявление концептуальных признаков войны в языке посредством дефиниционного, этимологического анализа и исследования фразеологии, мы можем на этом основании далее проследить, каким образом данные признаки и значения зафиксированы в народном сознании. Для этого приведем результаты ассоциативных экспериментов, а также данные, полученные в ходе эксперимента по анализу восприятия метафор войны. Данные практические исследования позволяют понять, каково восприятие войны в народном сознании и связано ли оно со значениями и признаками, зафиксированными в словарях и паремиях.

Результаты прямого ассоциативного эксперимента, построенного по принципу «стимул-реакция», представлены в двух работах. О.И. Калинин и Р.Р. Мавлеев представили результаты опроса 80 респондентов для каждого языка, в числе которых были и военнослужащие (примерно по 20 профессиональных военных в качестве респондентов) [Kalinin, Mavleev 2020: 80–92]. И.Б. Фоменко также провел ассоциативный эксперимент на русскоязычных и китаеязычных студентах ДВФУ [Фоменко 2021]. Два эксперимента несколько отличались по методике, поэтому и их результаты можно признать взаимодополняющими. Так, первый эксперимент был построен по модели «1 стимул – одна реакция» с заданием продолжить одним словом «Война – это...». Второй же являлся свободным ассоциативным экспериментом, не ограничивающим испытуемых частеречной принадлежностью слова-стимула и количеством реакций.

Согласно результатам, полученным в исследовании О.И. Калинина и Р.Р. Мавлеева, «наиболее частыми ответами в опросе для носителей русской лингвокультуры были: смерть, кровь, страдание, горе, слезы, наси-

лие, несчастье, убийство, катастрофа, разрушение, страх, ужас, боль, хаос, жестокость, оружие/армия» [Kalinin, Mavleev 2020: 86].

Анализ ответов российских респондентов позволил выявить следующие компоненты понятийного поля концепта ВОЙНА для носителей русской лингвокультуры:

«1) Смерть (17), убийство (10): жестокость (7), кровь (4), всего 38 упоминаний на группу;

2) Страдания (горе (7), страдание (3), боль (4), слезы (2), страх (2), несчастье (3), ужас (3)), всего 24 упоминания на группу;

3) Последствия (хаос (5), катастрофа (4), разрушения (2)), всего 11 упоминаний на группу;

4) Оружие (представлено лексемой: оружие (7)) – всего семь упоминаний на группу» [Kalinin, Mavleev 2020: 86].

Наиболее частотными ассоциатами, полученными А.П. Фоменко, стали: «смерть – 51; страх – 24; голод – 16; горе – 14; кровь – 8; боль, потеря – 8; оружие – 7; ужас, слезы – 6; плен, беда, убийство – 4; жестокость, зло, разрушение, страдание, разруха, победа, вторая мировая война, Великая Отечественная война – 3; разлука, стрельба, память, люди, храбрость, подвиги, гибель, книга Толстого “Война и мир”, жизнь, ветераны, печаль, жертвы, несправедливость, взрывы, геноцид, агрессия, борьба, Украина, несчастье, отвага, танк, дети, блокада Ленинграда, власть, ядерный взрыв, тоска, воспоминание – 2» [Фоменко 2021: 912]. Это наводит автора на мысль о том, что «в ассоциативном сознании русских людей происходит фиксация различных характеристик войны и исторических событий и присутствует эмоциональная оценочность, связанная с переживаниями последствий войны» [Фоменко 2021: 912].

При этом мы видим, что результаты свободного эксперимента во многом подтверждают данные первого эксперимента, базовой ассоциацией становится «смерть», а такие ассоциации, как «страх», «голод», соотносятся с группой «переживания» и «последствия».

Далее рассмотрим результаты эксперимента для китайских респондентов. «Наиболее частыми ответами китайских участников эксперимента были: смерть, умереть, страдания, страх, кровь, Япония, жестокость, катастрофа, ужас, беспорядок, враг, насилие, боль.

Анализ ответов китайских респондентов позволил выявить следующие составляющие значения концептуального поля слова «война»:

1) Смерть (смерть (25), насилие (2), жестокость (5), кровь (3)), всего 35 упоминаний на группу;

2) Страдания (страдание (8), боль (2), страх (3), ужас (3)), всего 16 упоминаний на группу;

3) Последствия (беспорядок (8), катастрофа (4), разрушение (7)), всего 19 упоминаний на группу;

4) Враг (представлен лексемами: враг (5), Япония (4)) – всего 9 упоминаний на группу» [Kalinin, Mavleev 2020: 87].

В свободном ассоциативном эксперименте А.П. Фоменко «на словостимул «война» мы получили 189 ассоциатов: Война / 战争 – [战争与和平] война и мир – 25; [第二次世界大战] Вторая мировая война – 15; [死亡] смерть – 13; [卫国战争] отечественная война – 12; [和平] мир – 10; [世界大战] мировая война – 9; [流血] проливать кровь – 8; [第一次世界大战] Первая мировая война – 6; [抗日战争] война сопротивления японским захватчикам, [牺牲] жертва, [武器] вооружение, [灾难] бедствие – 5; [伤亡] раненые и убитые, [军人] военные – 4; [人民] народ, [军队] армия, [托尔斯泰] Толстой Л.Н., [悲惨] ужас, [苦难] страдания, [痛苦] горе, [冷战] холодная война – 3; [硝烟] пороховой дым, [士兵] солдат, [孤儿] сирота, [南京大屠杀] Нанкинская резня, [世界] мир, [动荡] потрясение, [无畏的战士] бесстрашный воин, [流离失所] мыкаться по свету и не знать, где голову преклонить, [贸易战] торговая война, [政治] политика, [使命] миссия, [战乱] военный мятеж, [争斗] борьба, [惊恐] испуганный» [Фоменко 2021: 912].

В этих ассоциациях мы видим значительный акцент на прецедентные имена и события, которые становятся едва ли не самыми частотными реакциями. Возможно, это связано с особенностями самих респондентов, которые, в отличие от первого эксперимента, являлись студентами, обучавшимися на момент опроса в России. При этом всё же нельзя не отметить, что результаты этого эксперимента также подтверждают значимость ассоциаций, связанных с последствиями войны: [死亡] смерть; [流血] проливать кровь; [牺牲] жертва; [灾难] бедствие; [伤亡] раненые и убитые; [悲惨] ужас; [苦难] страдания; [痛苦] горе; [孤儿] сирота.

Детальный сопоставительный анализ концептуальных признаков феномена войны в русской и китайской культурах на основании результатов двух ассоциативных эксперимента показывает, что:

1) В обеих лингвокультурах компонент «смерть» стал определяющим, что неудивительно, учитывая историческое развитие России и Китая, прошедших через многочисленные военные конфликты.

2) Для русскоязычных респондентов значимым является смысловой компонент «страдания», который представлен лексемами, связанными с душевными переживаниями, тогда как китайские респонденты показали большую важность материальных «последствий» войны. Вероятно, такая разница связана «с исторической памятью народов России, в которой трагические последствия Великой Отечественной войны затронули практически каждую семью, и были, в основном, связаны с потерей близких и родных, что отражено в семантическом значении поля «Страдания» как часть феномена войны. С китайской точки зрения смерть одного конкретного человека не всегда является трагедией, что характерно для азиатских культур. Хотя гармония и порядок являются чертами китай-

ской духовной традиции, война, очевидно, становится главной причиной естественного хода событий» [Kalinin, Mavleev 2020: 88].

Это различие позволяет охарактеризовать русскую лингвокультуру как направленную на сопереживание горю каждого человека, то есть в значительной степени феминную культуру, а китайскую — как направленную на поддержание порядка и гармонии в обществе в целом, что отражает коллективистский характер китайской лингвокультуры. Трудно не согласиться с тем, что «носители русской культуры воспринимают катастрофы войны через личную трагедию, тогда как китайская культура больше внимания уделяет разрушительному воздействию войны на государство и общество» [Kalinin, Mavleev 2020: 89].

3) Наличие в ответах русских респондентов значительного количества лексических единиц, относящихся к компонентной группе «Оружие», свидетельствует о том, что представители русской культуры воспринимают войну отчасти как ремесло, как определенный вид профессиональной деятельности.

4) В ответах китайских респондентов нам удалось выделить компонентную группу «Враг», что может свидетельствовать о склонности к отождествлению войны с конкретным противником, наличие лексемы «Япония» свидетельствует о конкретизации противника. Также нельзя не отметить, что в ответах, полученных в результате свободного ассоциативного эксперимента, мы находим достаточное количество лексем, которые так или иначе связаны с прецедентными именами или событиями. Это свидетельствует о соотношении войны как абстрактного понятия с чем-то более конкретным.

Отличия в восприятии феномена войны носителями разных лингвокультур можно изучить по результатам, полученным в ходе эксперимента по восприятию военных метафор [Калинин 2020: 83–93]. В современной когнитивной лингвистике считается доказанным тот факт, что языковые формы концептуальных метафор зависят от культурно-исторических характеристик мышления носителей разных языковых систем. Как указывает З. Ковечеш, «метафоры могут быть вариативными, и они различаются по двум основным измерениям: межкультурному и внутрикультурному» [Kövecses 2005: 13].

Межкультурная вариативность — это разница в метафорической концептуализации окружающей действительности с точки зрения представителей разных этнических и национальных культур.

Иными словами, концептуальные метафоры, которые, по меткому выражению Дж. Лакоффа, отражают «то, как мы думаем, что переживаем и что делаем каждый день» [Лакофф, Джонсон 2004: 23], могут менять свою языковую форму в национальных дискурсах в зависимости от специфики национальной культуры.

Приведем пример одного из подобных исследований [Musolf 2020]. Суть его заключалась в опросе респондентов из 10 разных стран, принадлежащих к разным языковым культурам, относительно интерпретации концептуальной метафоры НАЦИЯ – ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА. Результаты показали довольно широкий диапазон вариаций интерпретации метафоры, ни один из которых не был предсказан теоретическими предпосылками классической теории концептуальной метафоры, что объясняется тем, что многие из респондентов, уделяя метафоре особое внимание, разрабатывали ее вариации на основе своего культурно-исторического опыта с целью усиления прагматического эффекта. Например, представители китайской социокультуры преимущественно использовали в качестве исходной сферы географию страны, тогда как представители Европы обращали внимание на государственное устройство, а американцы в качестве исходной сферы использовали различный национальный состав своего народа.

По мнению З. Ковечеша, «межкультурные вариации метафорических моделей могут проявляться в трех разных типах:

1. Разные культуры имеют разные сферы-источники для одной и той же сферы-цели;
2. В разных культурах сферы-источники для одной и той же сферы-цели почти одинаковы, но один язык/культура демонстрирует явное предпочтение некоторым используемым концептуальным метафорам, и это предпочтение различается от культуры к культуре.
3. Определенная концептуальная метафора может быть уникальной и специфичной только для одной культуры» [Kövecses 2005: 67–68].

В проведенном исследовании мы опирались на второй тип межкультурной вариативности и исследовали предпочтительное восприятие определенных метафорических моделей со сферой-целью ВОЙНА в сознании носителей русского и китайского языков.

Прежде всего для проведения эксперимента были выбраны сферы-источники, отражающие разное осмысление войны, а именно ВОЙНА – это ИГРА, ВОЙНА – это ТЕАТР, ВОЙНА – это СОРЕВНОВАНИЕ, ВОЙНА – это АЗАРТНАЯ ИГРА, ВОЙНА – это УРОК и ВОЙНА – это СМЕРТЬ. После этого для каждой концептуальной метафоры было разработано по 4 языковых метафоры (2 ярких авторских и 2 конвенциональных стертых), всего 24 предложения-стимула. Например, «Мы проиграли это сражение, но выиграли войну (стертая метафора со сферой-источником ИГРА); Генералы переставляли полки и батальоны как шахматные фигурки (новая метафора со сферой-источником ИГРА». Все предложения-стимулы можно посмотреть в более детальном описании методики исследования [Калинин 2020: 109–110].

Само исследование состояло в опросе респондентов – носителей русского и китайского языков, которые были кадровыми военнослужащими.

Анкета содержала два задания: 1) оценить адекватность предложенных предложений по шкале от 1 до 10. Формулировка задания гласила: «Оцените, пожалуйста, вероятность употребления вами такого предложения, где 1 – я никогда бы так не сказал, а 10 – я использовал такую или похожую фразу». 2) участники должны были выразить свое согласие или несогласие с высказыванием, соответствующим базовой формуле концептуальной метафоры (ВОЙНА – это ИГРА/ТЕАТР и т. д.) по шкале от 1 до 5, где крайние значения означают полное несогласие и согласие соответственно. Отметим, что количественный подсчет двух показателей позволяет вычислять так называемую «дисперсию между имплицитным и эксплицитным планами метафоры, значение которой показывает устойчивость метафорической модели в сознании людей» [Калинин 2020: 113].

Результаты первого этапа эксперимента представлены в таблице.

Таблица 1

**Восприятие языковых метафор войны.
Perception of language war metaphors**

	ИГРА	ТЕАТР	СОРЕВНОВАНИЕ	АЗАРТНАЯ ИГРА	УРОК	СМЕРТЬ
Русский	5,6	4,4	4,4	5,2	5,8	4,7
Китайский	4,5	4,6	5,2	4	5,1	5,6
Разница	1,1	-0,2	-0,8	1,2	0,7	-0,9

В Таблице 1 мы видим, что наибольшую разницу между полученными результатами имели показатели восприятия исходной области ИГРЫ (1,2), АЗАРТНОЙ ИГРЫ (1,1), СМЕРТИ (-0,9) и КОНКУРЕНЦИИ (-0,8). Важнейшими исходными областями для русской культуры были ИГРА, УРОК и АЗАРТНАЯ ИГРА, а для китайской – СМЕРТЬ, УРОК и СОРЕВНОВАНИЕ. Так, в русской культуре война часто воспринимается как ИГРА, УРОК и отчасти как АЗАРТНАЯ ИГРА, тогда как для китайской культуры характерно восприятие ВОЙНЫ как СОРЕВНОВАНИЯ, несущего смерть и способного носить поучительный характер.

Как уже говорилось выше, исследование также было нацелено на выявление разницы концептуального и языкового уровней метафорического восприятия, что технически состояло в вычислении метафорической дисперсии, которая показывает устойчивость метафорической модели в сознании носителей лингвокультуры.

Таблица 2

**Концептуальный и языковой уровни метафорического восприятия.
Conceptual and linguistic levels of metaphorical perception**

	ИГРА	ТЕАТР	СОРЕВНОВАНИЕ	АЗАРТ	УРОК	СМЕРТЬ
Рус (язык.)	5,6	4,4	4,4	5,2	5,8	4,7
Рус (конц.)	2,2	2	2,5	2,1	4,9	4,6
Рус дисперсия, %	12	4	-6	10	-40	-45
Кит (язык.)	4,5	4,6	5,2	4	5,1	5,6
Кит (конц.)	2,1	2,2	2,9	1,5	2,4	3,1
Кит – дисперсия, %	3	2	-6	10	3	-6

Из полученных данных можно сделать вывод, что для китайских респондентов существует нормальное значение дисперсии для всех исходных доменов, то есть китайская культура характеризуется более адекватным пониманием феномена войны. Для русскоязычных респондентов наблюдается высокий уровень разброса по метафорическим моделям со сферой-источником СМЕРТЬ и УРОК, что демонстрирует неустойчивый характер этих метафор, а именно указывает на неполное, фрагментарное или даже поверхностное понимание данной концептуальной метафоры русскоязычными респондентами. Это свидетельствует о явном диссонансе в понимании войны среди носителей русского языка: с одной стороны, российские респонденты полностью согласны с тем, что война – это урок и смерть, а с другой – восприятие этих концептуальных областей не отличается стабильностью.

Результаты. В данной работе отражены результаты исследований представлений о феномене войны в русской и китайской лингвокультуре. Мы последовательно представили данные, полученные в результате дефиниционно-этимологического анализа лексем-репрезентантов концепта ВОЙНА (смысловой компонент), исследования паремий на военную тематику (оценочный компонент). Также приведены результаты двух ассоциативных экспериментов и метафорического моделирования со сферой-целью ВОЙНА, что отражает эмоциональный компонент.

Представим полученные данные в форме сводной таблицы.

Таблица 3

Сравнение смысловых, оценочных и эмоциональных компонентов представлений о войне. Comparison of semantic, axiological, and emotional components of war perception

	Русская лингвокультура	Китайская лингвокультура
Базовое значение	форма вооруженной борьбы	форма вооруженной борьбы
Вторичное значение	социальное явление	соперничество за получение благ
Этимологическое значение	вооруженное противостояние	вооруженная борьба за обладание материальными благами
Оценочный компонент (паремии)	война – страдания война – ремесло	война – политика, обман
Доминантный эмоциональный компонент	смерть, страдания	смерть, последствия
Вторичный эмоциональный компонент	последствия, оружие/ ремесло	страдания, враги/ персонализация
Базовые эмоциональные модели	игра, урок, азарт	смерть, урок, соревнование

Таким образом, можно постулировать, что для русской лингвокультуры феномен войны предстает как форма вооруженной борьбы и вид профессиональной с доминантными компонентами «смерть, страдания, оружие», а для китайской культуры – как форма вооруженной борьбы, направленная на получение выгоды, с доминирующими атрибутами «смерть, последствия, враг». При этом важными дополнительными направлениями осмысления феномена войны для русской лингвокультуры является представление о ней как об особом ремесле, виде профессиональной деятельности, а для китайской культуры – как о «продолжении политики», «пути обмана».

Изложенные выше результаты явно коррелируют с историческим опытом обеих стран. Вся история России состоит из огромного количества войн – как оборонительных, так и наступательных. В нашей стране военное дело всегда рассматривалось как уважаемая профессия, а политическая власть часто принадлежала военным. Поэтому война стала чем-то обыденным, почти стандартным ремеслом. Таким образом, отношение к войне может быть похоже на «опасную игру, которая приносит духовные страдания». Русский народ буквально «выстрадал» за время своего исторического

развития понимание разрушительной силы войны для каждого человека персонально. В Китае отношение к войнам совершенно иное, так как Китай никогда не вел наступательных войн, предпочитая добиваться побед без оружия за счет культурной и экономической экспансии. Кроме того, исторически военные в государственной иерархии никогда не занимали лидирующие позиции, находились на ступень ниже гражданской администрации. Следовательно, война больше ассоциируется с видом политической деятельности, где имеют место хитрость и обман и которая может принести негативные материальные последствия.

Выводы. Таким образом, обобщенный анализ результатов разных исследований представлений о войне демонстрирует разницу в базовом культурно-историческом опыте двух народов. Проведенный анализ позволил не только продемонстрировать эту разницу, но и выявить конкретные содержательные различия в понимании войны в двух культурах.

Полагаем, что предложенная последовательность исследовательских шагов, а именно рассмотрение понятийного компонента феномена «война» посредством изучения словарных дефиниций и этимологии лексем-репрезентантов, описание оценочного компонента через анализ паремического фонда языка и выявление характеристик эмоционального компонента через результаты ассоциативного эксперимента и анализ метафорических моделей, отражает современные представления когнитивной лингвистики о репрезентации сложного знания в языке. Сопоставительные исследования, построенные по сходной архитектуре, позволяют проникать в глубинные основания культурно-исторического опыта разных народов, отраженные в языке. Исследование национально-маркированного и культурно-обусловленного знания может стать эффективным способом изучения национальной психологии других народов и стать основанием для выстраивания долгосрочных взаимовыгодных отношений с ними.

Источники

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Олма-Пресс, 2004. 700 с.

Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка / [сост. Г.А. Крылов]. СПб.: Victory, 2004. 428 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений. 4-е изд., доп. М.: ЛД ИНВЕСТ: Азбуковник, 2003. 939 с.

Плехов А.М. Словарь военных терминов / [Сост. А.М. Плехов]. М.: Воениздат, 1988. 335 с.

Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info>

Онлайн-словарь синонимов русского языка. URL: <https://synonymonline.ru>
Этимологический онлайн-словарь китайского языка. URL: <https://hanziyuan.net>
Online Chinese Dictionary. URL: <https://cidian.gjcha.com>

Литература

Абдрахимов Л.Г., Радус Л.А., Ткачук В.В. Военная тематика в китайских пословицах и поговорках. Китайско-китайский тематический словарь. М.: ВКН, 2018. 120 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

Ван Синьцзюй. Русские и китайские фразеологизмы, характеризующие поведение человека во время военных действий // Вестн. Башк. ун-та. 2018. Т. 23. № 2. С. 468–472.

Гераклит Эфесский: всё наследие: на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.

Жуков К.А. Отражение концепта «Война» в английских и русских паремиях // Вестник НовГУ. 2005. № 33.

Ибрагимова В.Л., Ван Х. Война как явление социально-исторической природы в зеркале русской и китайской лингвокультуры // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 2. С. 522–531.

Калинин О.И. Внутрикультурная вариативность концептуальной метафоры со сферой-целью ВОЙНА: зависимость от профессионального и личного опыта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 3. С. 103–117.

Калинин О.И. Новизна метафоры и воспринимаемая уместность: содержательная, лингвокультурная и социальная вариативность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 27–44.

Калмыкова Е.Л. Понятийные признаки концепта «Война» и их вербализация в паремиях (на материале лексико-графических источников) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 22 (239). С. 100–102.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 347 с.

Кубрякова Е.С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. трудов. Тамбов: Грамота, 2002.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Ницше Ф. Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов: [пер. с нем.]. М.: АСТ, 2019. 352 с.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 240 с.

Полончук Р.А. Военная тематика во фразеологии китайского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2–2 (80). С. 361–363.

Потанчук М.А. Концепт ВОЙНА в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4 (17). С. 48–52.

Пучкова В.А. Гражданская защита: Энциклопедический словарь. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 706 с.

Репнякова Н.Н., Решетнева У.Н. Лексические средства создания образа войны в китайской фразеологии // Народная культура Сибири: материалы XXIX науч.-практич. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору, Омск, 18 ноября 2020 г. Омск: ОмГПУ, 2021. С. 24–30.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Фоменко И.Б. Концепт ВОЙНА в русской и китайской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. *Philology. Theory & Practice* 2021. Т. 14. Вып. 3. С. 910–917.

Flusberg S.J., Matlock T., Thibodeau P.H. War metaphors in public discourse // *Metaphor and Symbol*. 2018. Vol. 33. № 1. Pp. 1–18.

Kalinin O., Gruzdev D. WAR Lessons or how Social and Personal background Shapes Our Perception // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2020. Vol. 8. № 2. Pp. 83–93.

Kalinin O., Mavleev R. The “War” Concept in Russian and Chinese Socio-Cultural Environment. Proceedings of “DICTUM – FACTUM: from Research to Policy Making”. Sevastopol, December 5–6, 2019. Pp. 80–92.

Kövecses Z. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 314 p.

Musolff A. Metaphors for the Nation: Conceptualization of Its BODY and/or PERSON // *Cultural Conceptualizations in Language and Communication*. 2020. Pp. 3–23.

References

Istochniki

Dal' V.I. (2004). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: izbr. st.* [Explanatory dictionary of the Great Russian language: selected art] / sovmeshch. red. izd. V.I. Dal'ya i I.A. Boduena de Kurtene. Moscow: Olma-Press. 700 p. (In Russ.)

Krylov G.A. (2004). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] / [sost. G.A. Krylov]. Sankt-Peterburg: Victory. 428 p. (In Russ.)

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (2003). *Tolkovnyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]: 80 000 slov i frazeol. vyrazhenij. 4-e izd., dop. Moscow: LD INVEST: Azbukovnik. 939 p. (In Russ.)

Plekhov A.M. (1988). *Slovar' voennyh terminov* [Dictionary of military terms] / [Sost. A.M. Plekhov]. Moscow: Voenizdat. 335 p. (In Russ.)

Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' [Big Russian-Chinese Dictionary]. URL: <https://bkrs.info> (In Russ.)

Onlajn-slovar' sinonimov russkogo yazyka [Online Dictionary of Russian Synonyms]. URL: <https://synonymonline.ru> (In Russ.)

Etimologicheskij onlajn-slovar' kitajskogo yazyka [Etymological dictionary of the Chinese language]. URL: <https://hanziyuan.net> (In Russ.)

Online Chinese Dictionary. URL: <https://cidian.gjcha.com>

Literatura

Abdraximov L.G., Radus L.A., Tkachuk V.V. (2018). *Voennaya tematika v kitajskih posloviczah i pogovorkah* [Military themes in Chinese proverbs and sayings]. Kitajsko-kitajskij tematiceskij slovar'. Moscow: VKN. 120 p. (In Russ.)

Boldy'rev N.N. (2014). *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: kurs lekcii* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a course of lectures]. Tambov: Izdat. dom TGU im. G.R. Derzhavina. 236 p. (In Russ.)

Van Sin'czzuy. (2018). *Russkie i kitajskie frazeologizmy, xarakterizuyushhie povedenie cheloveka vo vremya voenny'h dejstvij* [Wang Xinju Russian and Chinese phraseological units characterizing human behavior during military operations]. In: *Vestn. Bashk. un-ta*. Vol. 23. № 2. Pp. 468–472. (In Russ.)

Geraklit Efesskij: vsyo nasledie [Heraclitus of Ephesus: all the heritage]: na yazy'kah originala i v rus. per.: krat. izd. (2012) / podgot. S.N. Murav'ev. Moscow: Ad Marginem Press. 416 p. (In Russ.)

Zhukov K.A. (2005). *Otrazhenie koncepta "Vojna" v anglijskih i russkih paremiyah* [Reflection of the concept of "War" in English and Russian parodies]. In: *Vestnik NovGU*. 2005. № 33. (In Russ.)

Ibragimova V.L., Van X. (2018). *Vojna kak yavlenie social'no-istoricheskoy prirody' v zerkale russkoj i kitajskoj lingvokul'tur* [War as a phenomenon of socio-historical nature in the mirror of Russian and Chinese linguistic cultures]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Vol. 23. № 2. Pp. 522–531. (In Russ.)

Kalinin O.I. (2018). *Vnutrikul'turnaya variativnost' konceptual'noj metafory' so sferoj-cel'yu VOJNA: zavisimost' ot professional'nogo i lichnogo opy'ta* [The intra-

cultural variability of the conceptual metaphor with the sphere-goal of WAR: dependence on professional and personal experience]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Vol. 18. № 3. Pp. 103–117. (In Russ.)

Kalinin O.I. (2022). *Novizna metafory' i vosprinimaemaya umestnost': sodержatel'naya, lingvokul'turnaya i social'naya variativnost'* [Novelty of metaphor and perceived relevance: meaningful, linguistic, cultural, and social variability]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya. № 75. Pp. 27–44. (In Russ.)

Kalmykova E.L. (2011). *Ponyatijny'e priznaki koncepta "Vojna" i ih verbalizaciya v paremiyah (na materiale leksiko-graficheskikh istochnikov)* [Conceptual features of the concept of "War" and their verbalization in parodies (based on the material of lexical and graphic sources)]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Lingvistika. № 22 (239). Pp. 100–102. (In Russ.)

Karasik V.I., Slyshkin G.G. (2005). *Bazovy'e xarakteristiki lingvokul'turnyh konceptov* [Basic characteristics of linguistic and cultural concepts]. In: *Antologiya konceptov*. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. 347 p. (In Russ.)

Kubryakova E.S. (2002). *O sovremennom ponimani termin "koncept" v lingvistike i kul'turologii* [On the modern understanding of the term "concept" in linguistics and cultural studies]. In: *Real'nost', yazyk i soznanie: Mezhdunar. mezhvuz. sb. nauch. trudov*. Tambov: Gramota. (In Russ.)

Lakoff Dzh., Dzhonson M. (2004). *Metafory, kotory'mi my zhivem* [Metaphors That We Live By]. Moscow: Editorial URSS. 256 p. (In Russ.)

Niczshe F. (2019). *Antixrist. Ecce Homo. Sumerki idolov* [The Antichrist. Ecce Homo. Twilight of the Idols]: [per. s nem.]. Moscow: AST. 352 p. (In Russ.)

Permyakov G.L. (1988). *Osnovy' strukturnoj paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow: Nauka. 240 p. (In Russ.)

Polonchuk R.A. (2018). *Voennaya tematika vo frazeologii kitajskogo yazy'ka* [Military topics in the phraseology of the Chinese language]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki*. Philology. Theory & Practice. № 2–2 (80). Pp. 361–363. (In Russ.)

Potapchuk M.A. (2011). *Koncept VOJNA v russkom yazy'ke i kul'ture* [The concept of WAR in the Russian language and culture]. In: *Chelyabinskij gumanitarnij*. № 4 (17). Pp. 48–52. (In Russ.)

Puchkova V.A. (2015). *Grazhdanskaya zashhita* [Civil protection]: E'nciklopedicheskij slovar'. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow: FGBU VNII GOChS (FCz). 706 p. (In Russ.)

Repyakov N.N., Reshetneva U.N. (2021). *Leksicheskie sredstva sozdaniya obraza vojny' v kitajskoj frazeologii* [Lexical means of creating an image of war in Chinese phraseology]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: materialy' XXIX nauch.-praktich. seminarov Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo centra po fol'kloru*, Omsk, 18 noyabrya 2020 g. Omsk: OmGPU. Pp. 24–30. (In Russ.)

Stepanov Yu.S. (1997). *Konstanty'. Slovar' russkoi kul'tury'. Opy't issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience]. Moscow: Shkola "Yazy'ki russkoi kul'tury'". 824 p. (In Russ.)

Fomenko I.B. (2021). *Koncept VOJNA v russkoj i kitajskoj yazy'kovy'h kartinah mira* [The concept of WAR in the Russian and Chinese language pictures of the world]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki*. Philology. Theory & Practice. Vol. 14. Iss. 3. Pp. 10–917. (In Russ.)

Flusberg S.J., Matlock T., Thibodeau P.H. (2018). *War metaphors in public discourse*. In: *Metaphor and Symbol*. Vol. 33. № 1. Pp. 1–18.

Kalinin O., Gruzdev D. (2020). *WAR Lessons or how Social and Personal background Shapes Our Perception*. In: *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. Vol. 8. № 2. Pp. 83–93.

Kalinin O., Mavleev R. (2019). *The "War" Concept in Russian and Chinese Socio-Cultural Environment*. Proceedings of "DICTUM – FACTUM: from Research to Policy Making". Sevastopol, December 5–6. Pp. 80–92.

Kövecses Z. (2005). *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press. 314 p.

Musolf A. (2020). *Metaphors for the Nation: Conceptualization of Its BODY and/or PERSON*. In: *Cultural Conceptualizations in Language and Communication*. Pp. 3–23.

Сведения об авторе

Калинин Олег Игоревич – доктор филологических наук; доцент; Московский государственный лингвистический университет; кафедра китайского языка; профессор; Военный университет имени князя Александра Невского; 36-я кафедра; доцент; научные интересы: теория дискурса, когнитивная лингвистика, метафорология, теория речевого воздействия.

Information about the author

Oleg I. Kalinin – Doctor of Philology; Associate Professor; Moscow State Linguistic University; Chinese Language Department; Professor; Military University; 36th Department; Associate Professor; scientific interests: theory of discourse, cognitive linguistics, metaphorology, theory of speech influence.

Научная статья

УДК 81.27

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.03

«КУВШИНКА/ЛОТОС» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА – ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ИЛИ ФИЛОСОФСКИЙ КОНЦЕПТ?

Илона Владимировна Заманова^{1, 2}

¹ Чжэнчжоуский педагогический университет, г. Чжэнчжоу, КНР, lizhecu@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-7612-6433>

² Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Пушкин, Ленинградская обл., Россия

Аннотация. В статье рассматривается структура языковых и фоновых знаний, репрезентированных лексемами «кувшинка» и «лотос», в русской и китайской картине мира. Утверждается, что в наивной картине мира данные номинации выступают прототипическими для всех видов водных цветов. На основании анализа разных слоев концептов, функционирование которых изучалось на материале текстов прозаического и поэтического дискурсов, традиционной символики, а также с помощью привлечения результатов ассоциативного эксперимента и анализа внутренней формы, делается вывод о содержательно схожей структуре концептов, но ценность конститuentов отличается: ядерная символическая и философская составляющая китайского концепта позволяет отнести его к философским, а синестезийно-перцептивное ядро русского концепта говорит о его художественном характере. Результаты исследования подтверждают антропоцентризм и биологизм языка как знаковой системы.

Ключевые слова: концептология, флоросемантика, водные цветы в языке, контрастная типология, антропоцентризм.

Для цитирования: Заманова И.В. «Кувшинка/лотос» в русской и китайской языковой картине мира – перцептивный или философский концепт? // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 40–60 <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.03>

Original article

“KUVSHINKA/LOTUS” IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD, IS IT A PERCEPTUAL OR PHILOSOPHICAL CONCEPT?

Илона В. Заманова^{1, 2}

¹ Zhengzhou Normal University, Zhengzhou, China, lizhecu@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-7612-6433>

² A.S. Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russian Federation

Abstract. The article examines the structure of linguistic and background knowledge represented by the words “kuvshinka” and “lotus” in the Russian and Chinese worldview. It is argued that in the naive picture of the world, these nominations are prototypical for all types of aquatic flowers. Based on the analysis of different layers of concepts, the functioning of which was studied on the material of texts of prose and poetic discourses, traditional symbolism, as well as by using the results of an associative experiment and analysis of internal form, it is concluded that the concepts have a substantially similar structure, but the value of the constituents is different: the nuclear symbolic and philosophical component of the Chinese concept allows it to be attributed to philosophical, and the synesthetic-perceptual core of the Russian concept shows its imaginative character. The results of the study confirm the anthropocentrism and biologism of language as a sign system.

Keywords: conceptology, florosemantics, aquatic flowers in language, contrastive typology, anthropocentrism.

For citation: Zamanova I.V. (2023). “Kuvshinka/lotus” in the Russian and Chinese language picture of the world, is it a perceptual or philosophical concept? In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil’ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 40–60 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.03>

© Заманова И.В., 2023

Введение. При исследовании концептуального характера важно различать наивную, научную и диалектную картины мира. Наивная картина ориентирована на фиксацию и анализ информации о мире в сознании большей части носителей стандартного литературного языка. Диалект-

ная картина мира, в особенности по отношению к фитонимам и флоронимам¹, значительно содержательнее стандартной наивной картины мира, но в данном исследовании объектом являются именно семантическое и концептуальное содержание понятия о водных цветах в наивном представлении. Сопоставление концептуальных структур флоронимов разных типов картин мира может стать самостоятельным исследованием. С точки зрения ботаники водные цветы имеют много разновидностей, каждая из которых обладает своими специфическими свойствами и носит конкретное название, однако в наивной картине мира образ водных цветов не дифференцируется и имеет одно доминантное название для всего класса. Мы считаем, что в русском языке таким названием служит «кувшинка», а в китайском — «лотос» для всех видов водных цветов, что является проявлением языковой экономии и упрощения². По указанным причинам объектом исследования стала система значений слов *кувшинка* и *лотос*, которая интерпретируется с позиций концептологии.

Результаты сопоставления переносных и символических значений³ лотоса и кувшинки важны для контрастивной языковой типологии, которая ищет ответ на вопрос о том, насколько язык произволен, а насколько зависит от определенных схем, продиктованных сознанию организацией человека как биологического и социального организма. На практике теория может быть применена в области контрастивной лексикографии.

Цель. Целью исследования является моделирование и сопоставление концептов в двух языках. Концептом мы именуем понятие, расширенное за счет культурных, философских и религиозных значений. При определении типов концептов использовалась классификация М.В. Пименовой [Пименова 2013: 129]. Ученый разделяет концепты на три основные

¹ Под фитонимами вслед за Г.М. Васильевой, Ли Юэцзяо, И.С. Куликовой понимаем лексику, называющую цветы и травы [Ли Юэцзяо, Васильева 2020: 8; Куликова 2006], под флоронимами понимаем лексику тематической группы «флора», т. е. понятие «фитоним» представлено в узком понимании.

² Примечательно, что Чжэншю Чжан (政硕 张) перевел слово «ненюфары» из стихотворения Н. Гумилева «Озера» как 睡莲 «спящий лотос». Само же слово «ненюфары» является общим для всех типов водяных цветов, но переводчик использовал именно слово 莲花 «лотос», а не обобщающее 荷花. С точки зрения русского языкового сознания обоснованием выбора кувшинки в качестве доминанты может послужить тот факт, что в словарях и определителях растений (см. список лит.) малоупотребительные водные фитонимы трактуются через кувшинку, а также тот факт, что при раздражении зрительной реакцией первым словом, всплывающим в сознании, является кувшинка. По данным НКРЯ, кувшинка имеет большую частотность употребления, чем другие слова тематического ряда.

³ Вслед за В.В. Колесовым под символом понимается «конструкт на основе совмещения образа и понятия» [Колесов 2012: 39]. Символическое значение является компонентом концепта и выявляется в поэзии, мифах, религиозных представлениях.

группы: базовые, дескрипторы и релятивы. В группе базовых концептов выделяются социальные, репрезентирующие представления о мире и отношении человека к миру. Для классификации социальных концептов считаем необходимым привлечь термин «художественный перцептивный концепт». Термин был введен С.А. Аскольдовым, который противопоставлял художественный концепт познавательному [Аскольдов 1997: 268]. О.А. Мещерякова под художественным перцептивным концептом подразумевает гештальтный конструкт, в котором присутствуют слоты, связанные с информацией, поступающей по всем органам восприятия и представляющие собой синестезическое единство [Мещерякова 2013: 812]. Под синестезией понимается биологическая особенность организма, при которой мозг анализирует информацию от всех внешних и внутренних органов человека, реагирующих на определенный объект действительности, поэтому при воспоминании о данном предмете одновременно актуализируется вся сопутствующая информация. В лингвистике синестезия рассматривается как «механизм языка, основанный на принципе аналогии между двумя или более сенсорными модальностями» [Разлогова 2022: 70]. Считаем, что одним из тематических классов художественных концептов являются флоронимы. Если художественный концепт осложняется устойчивым метафорическим переносом, необходимым сознанию для осмысления философской проблемы, будем именовать концепт – философским. Таким образом, мы разделяем философский и перцептивный концепт не на том основании, что один исключает второй, а на том, что в сознании носителя того или иного языка философские или перцептивные признаки могут доминировать. Классификация концептов представляет собой открытое поле, поскольку, как справедливо заметил А.П. Бабушкин, «концепты можно классифицировать по разным основаниям, каждое из которых будет отражать определенную когнитивную реальность» [Бабушкин 2018: 15].

Методология. В ходе исследования применялась методология И.А. Стернина, З.Д. Поповой [Попова, Стернин 2007: 97], а также полевая методика Ю.Н. Караулова [Караулов 2022]. Проводился ассоциативный эксперимент, формировалось ассоциативное поле стимула, реакции распределялись по слотам, проводилась семная интерпретация, выявлялись универсальные и культурно специфические семы, анализировались символика и внутренняя форма, изучалось функционирование ключевой лексики в поэтическом и прозаическом дискурсах, исследовались фразеологизмы и поговорки, принимались во внимание прецедентные тексты, после чего моделировалась структура знаний в двух языках.

Материал. Материалом исследования послужили словарные статьи толковых, синонимических, фразеологических и этимологических словарей двух языков, тексты поэтического и прозаического жанров.

Основная часть

Ассоциативный эксперимент. В эксперименте приняли участие десять русскоговорящих (трое мужчин и семь женщин) и десять китайскоговорящих информантов (трое мужчин и семь женщин) различных возрастных категорий (от 18 до 60 лет). Предлагалось написать круг ассоциаций, возникающих на вербальный раздражитель «кувшинка/лотос».

Опрос позволил выявить следующую слотовую структуру:

Табл. 1. Реакции русских респондентов

Table 1. Reactions of Russian respondents

Цвет	Желтый, розовый, белый
Запах	–
Звук	Пение птиц, стрекот крыльев стрекоз, кваканье лягушек
Вкус	–
Место	Пруд, заводь, парк, болото, озеро
Размер	Маленький
Время года	Лето, конец лета
Дополнительные образы	Стрекозы, лягушки, листья, вода, небо, облака, солнце
Индивидуальные реакции	Китай, Египет, монах, беседка, убежище, темная стоячая вода, пузатенький кувшинчик, лотос, кувшин, Левитан, живопись
Прецедентные реакции	Дюймовочка
Психическое состояние	Покой
Символ	Чистота, девственность

Табл. 2. Реакции китайских респондентов

Table 2. Reactions of Chinese respondents

Цвет	Желтый, розовый, белый
Запах	Ароматный, очень приятный, сладкий
Звук	Пение птиц, стрекот крыльев стрекоз, кваканье лягушек
Вкус	Вкусный, съедобный, полезный
Место	Пруд, парк, огромное поле, село, пригород, река, рынок
Размер	Большой: большие листья, большие поля
Время года	Лето, зима
Дополнительные образы	Стрекозы, лягушки, листья, вода, лопата, кастрюля, семена
Индивидуальные реакции	Железная дорога, детство, голод, жара, лекарство, китайская медицина
Прецедентные реакции	Чжоу Дуньи «О любви к лотосу»
Психическое состояние	Покой, радость
Символ	Благородный человек, интеллигент, человек чистый душой и телом, девушка

На основании данных таблиц можно сделать вывод о более широкой слотовой структуре концепта «лотос» в китайском сознании. Под слотом понимается аспект или параметр фрейма, выделенный на основе опыта общения человека с исследуемым объектом (напр., форма, функция, положение в пространстве и т. д.) [Кобозева 2014: 66]. Концепт-фрейм «имплицитует комплексную ситуацию; его можно сопоставить с кадром, в рамки которого попадает всё, что типично и свойственно для данной совокупности обстоятельств» [Бабушкин, Стернин 2018: 12]. Так же понимается фрейм Ч. Филлмором [Fillmore 1982: 111]. Поскольку ассоциативный эксперимент предполагает реакцию на слово вне речевого контекста, в сознании активируется именно концепт-фрейм. В китайском сознании появляется слот вкуса, расширяется содержание слота места. Прокомментируем реакции, используя фоновые знания.

В климатической зоне России кувшинка растет преимущественно на болотах (отсюда в Корпусе обнаруживаются такие локативы, как топь, ил, тина, старица). В Китае произрастает отличный от кувшинки вид — лотос, он обладает листьями огромного размера, которые можно использовать как зонт для защиты от дождя и солнца. В Китае были хорошо изучены пищевые свойства растения. Китайская медицина применяет лотос как одно из лекарств, снимающих жар, укрепляющих организм при летнем зное.

Вышеперечисленное превратило лотос в культивируемое растение. Отсюда такая реакция, как огромное поле за городом. Часть респондентов вспоминает, что, будучи маленькими детьми, срывали зеленые коробочки с семенами лотоса, чтобы утолить голод. Семена лотоса продают как лакомство на рынках; внутри корней находится семь-восемь полостей (тоннелей), их используют для приготовления новогоднего праздничного блюда (полости заполняются мясным фаршем). Реакция «зима» объясняется тем, что корни лотоса выкапывают зимой, когда водоем пересыхает. Таким образом, экстралингвистическая информация показывает, что в Китае лотос является важным для быта народа.

В ходе эксперимента также было выявлено, что ассоциативное поле молодых респондентов беднее поля представителей старшей группы.

Эксперимент показал наличие прецедентного текста о лотосе в китайском сознании. Таким текстом является стихотворение древнего поэта Чжоу Дуньши 周敦頤 (1017–1073). Это стихотворение в школе обязательно учат наизусть. Название и перевод приводим ниже:

爱莲说 (水陆草木之花) (О любви к лотосу)¹

水陆草木之花，可爱者甚蕃。晋陶渊明独爱菊；自李唐来，世人甚爱牡丹。予独爱莲之出淤泥而不染，濯清涟而不妖，中通外直，不蔓不枝，香远

¹ Здесь и далее переводы автора статьи.

益清，亭亭净植，可远观而不可褻玩焉。予谓菊，花之隐逸者也；牡丹，花之富贵者也；莲，花之君子者也。噫！菊之爱，陶后鲜有闻，莲之爱，同予者何人？牡丹之爱，宜乎众矣。

(Многие цветы, растущие в воде, траве и на деревьях, достойны любви. Тао Юан Мин из династии Дзинь любит одну лишь хризантему; люди династии Тан — пион. Я же влюблен только в лотос, потому что он, рожденный в грязи, не запачкан, выходит обнаженным из воды, но в нем нет соблазна, стебель его пуст внутри, но несгибаем снаружи, без лишних листьев и ветвей, издалека доносится запах лотоса — насыщенный, но приятный. Как ровно и гордо стоит он в воде! Можно любоваться издали, но никак не поиграешь, не изменишь руками. Думаю, что хризантема среди цветов отшельник; пион — богач, лотос — благородный человек. Увы! О любви к хризантеме после Тао редко услышишь. У кого найдется и любовь к лотосу, подобная моей? Похоже, что лишь приверженцев пиона стало больше.)

Данный текст транслирует ценности внутренней красоты человека: скромность, чистоту, благородство, великодушие, силу духа, внутреннее достоинство, презрение к материальным благам, внимание к духовности.

Эксперимент показал наличие в русском языковом сознании текста «Дюймовочка». На наш взгляд, данный текст не является прецедентным для русского сознания по отношению к кувшинке. В словаре Ли Юэцзяо, Г.М. Васильевой не указана данная ассоциация [Ли Юэцзяо, Васильева 2020: 60]. Из трех электронных ресурсов по ассоциативным сетям <https://wordassociation.ru>, <https://wordmap.ru/association>, <https://sociation.org/word> только последний фиксирует реакцию «Дюймовочка», а прецедентность предполагает наличие быстрой реакции в сознании всех носителей.

Интерпретация символики. Данные из статьи об орнаментах резьбы по дереву в архитектуре Тюмени свидетельствуют о том, что кувшинка применялась как оберег русских девушек при нашествии татар [Веселкова 2017: 140]. В других орнаментах и традициях цветок также связывался с девушками. Таким образом, можно утверждать, что в народном бессознательном доминирует символ «девственность, чистота/кувшинка». Архетип этот, конечно, не случайный. Кувшинка недоступна — растет в воде, прекрасна, но сорвать сложно, она поднимается со дна, неяркая, неброская по цвету, незапыленная, омытая водой, что ассоциируется с чистотой, незапятнанностью (чистый/омытый водой).

На иконах Благовещения изображаются лилии (родственники кувшинок) — как символ чистоты и непорочности Девы Марии.

Помимо положительных ассоциаций, в народе существуют и негативные: русалки и прочее. Связано это, на наш взгляд, с тем, что цветок растет на болотах, в тине, что крайне опасно для жизни. Чужой, посторон-

ний человек ни за что в свете не прошел бы здесь и сгинул бы в болоте самую мучительную смертью, захлебнувшись в зеленой тине, посреди блестящей, роскошной травы, посреди красивых цветов – белых и желтых кувшинок. П.В. Засодимский. Пропал человек (Из деревенских летописей), 1886 [НКРЯ].

Сорванный цветок имеет длинную мягкую цветоножку, прохладную и водянистую на ощупь, которая ассоциируется со змеей, опасностью. Поэтому кувшинка может выступать символом опасности.

В китайском языке именно текст «О любви к лотосу» обеспечил трансформацию лотоса в символ благородного человека (Дзюнь Дзы).

Запрос на сайте о смысле цветка лотоса дает информацию о связи с символом «девической скромности и чистоты».

蓮花的花语是坚贞、纯洁、无邪、忠臣、信仰和爱情，虽然它是在淤泥里生长的，但开花并不会受到影响，它是在夏季开放的，花朵的观赏性很高，因此它也代表着纯洁的内心、高洁和典雅。莲花颜色并不鲜艳，是淡淡的颜色，就好像是娇羞的女孩在水中央，所以寓意着纯真，因此人们也会送给喜欢的女孩 [Язык цветов лотоса] (На языке цветов лотос – это твердость, чистота, невинность, верность, вера и любовь. Хотя он растет в иле, это никак не влияет на чистоту цветка. Он распускается летом, цветы очень живописны. Поэтому он также олицетворяет чистое сердце, благородство и элегантность. Цвет лотоса неяркий, это приглушенный тон, как будто застенчивая девушка стоит посреди воды, поэтому он также символизирует невинность. Вот почему мужчина дарит лотос девушке, которая ему нравится.)

В фольклорной традиции, во фразеологизмах и пословицах кувшинка¹ не отражена, в китайских фразеологизмах есть только одна единица: 步步生莲花 (с каждым ее шагом распускаются цветы лотоса). О легкой и красивой поступи девушки.

Итак, ассоциация с невинностью девушки наблюдается в двух языках, а коннотация опасности свойственна больше русскому сознанию. Объясним это местом произрастания и климатом различных географических широт.

Анализ внутренней формы. Кувшинка как наименование растения в русском языке имеет обширный синонимический ряд: одолень-трава, болотная лилия, кубышка, купава, водяная лилия, неньюфары (общее название для всех видов). Ряд построен на основании данных нескольких источников. Купава отмечена как местное наименование кувшинки в Новом сло-

¹ Известны несколько переводов К. Бальмонта с китайского [Бальмонт 2010, 4: 232–240], в т. ч. перевод Чан Чанлин «Неньюфары». Содержание «Болотных лилий» и переводного «Неньюфары» совершенно разное, однако нельзя исключить возможности влияния китайской концептосферы на К. Бальмонта.

варе русского языка Т.Ф. Ефремовой [Ефремова 2000: 4106]. Ненюфары выделяет как аналог кувшинки Н.И. Епишкин в Историческом словаре галлицизмов русского языка [Епишкин 2010: 3084]. Кубышку, водяную лилию фиксирует Я.Я. Алексеев в определителе растений [Алексеев 1934: 113]. Одолень-трава употребляется в синонимичном кувшинке значении в стихотворении К. Бальмонта [Бальмонт 2010: 282] с тем же названием, в произведении П. Мельникова-Печерского «В лесах» одолень-трава трактуется как *Nimphaea alba*, т. е. кувшинка [Мельников-Печерский 1976: 397].

Если обратиться непосредственно к слову «кувшинка», можно увидеть, что внутренняя форма этого слова не стерлась, она апеллирует к форме кувшина. Отсюда у респондентов ассоциации типа: кухличек, пузатенький кувшинчик, кувшин. Номинация возникла по сходству: до полного раскрытия цветок имеет форму кувшина.

Другие номинации этого растения также апеллируют к сходству по форме (кубышка) или месту произрастания – воде.

Внутренняя форма иероглифа 荷花 стерта, имплицитная форма иероглифа восходит к понятию «собрание семян», так как съедобные семена лотоса собраны в коробочке-погремушке. Другое название 荷花 является общим для всех видов лотоса, поэтому здесь помещен элемент «рот» как отображение вопроса о точном виде растения.

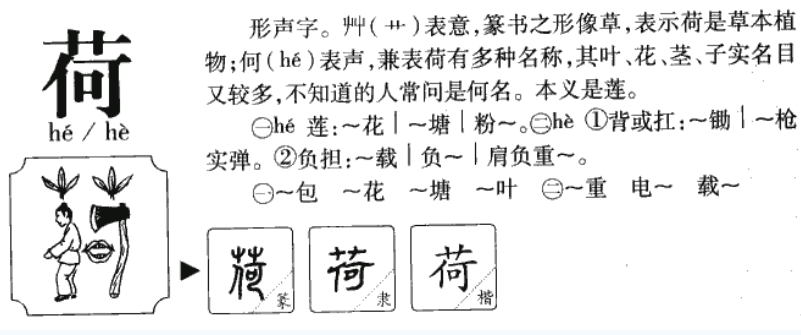

Рис. 1. Интерпретация графического содержания иероглифа 荷花 «водяной цветок» (Этимологический словарь китайского языка http://www.guoxuedashi.net/zidian/ziyuan_964.html)

Fig. 1. Interpretation of the graphic content of the hieroglyph 荷花 (Etymological Dictionary of the Chinese language http://www.guoxuedashi.net/zidian/ziyuan_964.html)

Контекстуальный анализ на материале поэтического дискурса русского и китайского языков. Анализ стихотворений показывает, что в поэтическом дискурсе «кувшинка» выступает как художественный концепт и как художественный символ.

Так, в стихотворениях И. Бунина и С. Есенина актуализируются художественные перцептивные составляющие концепта: кувшинки – стакан, кувшинка – золотой туман, страна грез, потерянный рай (С. Есенин), кувшинки – лес, сухое болото, кувшинки – ольха, березы, светло, стрекозы, сухой песок соснового бора, блаженство (И. Бунин), кувшинки – темный пруд, ночь, месяц (И. Эренбург), кувшинки – ночь, тайна, траурный цвет воды, неудачное свидание, разочарование (Н. Гумилев «Озера»), кувшинки – прогулка, лодка, мечта, счастье (Н. Гумилев «Опять прогулка», «Собиратели кувшинок»), кувшинки – лунатики, чары, ночь, красота озера в ненюфамах (И. Северянин «Лесные озера»).

В поэтическом дискурсе символистов доминируют образ ночи, тишина, нарушаемая всплеском весел. Поэзия как интимный дискурс фиксирует переживания ночных свиданий.

В стихотворении К. Бальмонта «Болотные лилии» «кувшинка» расширяется от художественного концепта к символу.

Побледневшие, нежно-стыдливые,
Распустились в болотной глуши
Белых лилий цветы молчаливые,
И вокруг них шелестят камыши.
Белых лилий цветы серебристые
Вырастают с глубокого дна,
Где не светят лучи золотистые,
Где вода холодна и темна.
И не манят их страсти преступные,
Их волненья к себе не зовут;
Для нескромных очей недоступные,
Для себя они только живут.
Проникаясь решимостью твердою
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются с пышностью гордою
Белых лилий немые цветы.
Расцветут, и поблекнут бесстрастные,
Далеко от владений людских,
И распустятся снова, прекрасные, –
И никто не узнает о них
[Бальмонт 2010, 1: 57].

В данном стихотворении кувшинка – символ человека, обладающего чистой, богатым внутренним миром, у которого отсутствуют честолюбивые мечты. Это человек, поднявшийся из глубины мрачного и холодного дна (аллюзия к жестокой окружающей общественной среде).

Несмотря на холодную и темную среду цветов вырастает прекрасным и чистым. Слово «гордый» употреблено с положительной коннотацией, гордость не есть гордыня, гордость – уверенность в себе, непрогибаемость под условия и стереотипы окружающей грязной, холодной, мрачной среды.

Кроме того, существует другое стихотворение К. Бальмонта «Воздух». В нем повторяется та же когнитивная схема: корни/грязь – цветок/небеса, красота, чистота: «Тело, душу, дух свободный / Сочетай в свой светлый Май. / Облик лилии надводной / Сердцем чутким понимай. / Будь как лотос: корни – снизу, / В вязком иле, в тьме, в воде, / Но, взойдя, надел он ризу, / Уподобился звезде» [Бальмонт 2010, 2: 206].

Как видим, символ водяного цветка в художественном сознании русского автора К. Бальмонта и китайского автора Чжоу Дуньи совпадают с поразительной точностью.

В китайском языке были рассмотрены стихотворения поэтов династий Тан (VI–VII века), Сун (XI–XII века) и Цин (XIV–XIX века). Всего около 70 стихотворений о лотосе (<https://mp.weixin.qq.com/s/XQ3lmDO-yS5CkjggR10Efw>), а также 10 стихотворений (http://www.xinhuanet.com/politics/2016-06/28/c_129096227.htm).

В рассмотренных произведениях самым распространенным является уподобление лотоса красивой девушке высокого сословия. Так, в стихотворениях «Красный и белый лотос» 杨万里 (Ян Ванли, дин. Сун), «Водный цветок» 石涛 (Ши Тао, дин. Цин), «Лотос под дождем» 杜衍 (Ду Ян, дин. Сун), «Смотрю на белый лотос под луной» 杨公远 (Ян Гунюань, дин. Сун), «Сбор лотоса» 李白 (Ли Бай, дин. Тан) и др. художественной доминантой выступает красивая, чистая, нарядная девушка на фоне гармоничной природы. Преобладают зрительные и обонятельные слоты: зеленый, пурпурный и белый цвета, благоухание. Зеленая гладь воды сравнивается с нефритом и яшмой, дождевые капли с жемчугом. Пейзажных стихотворений в чистом виде немного. Можно назвать «Лотос» 王月浦 (Ван Юэпу, дин. Сун): «После дождя я бродил без дела и вот облокотился на перила. Нежный пруд был укрыт цветами лотоса, на котором еще не обсохли влажные румяна. Небо не пожалело тысячи жемчужин, насыпав их в зеленые чаши листьев, пусть люди любятя».

В стихотворении Ли Бая «Бирюзовый лотос рожден в сокрытом роднике...» звучит философский мотив драмы одинокого таланта: «Бирюзовый бутон лотоса рожден в сокрытом роднике. Под лучами солнца он становится всё краше, всё свежей. Осенью цветок тихо стоит в зеленой воде, густые листья его окутаны дымкой. Прекрасный цвет для мира напрасен. Свой аромат кому он отдаст? Вот уже густеет холодный иней и уходит пора его красоты. Лучше бы не осталось и корня! Желал бы я, чтобы лотос возродился в раю...»

Сравнивать русскую и китайскую поэзию в данном случае не представляется возможным, так как здесь фигурируют разные эпохи, культуры и разный уровень экономического развития, но всё же можно обнаружить общую денотативную и поэтическую дуальность лирики: лотос выступает как цветок и как символ человеческой телесной и духовной красоты. Кроме того, в русской пейзажной поэзии внимание сосредоточено на общей картине, а в китайской «выхвачен» именно цветок лотоса. В китайской поэзии ядерным будет символ, а художественный образ – периферийным, в русской – наоборот. Кроме того, ценность образа кувшинки/лотоса в русской и китайской поэзии различна. Можно говорить о более высокой ценности лотоса в китайской поэзии. Также образ лотоса является частотным фитонимом в китайской поэзии, но не в русской по данным: [Ли Юецзяо, Васильева 2020: 32].

Контекстуальный анализ на материале прозаического дискурса русского и китайского языков. Анализ контекстов корпусов русского языка показывает структуру, аналогичную выявленной в ходе ассоциативного эксперимента, а также в поэтическом дискурсе: художественный концепт (ядро) и символ (периферия).

Речка была смиренная, сплошь по плесам и подбережьям заросшая водяной дурью, кое-где освеченная желтыми лампадами кувшинок и шибко засоренная лесом от весеннего сплава. В. Астафьев. Затеси, 1999 [НКРЯ].

Сняли дачу на Сиверской. Река Оредеж. Темная, торфяная вода, пивяки у берега, множество кувшинок. Не кувшинок – водяных лилий. Белые, душистые, с ярко-желтыми, шафранными сердцевинами. Стебли – как резиновые шнуры, держат, не пускают. Варя их боится, говорит: змеи. И. Грекова. Фазан, 1984 [НКРЯ].

Длинное озеро с полосами зеркала и полосами серебра, озерная заводь в крупных кувшинках, с магнетическим блеском зеленой тяжелой воды, в которой, под бликами и пылью, темнеют зависшие стайки мальков. О.А. Славникова, 2017 [НКРЯ].

В целом в корпусах русского языка доминантой является визуальный образ, без лексем звука и запаха. Однако звуки и запахи возникают в сознании читателя на основе синестезии: звук спокойных волн, кваканье лягушек, стрекот насекомых, звуки птиц. В отличие от поэтического дискурса, в прозаическом – образ солнечного летнего дня доминирует. Практически отсутствуют негативные переживания.

Нередко упоминаются листья кувшинок: Дорога некоторое время шла над берегом... старинного Обода; сверху река казалась нам длинным и узким зеленым лугом, среди которого сочилась тонкая ленточка воды: таким сплошным зеленым ковром устлала ее кувшинки с помощью своих круглых широких листьев. Е.Л. Марков. Славянская Спарта // Вестник Европы, 1898, № 7–10 [НКРЯ].

Вербы, ивы, кусты лозняка — всё это у воды уже распустилось пышно, молодо и сочно. Иногда, в узком месте, они въезжали в свежую тень. Кое-где плоские, еще не широкие, листья кувшинок уже легли на остеклевшую воду. Весла Андрея разбивали стекло — и листья, не отрываясь от крепких стеблей, только проворно ныряли в глубину, и темную, и тихую. З. Гиппиус. Мисс Май, 1896 [НКРЯ].

Обращает на себя внимание то, что кувшинки часто являются пред-метами воспоминания, особенно о детстве.

Веру он знал достаточно хорошо, с самого детства она летом приезжала к ним в Моршанск, и они купались в неглубокой речке среди желтых кувшинок, пачкали друг друга соком спелой, потекшей вишни и вместе переносили не слишком суровые наказания смешной, причитающей бабушки. А.А. Уткин. Крепость сомнения, 2010 [НКРЯ].

И понимаешь, в детстве, нет, не то, но знаешь, такое чувство, словно из темной тихой воды вдруг всплыла кувшинка, ах. Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2, 1960 [НКРЯ].

Трудно объяснить даже себе, почему однажды после долгого и беспокойного сна мне вдруг вспомнился исцарапанный и исписанный пинг-понговый стол, мелкий пруд с кувшинками. М. Бувайло. Лето 1964 года, прожитое заново, 2013 [НКРЯ].

Окказиональными (нерегулярными) можно назвать сравнения по размеру и форме: Я с восторгом вмешался, прибавив, что в жизни Кислярский выглядит точно как в фильме: пугливый толстяк с маленькой, как болотная кувшинка, головой. Б.Е. Клетинич. Мое частное бессмертие, 2015 // Волга, 2016 [НКРЯ].

В китайском Корпусе выявляются отличные от русского семантические контексты, которые помогли нам обнаружить дополнительные кон-ституенты концепта «лотос». Как правило, все отличия связаны с экстра-лингвистическими факторами. Приведем список.

Отсылка к искусственным маленьким женским стопам «золотой лотос». 自始，宮內外婦女都拿帛裹足，为美为贵为娇为雅，渐渐成风，也就把裹足小脚称作‘金莲’。冯骥才/三寸金莲。(С давних времен женщины внутри дворца и за его пределами обматывали свои ступни шелком ради красоты, благородства, благообразия и элегантности, и постепенно это стало популярным, поэтому ступни, обернутые в шелк, стали называть «золотым лотосом»). Фэн Цицай. Трехдюймовый золотой лотос [ККЯ].

Символ буддизма. Упоминание в контекстах о храмах, также «поза лотоса» (слот происходит из Индии, где Ганг называют лотосом).

Лотос-душа, раскрывающаяся постепенно. 灵魂不只在一条道路上行走，也不是芦苇似地生长。灵魂如同一朵千瓣的莲花，自己开放着。冰心/冰心全集第二卷。(Душа не просто идет по одной дороге, и она не растет, как тростник. Душа подобна лотосу с тысячью лепестков, которые постепенно раскрываются сами по себе.) Бинсинь. Полн. собр. соч., т. 2 [ККЯ].

Форма кувшина «периферийна», была упомянута лишь в одном контексте: 莲花博士闻讯赶来，他抚摸着美丽的莲花说：“开花了，开花了！”莲花从“酒壶型”发展到“茶碗型”。川端康成/山之音。(Когда ученый услышал эту новость, он погладил прекрасный лотос и сказал: «Он цветет, он цветет!» Цветок лотоса превратился из «кувшина» в «чайную чашу».) Кавабата Ясунари. Голос горы [ККЯ].

Описания природы не обладают художественными признаками, скорее апеллируют к образу, воспоминанию. Контексты с художественным описанием встречаются гораздо реже, чем в русском прозаическом дискурсе.

Выводы. Сопоставительный анализ помог выявить специфику концептов «кувшинка»/«лотос» в русской и китайской картине мира. Графические модели концептов представлены на рисунках 2 и 3. Рисунки призваны отобразить ядерную и периферийную ценность тех или иных признаков концепта в сознании русских и китайцев.

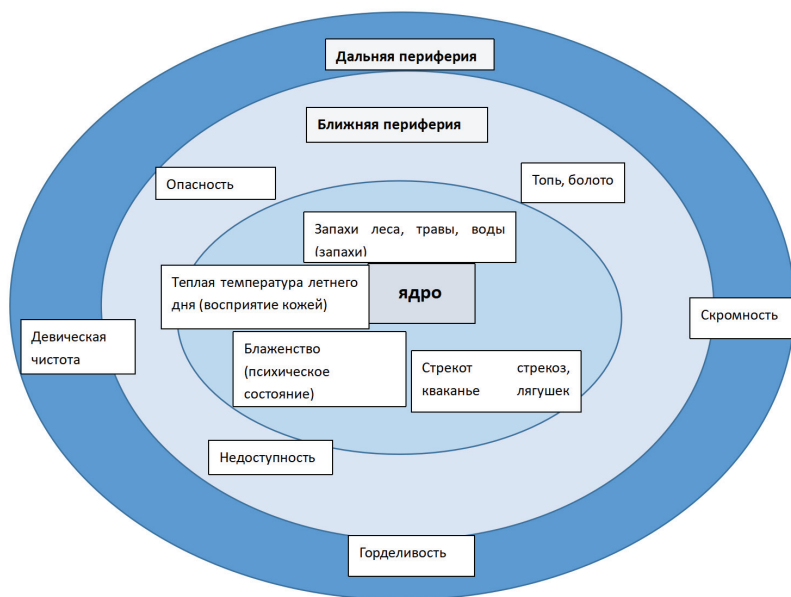

Рис. 2. Модель концепта «кувшинка» в русском языковом сознании

Fig. 2. The model of the concept “kuвшinka” in the Russian language consciousness

Универсальная (общая для двух языков) часть представляет гештальт¹ со слотами перцептивной природы: водное пространство, звуки насеко-

¹ Фрейд, осложненный символическим значением [Бабушкин, Стернин 2018: 14].

мых, приятный аромат. В русской картине мира преобладают прямые визуальные характеристики и связанные с ними на основании синестезии запахи, звуки, психическое состояние человека. Символика в двух картинах мира апеллирует к моральным и духовным ценностям: скромность, благородство, толерантность, великодушие. Также репрезентируется ценность «невинность». Символика обусловлена внешним видом цветка и местом его произрастания.

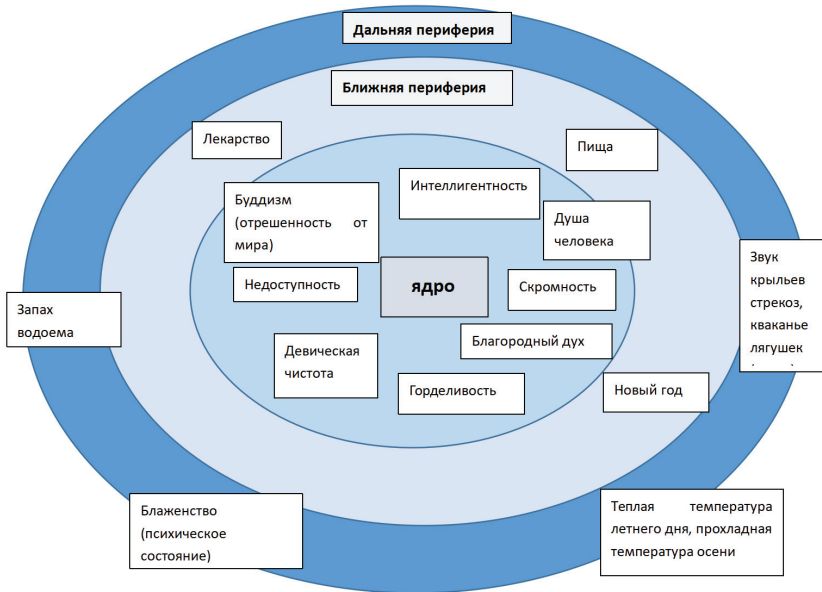

Рис. 3. Модель концепта «лотос» в китайском языковом сознании

Fig. 3. The model of the concept "lotus" in the Chinese language consciousness

Отличительными чертами являются лишь те, которые связаны с географическими, экономическими и религиозными экстралингвистическими факторами. Этими факторами объясняется замещение художественно-перцептивного ядра концепта в китайском сознании на символическое. Итак, в русской языковой картине мира «кувшинка» является неключевым художественным концептом. В китайской картине мира «лотос» — это ключевой философско-символический и бытовой концепт.

Любая флоросемантика включает имплицитный элемент 'родина', а также 'детство', так как цветы как притягательный элемент природы кодируются в языковом сознании человека в самом раннем детстве, в пе-

риод наслаждения свободой и беспечностью. Цветы – часть «потерянного рая», флора часто присутствует в воспоминаниях с семантикой «покой», «блаженство».

Обряды, мифы и традиции основаны на архетипах, сформированных на основе перцептивного познания окружающего мира и перенесении человеческих свойств на окружающую среду. Данное положение подтверждает теорию языкового антропоцентризма¹.

Можно сделать вывод о том, что, если отделить человека от определенной территории, социальной, исторической и политической среды, восприятие мира было бы схожим, определяясь биологическими характеристиками человека и имея только личностные вариации. Таким образом, разница в структуре концепта обусловлена деятельностью человека в ее психологическом понимании. Данное положение подтверждает биологическую теорию языка. По замечанию А.В. Кравченко, «чтобы понять функцию языка, нужно исходить изначально из ее биологического характера, а поскольку язык – одна из многих биологических особенностей человека как живого организма, по-настоящему научное изучение языка невозможно без изучения человека как живой системы. Таким образом, <...> необходимо согласиться с тем, что оно требует биологического подхода к языковым явлениям» [Кравченко 2013: 237]. «Природу языка как жизненной деятельности человека нельзя понять, используя формальный подход, поскольку при таком подходе не принимаются в расчет экологические, эксперенциальные, поведенческие, перцептуальные и когнитивные измерения интерактивного поведения человека» [Кравченко 2022: 15].

Источники

Бальмонт К.Д. Собр. соч.: в 7 т. М.: Книговек, 2010.

Бунин И.А. На озере // Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1965. 595 с.

Гумилев Н.С. Озера // Гумилев Н.С. Электронное собрание сочинений. Жемчуга. 1910. URL: <https://gumilev.ru/gallery/img/1200/> (дата обращения: 20.05.2023).

Есенин С.А. Каждый труд благослови, удача // Есенин С.А. Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Наука-Голос, 1995. 675 с.

¹ Антропоцентризм языка подразумевает осмысление мира человека через призму своего организма, опыта соприкосновения организма с миром и перенесение этого в языковой код. По определению М.А. Шелякина, «семантическое устройство языка предопределено устройством субъективной реальности, формами и процессами мышления и отражает ориентацию человека в мире» [цит. по Костомаров, 2014: 199]. Не стоит отождествлять это понятие с антропоцентрическим принципом в лингвистике, хорошо рассмотренным на примере различных научных парадигм Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1995: 212].

Мельников-Печерский П. В лесах // Мельников-Печерский П. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.: Правда, 1976. 410 с.

Северянин И. Лесные озера // Северянин И. Соч.: в 5 т. Т. 4. СПб.: Логос, 1995. 592 с.

Чжоу Дуньи. О любви к лотосу. 周敦頤. 爱莲说 (水陆草木之花). Сайт древних стихов. URL: https://so.gushiwen.cn/shiwen/_6d2dcbe80f96.aspx (дата обращения: 19.04.2023).

Чжэньцзю Чжан (政硕 张). Озера / пер. Н. Гумилева. URL: <https://gumilev.ru/languages/1167/> (дата обращения: 23.05.2023).

Эренбург И. Там где темный пруд... // Эренбург И. Запомни и живи... М.: Время, 2008. 608 с.

Литература

Алексеев Я.Я. Определитель растений. Смоленск: Запгиз, 1934. 248 с.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с.

Даль В. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989.

Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [В 2 т.]. М.: Рус. яз., 2000. 12 664 с.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Ленанд, 2022. 360 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Ленанд, 2014. 349 с.

Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 248 с.

Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // СибСкрипт. 2014. № 2 (58). С. 198–203.

Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.

Кравченко А.В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) // Слово.ру: Балтийский акцент. 2022. № 3. С. 7–24.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / Ред. Ю.С. Степанов. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.

Куликова И.С. Мир русской природы в мире русской литературы. Слова-названия растений в русской художественной картине мира. СПб.: Наука: Сага, 2006. 479 с.

Ли Юецзяо, Васильева Г.М. Растительный код культуры в лексике языка. (Фитонимы). Учебный словарь. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 66 с.

Мещерякова О.А. Художественный перцептивный концепт как ментальное образование особого типа // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 811–815.

Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 127–131.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 314 с.

Разлогова Е.Э., Ярошенко П.В. Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 66–84.

Fillmore Ch.J. Frame semantics // Linguistics in the morning calm. Seoul: Hanship, 1982. P. 111–137.

Электронные ресурсы

СИКЯ – Словарь идиом китайского языка (полный). URL: https://guoxue.baike.so.com/query/index?type=idiom&word_inc=%E5%BF%83&wordcount=4&tag=&structure= (дата обращения: 24.04.2023).

ЭСКЯ – Этимологический словарь китайского языка. URL: http://www.guoxuedashi.net/zidian/ziyuan_964.html (дата обращения: 15.05.2023).

Язык цветов лотоса. URL: <https://wenda.huabaike.com/hyuy/65145.html> (дата обращения: 15.04.2023).

70 прекрасных стихотворений о лотосе. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/XQ3lmDO-yS5CkjpgR10Efw> (дата обращения: 18.04.2023).

Наслаждайтесь цветами лотоса в середине лета и находите красоту в древних стихах. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-06/28/c_129096227.htm (дата обращения: 10.04.2023).

Корпуса

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
Корпус Пекинского университета. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/

Поисковая система Байду (Bai Du). URL: <http://www.baidu.com/>

References

Istochniki

Bal`mont K.D. (2010). *Sobr. soch.* [Collected works]: v 7 t. Moscow: Knigovek. (In Russ.)

Bunin I.A. (1965). *Na ozere* [On the lake]. In: Bunin I.A. *Sobr. soch.:* v 9 t. Vol. 1. Moscow: Hudozh. lit. 595 p. (In Russ.)

Gumilev N.S. (1910) *Ozera* [Lakes]. In: Gumilev N.S. *E'lektronnoe sobranie sochinenij. Zhemchuga*. URL: <https://gumilev.ru/gallery/img/1200/> (data obrashheniya: 20.05.2023). (In Russ.)

Esenin S.A. (1995). *Kazhdyj trud blagoslovi, udacha* [Bless every work, good luck]. In: Esenin S.A. *Poln. sobr. soch. Vol. 1*. Moscow: Nauka-Golos, 1995. 675 p. (In Russ.)

Mel'nikov-Pecherskij P. (1976). *V lesah* [In forests]. In: Mel'nikov-Pecherskij P. *Sobr. soch.:* v 8 t. Vol. 3. Moscow: Pravda. 410 p. (In Russ.)

Severyanin I. (1995) *Lesny'e ozera* [Forest lakes]. In: Severyanin I. *Soch.:* v 5 t. Vol. 4. Sankt-Peterburg: Logos. 592 p. (In Russ.)

Chzhou Dun'i. *O lyubvi k lotosu* [About the love of the lotus]. 周敦頤. 爱莲说 (水陆草木之花). *Sajt drevnix stixov*. URL: https://so.gushiwen.cn/shiwen_6d2dcbe80f96.aspx (data obrashheniya: 19.04.2023).

Chzhe`nshuo Chzhan (政硕 张). *Ozera* [Lakes] / per. N. Gumileva. URL: <https://gumilev.ru/languages/1167/> (data obrashheniya: 23.05.2023).

E'renburg I. (2008). *Tam gde temnyj prud...* [About the love of the lotus]. In: E'renburg I. *Zapomni i zhivi...* Moscow: Vremya. 608 p. (In Russ.)

Literatura

Alekseev Ja.Ja. (1934). *Opredelitel' rastenij* [Plant Determinant]. Smolensk: Zapgiz. 248 p. (In Russ.)

Askol'dov S.A. (1997). *Koncept i slovo* [Concept and word]. In: *Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta*. Moscow: Academia. Pp. 267–279. (In Russ.)

Babushkin A.P., Sternin I.A. (2018). *Kognitivnaja lingvistika i semasiologija* [Cognitive Linguistics and Semasiology]. Voronezh: Ritm. 229 p. (In Russ.)

Dal' V. (1989). *Poslovice russkogo naroda v dvuh tomah* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.)

Epushkin N.I. (2010). *Istoricheskij slovar' gallicizmov russkogo jazyka* [Historical Dictionary of Russian Gallicisms]. Moscow: JeTS. 5140 p. (In Russ.)

Efremova T.F. (2000). *Novyj slovar' russkogo jazyka* [The new dictionary of the Russian language]. *Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [V 2 t.]. Moscow: Rus. jaz. 12 664 p. (In Russ.)

Karaulov Ju.N. (2022). *Obshhaja i russkaja ideografija* [General and Russian ideography]. Moscow: Lenand. 360 p. (In Russ.)

Kobozeva I.M. (2014). *Lingvisticheskaja semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Lenand. 349 p. (In Russ.)

Kolesov V.V., Pimenova M.V. (2012). *Konceptologija* [Conceptology]. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvennyj universitet. 248 p. (In Russ.)

Kostomarov P.I. (2014). *Antropocentrizm kak vazhnejshij priznak sovremennoj lingvistiki* [Anthropocentrism as the most important feature of modern linguistics]. In: SibSkript. № 2 (58). Pp. 198–203. (In Russ.)

Kravchenko A.V. (2013). *Ot jazykovogo mifa k biologicheskoj real'nosti: pereosmysljaja poznavatel'nye ustanovki jazykoznanija* [From linguistic myth to biological reality: Rethinking the cognitive attitudes of linguistics]. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi. 388 p. (In Russ.)

Kravchenko A.V. (2022). *Jazyk i priroda chelovechnosti (priglasenie k diskussii)* [Language and the nature of humanity (invitation to discussion)]. In: *Slovo.ru: Baltijskij akcent*. № 3. Pp. 7–24. (In Russ.)

Kubrjakova E.S. (1995). *Jevoljucija lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmal'nogo analiza)* [The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigm analysis)]. In: *Jazyk i nauka konca XX veka: sbornik statej / Red. Ju.S. Stepanov*. Moscow: Institut jazykoznanija RAN. Pp. 144–238. (In Russ.)

Kulikova I.S. (2006). *Mir russkoj prirody v mire russkoj literatury. Slova-nazvanija rastenij v russkoj hudozhestvennoj kartine mira* [Russian nature world in the world of Russian literature. Words-names of plants in the Russian artistic picture of the world]. Sankt-Peterburg: Nauka: Saga. 479 p. (In Russ.)

Li Jueczjao, Vasil'eva G.M. (2020). *Rastitel'nyj kod kul'tury v leksike jazyka. (Fitonimy)* [The plant code of culture in the vocabulary of the language. (Phytonyms)]. Uchebnyj slovar'. Sankt-Peterburg: RGPU im. A.I. Gercena. 66 p. (In Russ.)

Meshherjakova O.A. (2013). *Hudozhestvennyj perceptivnyj koncept kak mental'noe obrazovanie osobogo tipa* [An artistic perceptual concept as a special type of mental education]. In: *Kognitivnye issledovanija jazyka*. № 14. Pp. 811–815. (In Russ.)

Pimenova M.V. (2013). *Tipy konceptov i jetapy konceptual'nogo issledovanija* [Types of concepts and stages of conceptual research]. In: *Vestnik KemGU*. № 2 (54). Vol. 2. Pp. 127–131. (In Russ.)

Popova Z.D., Sternin I.A. (2007). *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST: Vostok–Zapad. 314 p. (In Russ.)

Razlogova E.E., Jaroshenko P.V. (2022). *Jazykovaja sinestezija skvoz' prizmu stilisticheskikh figure* [Linguistic synesthesia through the prism of stylistic figures]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologija. № 77. Pp. 66–84. (In Russ.)

Fillmore Ch.J. (1982). *Frame semantics*. In: *Linguistics in the morning calm*. Seoul: Hanship, 1982. P. 111–137.

Electronic resources

SIKJa – *Slovar' idiom kitajskogo jazyka (polnyj)* [Dictionary of Chinese idioms (complete)]. URL: <https://guoxue.baikese.com/query/>

index?type=idiom&word_inc=%E5%BF%83&wordcount=4&tag=&structure=(data obrashhenija: 24.04.2023).

JeSKJa – *Jetimologičeskij slovar' kitajskogo jazyka* [Etymological dictionary of the Chinese language]. URL: http://www.guoxuedashi.net/zidian/ziyuan_964.html (data obrashhenija: 15.05.2023).

Jazyk cvetov lotosa [The language of lotus flowers]. URL: <https://wenda.huabaike.com/hyyy/65145.html> (data obrashhenija: 15.04.2023).

70 prekrasnyh stihotvorenij o lotose [70 beautiful poems about the lotus]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/XQ3lmDO-yS5CkjjgR10Efw> (data obrashhenija: 18.04.2023).

Naslazhdajtes' cvetami lotosa v seredine leta i nahodite krasotu v drevnih stihah [Enjoy the lotus flowers in the middle of summer and find beauty in ancient poems]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-06/28/c_129096227.htm (data obrashhenija: 10.04.2023).

Corpuses

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Korpus Pekinskogo universiteta [Peking University Building]. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/

Poiskovaja sistema Bajdu (Bai Du) [Baidu Search Engine]. URL: <http://www.baidu.com/>

Сведения об авторе

Заманова Илона Владимировна – Чжэнчжоуский педагогический университет, Чжэнчжоу, КНР; преподаватель русского языка; Центр исследования русского языка и литературы; сотрудник; Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Пушкин, Россия; аспирант; научные интересы: сравнительное языкознание, концептология.

Ilona V. Zamanova – Zhengzhou Normal University, Zhengzhou, China; Russian Language teacher; the Center for the Study of Russian Language and Literature; staff member; A.S. Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russian Federation; postgraduate student; scientific interests: comparative linguistics, conceptology.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 81.25

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.04

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЭВРИСТИКА: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Вероника Владимировна Никитина

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
DemchenkoV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-6659>

Аннотация. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена тем фактом, что вопросы лингвистической прагматики освещаются и российскими, и зарубежными лингвистами с момента формулирования антропоцентричного фокуса исследований и далее, с развитием когнитивной лингвистики до настоящего времени, не утратили своей актуальности, поскольку имеют достаточно широкую парадигму интерпретаций. Статья направлена на рассмотрение соотношения актуального и формально-грамматического членения в парах английский-русский, китайский-русский и их степени соответствия в переводе. Важной теоретико-практической составляющей настоящего исследования является необходимость уточнения методологий и методик применительно к функциональной перспективе предложения в вышеизложенных парах языков. В статье выявлено, что рассмотренные интерпретации информационной составляющей предложений и грани прочтения функционального подхода в лингвистике различны. Поэтому значимым представляется расширить и уточнить степень соответствия исходного и переводного текстов применительно к парам английский-русский, русский-английский, русский-китайский, китайский-русский, используя рассматриваемые методики. Представленные в статье материалы и их интерпретация позволяют предположить, что различия связаны, во-первых, с типологической характеристикой языков, во-вторых, с парадигмой исследования – изучения грамматики через дискурс, в-третьих, с положением синтаксических строений и интенцией говорящего. Таким образом, уточнение значимо-

сти и верификация вышеобозначенных подходов представляет перспективу дальнейшего исследования, поскольку такие существенные различия в типологии языков китайский-русский-английский ставят концептуальную задачу – формулирование строго алгоритмизированной процедуры идентификации коммуникативного центра высказывания для построения адекватного перевода в парах английский-русский, русский-английский, русский-китайский, китайский-русский.

Ключевые слова: актуальное членение предложения, адекватный перевод, функциональная лингвистика.

Для цитирования: Никитина В.В. Переводческая эвристика: функциональная перспектива предложения – теоретический обзор // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 61–72. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.04>

Original article

TRANSLATION HEURISTICS: FUNCTIONAL SENTENCE PERSPECTIVE — A THEORETICAL REVIEW

Veronika V. Nikitina

Moscow City University, Moscow, Russia, DemchenkoV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-6659>

Abstract. The issues of linguistic pragmatics have been discussed by both Russian and foreign linguists since the anthropocentric focus of research was formulated, and further, with the development of cognitive linguistics is relevant up to the present time, since they have a rather wide paradigm of interpretations. This article is aimed at examining the correlation between grammar, semantics, and functional sentence perspective in English-Russian, Russian-Chinese, Chinese-English pairs, and the need to clarify research methodologies seem significant. An important theoretical and practical component of the following study is the need to clarify the methodologies and techniques of functional sentence perspective in the above pairs of languages. The article reveals that the considered interpretations of the informational component of sentences and the facets of the reading of the functional approach in linguistics are different. It is significant to expand and clarify the degree of correspondence between the source text and the translated text to the pairs English-Russian, Russian-English, Russian-Chinese, and Chinese-Russian as referred to the considered methods. The materials presented in the article and their interpretation suggest that

the differences are related, first and foremost, by Linguistic Typology; secondly, the paradigm of research and the study of grammar through discourse matter; finally, the syntactic structures and the speaker's intension have a particular meaning. Thus, clarification of the significance and verification of the above approaches is a prospect for further research, since such significant differences in the typology of Chinese-Russian-English languages pose a conceptual challenge – the formulation of a strictly algorithmic procedure for identifying the communicative center of an utterance from a translation perspective for non-native speakers of English and Chinese.

Keywords: functional sentence perspective, adequate translation, Functional linguistics.

For citation: Nikitina V.V. (2023). Translation heuristics: a functional sentence perspective – a theoretical review. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 61–72 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.04>

© Никитина В.В. 2023

Введение (цель, материал исследования, методология). Целью настоящего исследования является анализ современных подходов при изучении информационно-структурной структуры предложения, обзор метатерминов, позволяющих интерпретировать прагматику высказываний и уточнение их степени соответствия в переводе относительно англо-русских — русско-английских и китайско-русских — русско-китайских эквивалентов.

Методология актуального членения предложения была разработана в рамках Пражского лингвистического кружка на материале синтетического строя языка (славянских языков) и аналитического строя языка (европейских языков). Методы исследования выражения коммуникативного намерения говорящего изучались на протяжении всего XX века [Mathesius 1975; Firbas 1962, 1964, 1974; Danes 1964, 1974; Svoboda 1968; Chafe 1976, 1979; Halliday 1967] и XXI веков [Halliday 2013; Davids 2019; Сулейманова 2015, 2020, 2020a]. Согласно сформулированной теории необходимость учета коммуникативного намерения говорящего или анализа информационно-структурной структуры предложения предопределяет формально-структурное и лексическое наполнение, которое интерпретируется *актуальным членением предложения*. Актуальное членение высказывания находится в тесной взаимосвязи с его *формальным членением* (выделением подлежащего, сказуемого и второстепенных членов предложения). Следовательно, с одной стороны, различают формальное членение, которое предполагает анализ составляющих его грамматических элементов, а с другой — актуальное членение — анализ возможности включения предложения в контекст,

иными словами, актуализация формальных компонентов с точки зрения их информационной значимости [Сулейманова 2009: 72]. Как, например, русское предложение *Я на Карибском море* вне широкого контекста вносит однозначную информацию – о нахождении субъекта X на водном объекте между Северной и Южной Америкой. Тем не менее в процессе устной коммуникации предложение *Я на Карибском море* может интерпретироваться различно благодаря интонации и порядку слов в письменной коммуникации (см. подробнее ниже) – 1) *Я на Карибском море*, 2) *На Карибском море я*, 3) *Я на море Карибском*, где первым предложением (1) вносится информация о нахождении субъекта X на водном объекте между Северной и Южной Америкой, в противовес, например, *Я на карибском корабле*. Во втором предложении (2) коммуникативным центром высказывания является субъект X (первое лицо, единственное число), а не *мы, вы, они, Петя и Коля* и т. д. Третьим предложением (3) вносится информация о географической соотнесенности, именно на *Карибском море*, а не *Баренцевом море*, например. Иными словами, при идентичности семантического и грамматического наполнения актуальная информация различна (см. подробнее семантическую характеристику высказываний в связи с изменением порядка следования элементов высказывания [Сулейманова 2009]). Таким образом, в переводческой перспективе передача информации может быть представлена с определенной точки зрения. И в русском языке именно порядок следования элементов предложения влияет на определение коммуникативного центра высказывания. Следовательно, задачей адекватного перевода является, во-первых, анализ интенции говорящего, во-вторых, адекватная передача на язык перевода, поскольку в парах, например, английский-русский грамматическое значение выражается различно, равно как и нормы построения предложений и способы актуализации информации высказывания: как, например, в предложениях *Маму люблю я* и *Мне холодно* англоязычные эквиваленты **Mat love I* и **Me cold* будут неадекватными.

Основная часть. В. Матезиус предложил выделять исходную точку высказывания (*основу*) и то, что о ней сообщается (*ядро*) [Матезиус 1967]. В лингвистической литературе понятие *основы* обозначается разными терминами: *данное* [Крушельницкая 1956, 1957] и др., *психологическое подлежащее* или *психологический субъект* [Виноградов, Шахматов 2007], *смысловый субъект* [Ильиш 1961], *лексическое подлежащее* [Смирницкий 2007], *логический субъект* [Панфилов 1963], *экспозиция* [Иванчев 1957; Беклемешева 2011], *топик* и *комментарий* [Ли и Томпсон 1982].

Традиционно для славянских языков коммуникативная нагрузка предложения возрастает к концу предложения, а достаточная гибкость языка позволяет перемещать элементы высказывания без потери грамматической адекватности [Беклемешева 2011; Карданова-Бирюкова 2018]. Следова-

тельно, известная информация (*тема*) и новая, актуальная информация (*рема*) могут быть выражены любым членом предложения. В языках аналитического строя актуальная информация может также выполнять различную функцию в предложении (подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства) и занимать различную позицию в рамках предложения, но фиксированный порядок следования элементов предложения налагает ограничения на позиционное варьирование его элементов, и в связи с этим актуальная информация (*рема*) может занимать любую позицию в рамках предложения, например:

- (1) *В Лондоне в прошлом месяце прошла Неделя моды (рема) – London hosted a Fashion week (рема) last month.*
- (2) *На прошлой неделе из Белого дома поступило заявление (рема) – The White House says, clarifies (рема).*
- (3) *В комнату вошел незнакомец (рема) – A stranger (рема) came into the room.*
- (4) *Она вчера вернулась домой (рема) – She did return home (рема) yesterday.*

Термин *функциональная перспектива предложения (functional sentence perspective (FSP))* был введен Я. Фибрасом во второй половине XX века в качестве аналога актуальному членению предложения, и именно он общепринято используется англоязычным научным сообществом в настоящее время.

Таким образом, можно заключить, что адекватность перевода напрямую зависит от верной интерпретации центра коммуникативного высказывания (*ремы*) как в языке оригинала, так и в переводе.

В паре языков китайско-русский — русско-китайский наряду с терминами *тема* и *рема* традиционно используют термины *топик* и *комментарий*, тем не менее функциональная составляющая метатерминов лингвистами интерпретируется различно. Китайский язык, относясь к китайско-тибетской семье, характеризуется «размытыми» границами лексических единиц и имплицитным формоизменением, слабым противопоставлением знаменательных и служебных слов. При этом язык характеризуется грамматической значимостью порядка слов [Кузнецов 1954]. И, в отличие от флективных языков, в изолирующих языках языковые единицы, меньшие, чем слово (за исключением аффиксов), являются синкретичными. Топиком в китайском языке обычно служит именная часть предложения, а комментарием — глагольная, поскольку комментарий характеризует топик. В предложении *Я люблю апельсины* в китайском языке местоимение *Я* является топиком, тогда как предикат с прямым дополнением *люблю апельсины* — комментарием. Тем не менее в китайском языке возможен вынос прямого дополнения в начало предложения, таким образом, прямое дополнение *апельсины* будет играть роль топика. Например: 橙子 (*апельсины*)我(я)很 (формальное наречие степени со значением «очень»,

при этом на русский язык наречие обычно не переводится) 喜欢(любить) – «апельсины я люблю». Иными словами, изменение формальных компонентов ведет к изменению ремо-тематического фокуса высказывания. Такая структура является достаточно распространенной в китайском языке.

В.Ф. Щичко, комментируя алгоритм передачи коммуникативного центра высказывания, обращает внимание на то, что коммуникативный центр высказывания в китайском предложении, так же как и в русском языке, возрастает к концу. Значимым представляется отметить, что в русском предложении при сдвиге ремы с конечной позиции с помощью лексических рематизаторов типа наречия *именно*, как, например, в предложении «*Именно этим (рема) руководствовалось правительство, вырабатывая концепцию...*», автор обращает внимание на то, что лексических рематизаторов, которые могут сместить фокус коммуникативного центра, в китайском языке нет [Щичко 2004: 166–167]. Данное положение дел, как представляется, усложняет поиск адекватных эквивалентов в парах русский-китайский и требует методологического уточнения.

Более того, если в устной коммуникации в паре английский-русский информационная составляющая может выделяться интонационно даже без изменения порядка следования элементов, то в китайском языке ситуация иная: здесь каждый слог имеет свой тон, который существенно влияет на семантику. Например, слог *shi* в зависимости от тона может иметь значения *стих* 诗, *десять* 十, *заставлять* 使, *дело* 事, и каждая из этих лексических единиц будет выражаться на письме разными иероглифами. Однако существует большое количество слов, которые полностью идентичны по звучанию, но относятся к разным иероглифам. В целом тоновая система в китайском языке компенсирует достаточно ограниченное количество слогов, и таким образом тоны выполняют смысловоразличительную функцию в устном китайском языке. Такого рода особенности также должны учитываться при анализе информационной структуры предложения.

Тем не менее, как было показано выше, в русском языке для выполнения коммуникативной задачи предложения значимым является порядок слов. При этом для его изменения в китайском языке важно логическое ударение, которое идентифицируется посредством служебных слов, устойчивых словосочетаний, частиц, отрицательных словосочетаний, паузации и т. п. Далее, китайские грамматисты указывают на то, что в грамматике китайского языка подлежащее выполняет функцию темы (описывает объект), а предикат, который не отделяется от дополнения, выполняет функцию ремы. Описывающее действие, выполняемое подлежащим, и представляет собой лексико-грамматическое и информативное ядро [Хуан 2002]. Как указывают специалисты, в китайско-русском переводе не бывает строгих синтаксических соотношений. Иными словами, главным

принципом выражения коммуникативного центра высказывания, который в русском языке выражается порядком следования слов, в китайском считается принцип поиска информативного эквивалента. Тем не менее В.М. Солнцева на примере китайского глагола со значением *смотреть* выдвигает гипотезу о том, что глагол обладает видовыми суффиксами, например, 看 *kan*, 看着 *kanzhi*, 看了 *kanle*, 看过 *kanguo*, которые отражают разные видовременные формы глагола (то есть грамматическое значение). Здесь неизменяющиеся части вышеобозначенных слов представляют их основу, то есть коренную морфему [Ван 2015].

В таком случае остается много вопросов: как адекватно передавать предложения типа *На Карибском море я / это был именно он*, подлежащие которых являются коммуникативным центром высказывания. Или безличные предложения типа *На улице темно*. На примере этого предложения структура при переводе с русского языка на китайский трансформируется в личное, поскольку существительное *улица* будет выполнять функцию подлежащего, тогда как наречие *темно* будет занимать позицию сказуемого: 外面 (здесь в значении улица, снаружи, дословно «внешняя сторона») 很黑 (черный, темно). Следовательно, *улица* будет являться топиком, тогда как *темная, черная* будет являться группой сказуемого, выраженной определением и комментарием. Таким образом, китаисты указывают, что для китайского языка не существенно различие между формальным членением высказывания и его информационной структурой. И, как представляется, такие существенные различия в типологии языков китайский-русский-английский ставят концептуальную задачу формулирования строго алгоритмизированной процедуры идентификации коммуникативного центра высказывания в переводческой перспективе в парах китайско-русский и китайско-английский.

Как отмечает А. Келиму, членение элементов предложения в китайском языке осуществляется в связи с коммуникативной задачей предложения и эквивалентно теме и реме предложений в русском языке. Задачи передачи коммуникативной информации могут быть достигнуты посредством изменения структуры предложений или использования служебных слов и др. Например:

1. *Папа / купил книгу*. 爸爸买了一本书 (*Папа*) (*купил*) (*одну книгу*). Служебное слово «了» обозначает совершение действия, т. е. «совершенные покупки»

2. *Книгу купил / папа (или книга куплена / папой)*. 书是爸爸买的。(Книга) (является; именно) (папа) (то, что купил). В данном предложении устойчивое словосочетание как ‘именно 正是’, ‘является кем – чем каким 的是’, в результате чего выступает в качестве информативного эквивалента в переводе. Получим трансформационный перевод: *Именно папа купил книгу. / Тот, кто купил книгу, является папой.*

3. Папа купил / книгу (или: Купил папа / книгу). 爸爸 买的是书 (Папа (то, что купил) (является книгой)). Здесь тоже с помощью устойчивого словосочетания ‘что является чем, каким 的是’ получается информативный эквивалент в переводе: «То, что купил папа, является книгой» [Келлиму 2022: 283].

В исследовании В.А. Курдюмова и К.Э. Коцик дается обоснование этимологической неидентичности терминов *топик / комментарий* и *тема / рема*, которые, как отмечают авторы, соотносятся с различными теориями — с *топиковой теорией* и *теорией актуального членения предложения*, соответственно [Курдюмов 2020]. Авторы приводят аргументы в пользу такой дифференциации ввиду различности китайско-русских — русско-китайских структур (изолирующий / синтетический), где соблюдается стандарт подлежащее — сказуемое: «Например, в русском языке: *Я еще не смотрел этот фильм*. Подлежащее — *Я*, сказуемое — *смотрел*. Тема *фильм*, рема — *Я еще не смотрел*. В китайском языке: 這部電影我還沒看過。Zhè bù diànyǐng wǒ hái méi kànguò. Дословно: Этот + счетное слово + фильм | я + еще + не + смотреть + формант многократности в прошлом. *Этот фильм я еще не смотрел*» [Курдюмов 2020: 90]. Представляется, что, во-первых, предложения *Я еще не смотрел этот фильм (рема)* (именно фильм, а не театральное представление) и *Этот фильм я еще не смотрел (рема)* (именно не смотрел, а не еще с детства ненавижу) вносят различную актуальную информацию. Во-вторых, в предложении *Я еще не смотрел этот фильм* дополнение *фильм* не является темой, согласно порядку следования элементов предложения дополнение *фильм* является ремой. Соответственно, подлежащие и сказуемое *Я еще не смотрел* — также не являются ремой, а составляют тематический компонент высказывания, причем при изменении порядка следования элементов каждый из них в рамках представленного предложения может составлять как тематический элемент предложения, так и рематический: *Я (тема) еще не смотрел (тема) этот фильм (рема) / Я (тема) этот фильм (тема) еще не смотрел (рема) / этот фильм (тема) еще не смотрел (тема) я (рема)*.

В связи с вышеобозначенным остается много вопросов, требующих систематизации научного знания в рамках функциональной перспективы предложения и поиска методологической адекватности.

Выводы. Рассмотренные интерпретации информационной составляющей предложений и грани прочтения функционального подхода в лингвистике не тождественны. Различия связаны, во-первых, с типологической характеристикой языков, во-вторых, с парадигмой исследования — изучения грамматики через дискурс [Halliday 2013], в-третьих, положением синтаксических строений [Курдюмов 2020] и интенции говорящего [Беклемешева 2011]. Таким образом, уточнение значимости и верификация

вышеобозначенных подходов представляет перспективу дальнейшего исследования.

Литература

Беклемешева Н. Н. Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2011. 285 с.

Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова и др. М.: Издат. центр «Академия», 2009. 240 с.

Карданова-Бирюкова К.С. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 1. С. 85–97.

Келиму А. Актуальное членение предложения и основные средства его выражения в русском и китайском языках // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 281–285.

Курдюмов В.А., Коцик К.Э. К вопросу о дифференциации понятий «топик – комментарий» и «тема – рема» // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 1. С. 86–93.

Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий, Комплексный анализ переводческого процесса / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова и др. М.: ЛКИ; Ленанд, 2015. 272 с.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.

Сулейманова О.А., Водяницкая А.А., Фомина М.А. Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Язык и литература. 2020. № 2. С. 309–322.

Сулейманова О.А., Фомина М.А., Тивьяева И.В. Принципы и методы лингвистических исследований. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки народов мира, 2020. 352 с.

Щичко В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода: учеб. пособие. М.: Восток-Запад: АСТ, 2004. 223 с.

Banks D. A Systemic Functional Grammar of English: A Simple Introduction. 1st ed. Routledge, 2019.

Chafe W.L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view // Subject and topic / ed. C. N. Li. New York: Academic Press, 1976. P. 25–55.

Chafe W.L. The flow of thought and the flow of language // Syntax and Semantics, Discourse and Syntax. Vol. 12. New York: Academic Press, 1979. P. 159–181.

Danes F. A Three-Level Approach to Syntax // *Travaux Linguistiques de Prague*. 1964. № 1. P. 225–240.

Danes F. Functional sentence perspective and the organization of the text // *Papers on Functional Sentence Perspective* / Publishing Flouse of the Czechoslovak Academy of Sciences. Prague, 1974. P. 106–128.

Firbas J. Notes on the Function of Sentence in the Act of Communication // *Sbornik praci Filosoficke Faculty*. Brno: Brnenske University, 1962. P. 134–149.

Firbas J. On defining the theme in finctional sentence analysis // *Travaux Linguistiques de Prague*. 1964. № 1. P. 267–280.

Firbaš J. Some Aspects of the Czechoslovak Approach to Problems of Functional Sentence Perspective // *Papers on Functional Sentence Perspective*. Prague: Academia, 1974. P. 11–37.

Halliday M.A.K. Notes on Transitivity and Theme in English: II Text // *Journal of Linguistic*. 1967. Vol. 3. P. 199–244.

Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M. *Halliday's Introduction to Functional Grammar*. 4th ed. Routledge, 2013.

Mathesius V. *A Functional Analysis of Present day English on a General Linguistic basis*. The Hague: Mouton, 1975. 228 p.

Svoboda A. Functional perspective of the noun phrase // *Brno Studies in English: Sbornik PracT Filozoficke Faculty Brnenske Univerzity*. 1968. V. 1. P. 91–113.

References

Banks D. (2019). *A Systemic Functional Grammar of English: A Simple Introduction*. 1st ed. Routledge.

Chafe W.L. (1976). *Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view*. In: *Subject and topic*. New York: Academic Press. Pp. 25–55.

Chafe W.L. (1979). *The flow of thought and the flow of language*. In: *Syntax and Semantics, Discourse and Syntax*. Vol. 12. New York: Academic Press. Pp. 159–181.

Danes F. (1964). *A Three-Level Approach to Syntax*. In: *Travaux Linguistiques de Prague*. Vol. 1. Pp. 225–240.

Danes F. (1974). *Functional sentence perspective and the organization of the text*. In: *Papers on Functional Sentence Perspective*. Publishing Flouse of the Czechoslovak Academy of Sciences. Prague. Pp. 106–128.

Firbas J. (1962). *Notes on the Function of Sentence in the Act of Communication*. In: *Sbornik praci Filosoficke Faculty* [Proceedings of the Faculty of Philosophy]. Brno: Brnenske University. Pp. 134–149.

Firbas J. (1964) *On defining the theme in finctional sentence analysis*. In: *Travaux Linguistiques de Prague*. Vol. 1. Pp. 267–280.

Firbaš J. (1974). *Some Aspects of the Czechoslovak Approach to Problems of Functional Sentence Perspective*. In: *Papers on Functional Sentence Perspective*. Prague: Academia. Pp. 11–37.

Halliday M.A.K. (1967). *Notes on Transitivity and Theme in English: II Text*. *Journal of Linguistic*. Vol. 3. Pp. 199–244.

Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M. (2013). *Halliday's Introduction to Functional Grammar*. 4th ed. Routledge.

Mathesius V. (1975). *A Functional Analysis of Present day English on a General Linguistic basis*. The Hague: Mouton. 228 p.

Svoboda A. (1968). *Functional perspective of the noun phrase*. In: *Brno Studies in English: Sbornik Práct Filozofické Faculty Brněnské Univerzity*. Vol. 1. Pp. 91–113.

Beklemesheva N.N. (2011). *Interpretatsiia vtorichno-predikativnykh struktur v perspektive aktual'nogo chleneniia* [Interpretation of secondary predicative structures from the perspective of the actual member]. Dissertation of a candidate of philological sciences. Moscow. 285 p. (In Russ.)

Kardanova-Biriukova K.S. (2018). *Osobennosti kommunikativnogo povedeniia nositelei russkogo iazyka v mezhlichnostnom obshchenii (eksperimental'noe issledovanie)* [Peculiarities of communicative behavior of Russian speakers in interpersonal communication (experimental study)]. In: *Bulletin of Volgograd State University*. Vol. 17. Is 1. Pp. 85–97. (In Russ.)

Kelimu A. (2022). *Aktual'noe chlenenie predlozheniia i osnovnye sredstva ego vyrazheniia v russkom i kitaiskom iazykakh* [The actual division of the sentence and the main means of its expression in Russian and Chinese]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*. 2022. № 3 (94). Pp. 281–285. (In Russ.)

Kurdyumov V.A., Kocik K.E (2020). *K voprosu o differentsiatsii poniatii "topik – kommentarii" i "tema – rema"* [On differentiation of notions “topic – comment” and “theme – rheme”]. In: *Bulletin of Rostov State University. Human in the modern world*. Is 1. Pp. 86–93. (In Russ.)

Matezius V. (1967). *O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniia* [About the so-called actual division of the sentence]. In: *Pražskii lingvisticheskii kruzhok* [Prague linguistic circle]. Moscow: Progress. Pp. 239–245. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Kardanova-Biriukova K.S. et al. (2015). *Lingvisticheskie teorii v interpretatsii perevodcheskikh strategii, Kompleksnyi analiz perevodcheskogo protsessa* [Linguistic theories in the interpretation of translation strategies, Comprehensive analysis of the translation process]. Moscow: LKI; Lenand. 272 p. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Vodianskaia A.A., Fomina M.A. (2020). *Kognitivnyi stsennii protsessa iazykovoi kategorizatsii* [Categorization and its linguistic representation]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Āzyk I Literatura (Print)*. № 17 (2). Pp. 309–322. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Fomina M.A., Tiv'iaeva I.V. (2020). *Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovanii* [Principles and methods of linguistic research]. Moscow: Iazyki Narodov Mira. 352 p. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Beklemesheva N.N., Kardanova K.S. et al. (2009). *Grammaticheskie aspekty perevoda* [Grammatical aspects of translation]. Moscow: Akademiia. 240 p. (In Russ.)

Shichko V.F. *Kitajskij yazyk. Teoriya i praktika perevoda perevoda* [The Chinese language. Theory and practice of translation]: ucheb. posobie. Moscow: Vostok-Zapad: AST. 2004 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Никитина Вероника Владимировна – кандидат филологических наук; Московский городской педагогический университет; Институт иностранных языков; кафедра языкознания и переводоведения; доцент; научные интересы: семантика, перевод и переводоведение.

Information about the author

Veronika V. Nikitina — PhD (Philology); Moscow City University; Institute of Foreign Languages; the Chair of Linguistics and Translation Studies; Associate Professor; scientific interests: semantics, translation, and translation studies.

Русистика и компаративистика. 2023. Вып. XVII. С. 73–89
Russian Philology and Comparative Studies. 2023. (XVII): 73–89

Научная статья

УДК 811.221.18'271.2 +81'373.44+811.111+

+81'255.4

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.05

ЭТНОМАРКИРОВАННЫЙ ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ирина Давидовна Бекоева

Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова,
Цхинвал, Республика Южная Осетия, irina.beckoeva@yandex.ru, [https://
orcid.org/0000-0003-4579-1590](https://orcid.org/0000-0003-4579-1590)

Аннотация. В статье рассматривается проблема специфики транслингвальных медиатекстов, содержащих репрезентации этномаркированных геортонимов, которые номинируют традиционные осетинские религиозные праздники и даты, и их перевода на английский язык. Геортонимы, объективируемые в транслингвальных текстах, и перевод этноспецифической онимной лексики представляют особую сложность, вызывая необходимость выработать единообразный подход к выбору способов перевода, чем и обусловлена актуальность исследования. Цель данного исследования – выявить способы формирования переводческих соответствий при передаче транслингвального текста средствами третьего языка. Предмет исследования представлен кодовыми переключениями с одной языковой системы на другую, реализуемыми в транслингвальных медиатекстах. Геортонимы, названия праздников и праздничных дат составляют значительную группу онимной лексики, отмеченную внутрigrupповым делением на названия светских, религиозных и национально-традиционных праздников. В ходе проведения исследования анализировались геортонимы, извлеченные методом сплошной выборки из материалов, представленных на сайтах новостных агентств Южной Осетии («Спутник», «РЕС»), газет «Южная Осетия» и «Республика». Выбор медиатекстов в качестве эмпирического материала обусловлен тем, что в последнее десятилетие фокус общественно-политической активности сместился в сторону электронных СМИ, наиболее очевидно фиксирующих би- и транслингвальные признаки югоосетинской общественно-политической коммуникации, проявляемые в регулярных переключениях с одного языка на другой. Статья включает краткий теоретический обзор наиболее важных по-

нятий: транслингвизм, билингвальность, транслингвальный медиатекст. В результате исследования выявлены основные способы перевода этно-маркированных геортонимов – транскрипция, транслитерация, калькирование, экспликация.

Ключевые слова: билингвизм, транслингвизм, мультилингвизм, медиатекст, способы перевода, этномаркированные геортонимы.

Для цитирования: Бекоева И.Д. Этномаркированный транслингвальный текст как объект переводческого анализа // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 73–89. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.05>

Original article

ETHNICALLY MARKED TRANSLINGUAL TEXT AS AN OBJECT OF TRANSLATION ANALYSIS

Irina D. Bekoeva

South-Ossetia State University named after A.A. Tibilov, Tskhinvali, Republic of South Ossetia, irina.beckoeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4579-1590>

Abstract. The article views the specifics of translation of translanguing media texts, containing representations of ethnically marked geortonyms (nominations of traditional Ossetian religious holidays and dates), into the English language. Translation into English of geortonyms used in translanguing texts is a task of a particular complexity, it causes the need to develop a unified approach to the choice of translation methods, and thus determines the relevance of the study. The purpose of the research is to specify the methods and ways of forming translation correspondences when transmitting a translanguing text by means of a third language. The subject of the study is represented by language code switching, implemented in translanguing media texts. Geortonyms, names of holidays, important dates and festivities constitute a large group of onymic vocabulary, marked by an intra-group division into the names of secular, religious and national-traditional holidays. The geortonyms under analysis were extracted from materials presented on the websites of South Ossetian news agencies (Sputnik, RES), the newspapers “South Ossetia” and “Respublika”. The choice of media texts as the empirical material is conditioned by the fact that in the last decade the focus of socio-political activity has shifted towards electronic media, which most obviously captures the bi- and translanguing features of South Ossetian socio-political communication, manifested in regular code switching

from one language to the other. The article includes a brief theoretical overview of the most important concepts: translingualism, bilingualism, translingual media text. As a result of the study, the main methods of translating ethnically marked geortonyms were identified as transcription, transliteration, calque, explication.

Keywords: bilingualism, translingualism, multilingualism, media text, ways of translation, ethnically marked geortonyms.

For citation: Nikitina V.V. (2023). Translation heuristics: a functional sentence perspective – a theoretical review. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 73–89 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.05>

© Бекоева И.Д., 2023

Введение. Динамично меняющийся культурно-исторический контекст и процессы всеобщей глобализации актуализировали интерес к изучению более чем одного иностранного языка и различных этнокультур; взаимодействию и взаимовлиянию языков и культур в ситуации би- и мультилингвизма; особенностям формирования и развития языковой личности, владеющей двумя и более языками; специфике освоения различных типов культур в процессе изучения иностранных языков. Транслингвальный подход в последнее время всё чаще становится предметом обсуждений как отечественных, так и зарубежных ученых. Термины «транслингвальность, транслингвизм, транскulturация, транскulturализм» – относительно недавно введены в научный оборот и тесно связаны друг с другом, находя отражение и практическое применение в теории и методике преподавания второго и третьего языков [Бородина 2016; Ильина 2017; Прошина 2016, 2017; Canagarajah 2002, 2013; Celic 2011; Chen 2015; Furstenberg 2012; Garcia 2014], а также в теории и практике перевода [Hansen 2018; Hua 2015; Molina 2011].

Под транслингвальностью/транскulturностью понимается сочетание нескольких лингвокультур и языков в тексте, созданном носителем би- или мультилингвизма. В этом случае разрешение возникающих противоречий возможно либо через навязанное доминирование одного языка и его норм над другим языком, либо через поиск компромиссов. Одним из способов решения данной проблемы полагается транслингвальность [Прошина 2016: 10; Прошина 2017].

В процессе создания транслингвальных текстов коммуниканты – носители разных языков и культур прибегают к таким коммуникативным стратегиям, как: смешение и переключение языковых кодов, заимствования, гибридизация языков, упрощения, использование интернациональных слов и т. д. [Прошина 2016: 10].

Основная часть

Концепция транслингвальности и билингвизм. Концепция транслингвальности неотъемлема от билингвизма и поли-/мультилингвизма. Однако совершенное владение двумя языками, реализуемое в различных коммуникативных ситуациях и в разных условиях общения, определяется как *билингвизм* *bilingualism/ bilinguality* (от лат. *bi-* ‘два’ и *lingua* ‘язык’ [Ахманова 1966: 67, 125]. По определению Ахмановой, билингвизм и двуязычие – взаимозаменяемые понятия, приравняемые диглоссии, определяемой как симультанное сосуществование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах. В отличие от билингвизма и многоязычия, диглоссия обязательно предполагает оценочность по шкале «высокий-низкий», «торжественный-обыденный» [БЭСЯ 2000: 136].

Билингвизм – практика попеременного пользования двумя языками [Вайнрайх 1979: 22]. Уриэль Вайнрайх одним из первых предложил комплексное изучение проблемы билингвизма и выдвинул на первый план лингвистический аспект проблемы владения двумя языками, не отрицая важности психологического аспекта этого явления, поскольку билингвизм может рассматриваться с разных точек зрения – лингвистической, психологической, социальной, социолингвистической.

Методология. Не в каждой ситуации билингвизма может проявляться взаимодействие между сосуществующими языками. В социолингвистическом аспекте на основе критерия «соотнесенности двух речевых механизмов» Е.М. Верещагин предлагает выделить «чистый» и «смешанный» билингвизм. В том случае, если носитель билингвизма свободно переходит с одного языка на другой, то есть в его сознании одно понятие соотносится с двумя словами, имеет место смешанный билингвизм, если же языки функционируют как две автономные знаковые системы, то это чистый билингвизм [Бондалетов 1987: 38]. «Чистый» билингвизм – это состояние, когда индивид применяет каждый из языков, которыми он владеет, в разных функциональных сферах, в разных коммуникативных ситуациях. Например, один – в семейном общении, а другой – на производстве; если же носитель билингвизма говорит на двух или более языках в одной и той же ситуации, то такой тип билингвизма полагается «смешанным» [Верещагин 1969: 28].

Лингвистическая типология билингвизма, предложенная Е.М. Верещагиным, предлагает деление на субординативный и координативный. Субординативный тип характеризуется наличием ошибок в речевых произведениях носителей билингвизма; носители координативного типа билингвизма владеют двумя или более языками в равной степени хорошо и способны излагать мысли, не нарушая языковой системы, нормы и узуса обоих языков [Верещагин 1969: 49].

В соответствии с результатами социолингвистических исследований, проводившихся в несколько этапов, тип билингвизма в Южной Осетии определен как координативный [Бекоева]. Подавляющее большинство носителей осетино-русского билингвизма в Южной Осетии в равной степени хорошо владеют обоими языками. Методологической основой исследования является: структурно-семантический, переводческий анализ геортонимов и их переводческих соответствий, объективируемых в транслингвальных медиатекстах; количественный анализ переключения языковых кодов с целью выявления особенностей транслингвального текста.

Сущностные признаки медиатекстов. Термины *транслингвизм*, *мультилингвизм* — относительно новые и имеют близкие, но в то же время отличающиеся значения. Мультилингвизм ‘multilingualism’ взаимозаменяем с термином многоязычие [Жукова 2013: 259]. И если мультилингвизм понимается как контактная ситуация, отмеченная наличием и функционированием нескольких языков одновременно, то транслингвизм, или транслингвальность, предполагает некое пограничное состояние, в котором может оказаться носитель двух или более языков в ситуации мультилингвизма. Непосредственным и основным продуктом языковой деятельности в ситуации транслингвизма является транслингвальный текст [Прошина 2016: 11].

Термин «медиатекст» появился в конце двадцатого века в зарубежной коммуникативистике. Медиатекст — это текст письменный, социально ориентированный, адресованный широкой аудитории. Одним из главных признаков медиатекста считается его полифункциональность, предполагающая ориентированность на информацию и воздействие [Кузнецова 2010: 141]. Медиатекст — сообщение, изложенное в любом из медиажанров и содержащее определенную информацию [Федоров 2001: 38].

Динамичное развитие современных массмедиа, изменения в коммуникативных практиках и процессах, постоянно растущая роль общественно-политической коммуникации и необходимость отражения процессов в обществе в СМИ вывели на первый план проблему определения границ и основных признаков медиатекста, к которым можно отнести: 1) универсальность; 2) отличие от текстов других сфер массовой коммуникации. Медиатекст представляет собой совокупный продукт массмедиа — это и публицистический текст, текст рекламы, PR-текст с присущими каждому из этих типов текстов специфическими характеристиками. Новые технологии, изменяющиеся условия порождения и существования текста не могут не влиять на изменение представлений о таких критериях существования текста, как авторство, жанровые характеристики, вербальная объективация текста [Казак 2012: 321].

Результаты. Этномаркированные геортонимы в транслингвальных медиатекстах. Транслингвальный текст является особым объектом лингвисти-

ческого и переводческого анализа. Это продукт творческой деятельности автора, который владеет двумя или более языками, но творчески выражает себя в усвоенном, неродном языке [Дианова 2023: 525]. Транслингвальные тексты характеризуются регулярностью переключения с одного исходного языка на другой. Переключение кодов определяется как: 1) альтернативное использование носителями би- или полилингвизма двух или более языков в тексте [Milroy 1995: 7]; 2) сопоставление в одном и том же речевом произведении языковых единиц, принадлежащих двум разным грамматическим системам [Gumperz 1982: 59; Auer; Dewilde].

Некоторые авторы определяют переключение кодов как попеременное использование двух или более языковых систем [Саина 2000: 60; Хилханова].

Цель данного исследования – выявить: 1) кодовые переключения, характеризующие транслингвальный медиатекст; 2) специфику формирования переводческих соответствий при передаче этномаркированных геортонимов, реализуемых в транслингвальном тексте средствами третьего языка.

При переводе на третий язык, в данном случае – английский, переводчик неизбежно столкнется с необходимостью понимания и адекватной переводческой интерпретации онимной лексики, объективируемой в транслингвальных текстах на двух исходных языках – осетинском и русском, которые мы условно обозначим как первый исходный язык (далее – ИЯ1) и второй исходный язык (далее – ИЯ2). Английский язык, или язык перевода, условно будет обозначен как ПЯ.

Материалом исследования послужили фрагменты медиатекстов на ИЯ2, содержащие этномаркированные геортонимы на ИЯ1 и ИЯ2 (официальные сайты новостных агентств «Спутник», «РЕС», газет «Южная Осетия» и «Республика», период с 2014 по 2024 г., телеграм-канал *Аллон Расткад Епархи* 'Православная Церковь Алании'). Общий объем проанализированных транслингвальных текстов составил 340 076 знаков с пробелами (46 372 слова). Всего выявлено 589 репрезентаций осетинских геортонимов, из них 77 (13,1 %) геортонимов, переданных средствами русского языка (ИЯ2), 512 (86,9 %) – средствами осетинского языка (ИЯ1). Выбор данной онимной группы обусловлен значимостью традиционно-религиозных праздников для осетинского общества. В лингвокультурном сознании осетин народные верования и принципы христианской веры переплетены настолько тесно, что подчас весьма сложно бывает их разграничить.

В отношении классификации названий праздников и памятных дат существуют определенные разногласия. А.В. Суперанская предлагает разграничить собственно названия праздников от временных отрезков, к которым эти празднования относятся, геортонимы – названия праздников, хрононимы номинируют темпоральную соотношенность того или иного

праздника [Суперанская 1973: 198]. Геортонимы, таким образом, это разновидность идеонимов, собственное имя праздников, памятных дат, торжеств, фестивалей [Подольская 1988: 48].

Рассмотрим несколько фрагментов медиатекстов, в которых этно-маркированные геортонимы реализуются сразу на двух исходных языках, что создает потенциальную сложность для переводчика на английский язык.

Одним из наиболее почитаемых храмов, посвященных главному божееству в пантеоне осетинских богов – *Уастырдж*, является святилище *Джеры Дзуар* (Джер, сокращение от *Герги/Гиуæрг*/Джуæрг *‘Гео́ргий’*, дзуар *‘крест, церковь, святилище, божеество’*). Празднования *Джеоргуыба*, посвященные *Уастырдж*, проводятся в высокогорном селе *Джер/Гер*, которое, в свою очередь, так называется по имени *святого Гео́ргия*.

*В настоящее время в самом разгаре дни празднования святилища **Джеры-дзуар**, расположенного в Цхинвальском районе. Это древнее святилище, посвященное **Уастырдж**, почитаемо и далеко за пределами страны. Принято считать, что главные «дни» святого места начинаются в воскресенье в конце августа [Календарь...].*

В анализируемом фрагменте упоминаются названия: 1) главного божеества в пантеоне осетинских небожителей (*Уастырдж*); 2) название святилища, посвященного данному божееству (*Джеры дзуар*); 3) название празднования, посвященного божееству-покровителю святилища (*дни Джеры дзуар*). Автор транслингвального текста переключается с русского языка на осетинский и с осетинского на русский. Экклезионим *Джеры-дзуар* и теоним *Уастырдж*/ы даются в транслитерации, без пояснительного перевода на русский язык. Примечательно то, что слово «дни» взято в кавычки, что будет непонятно переводчику, не владеющему осетинским языком, который переведет данную единицу на ПЯ как *‘the days’* – *‘It is generally known that the main “days” of the holy place begin on the last Sunday of August’*. Реципиент текста, владеющий ИЯ1 и ИЯ2, поймет, что автор текста имеет в виду не *дни*, а *празднование*. Осетинское *бон* в данном контексте переводится как *‘празднования / праздничные дни’*. Автор транслингвального текста калькирует *бон* как *‘день’*, так как в его билингвальной картине мира данный компонент сложных геортонимов типа *Джеры Дзуары бон* *‘праздник святилища Джеры Дзуар’*, *Джермугы дзуары бон* *‘праздник святилища Джермуг’*, *Къарты дзуары бон* *‘праздник святилища Къарт’*, *Лалисы дзуары бон* *‘праздник святилища Лалиса’* и т. д. не нуждается в конкретизации. В переводе на ПЯ следовало бы *бонтæ* *‘дни’* перевести как *‘celebrations’/‘festivities’ / ‘festival days’*.

В настоящее время празднование проходит <...> в привязке к христианскому календарю и начинается во второе <...> воскресенье после для Успения Богородицы [Календарь...].

<...> *стоит сказать и о ситуации, связанной с осетинским Майрæм-куадзæн — одним из главных дней по поминанию усопших. <...> бывало и так, что Майрæм-куадзæн совпадал с первым днем празднования недели Джеры-дзуар [Календарь...].*

В анализируемых фрагментах, взятых из одного текста, представлены два геортонима, номинирующих один и тот же праздник — 1) православный канонический (*Успение Богородицы*); 2) традиционный народный (*Майрæм-куадзæн*). В транслингвальном тексте, построенном на регулярном переключении языковых кодов, объективируются оба геортонима. Переводчик на английский язык, не владеющий базовыми представлениями об особенностях осетинской лингвокультуры и не имеющий представления о том, что оба геортонима обозначают один и тот же праздник, не сможет адекватно перевести данный фрагмент, полагая, что *Успение Богородицы* и *Майрæм-куадзæн* — это разные праздники. *Майрæм-куадзæн* — регулярное переводческое соответствие русскому геортониму *Успение Богородицы*. Компонент *куадзæн* ‘Пасха’/‘успение’/‘Easter’ этимологически восходит к *ком* ‘рот’ + *уадзæн* ‘отпускание’/‘развязывание’, иначе ‘разговение’ [Абаев 1958: 598].

<...> *сакральным маркером <...> Нового года считался «Комахсæн». <...> Этот день являлся началом христианского цикла Великого Поста. <...> В зависимости от промежутка времени между Новым годом и Комахсæн располагаются все остальные праздники годового цикла [Календарь...].*

Данный фрагмент текста характеризуется регулярным переключением языковых кодов (*Комахсæн* ИЯ1— *Великий Пост* ИЯ2— *Новый год* ИЯ1 — *Комахсæн* ИЯ1).

Куадзæн ‘Пасха’/‘успение’/‘Easter’ выступает антонимом геортониму *комбæттæн/комахсæн* *ком* ‘рот’ + *ахсæн* ‘завязывание’/‘закрытие’, иначе ‘заговение’ ‘the last day of the Shrovetide / the last day before Great Lent’ [Абаев 1958: 604; Дзадзиев 1994: 78–79].

Этот же обряд повторяется в день другого народного религиозного праздника Ична, который принято праздновать в заключительный день недели Джеры-дзуар. <...> Ичнатæ получается также «блуждающим» праздником [Календарь...].

Анализируемый фрагмент текста содержит репрезентации двух народных праздников — *Джеры Дзуар* и *Ичына*. Этномаркированные геортонимы *Ична* и *Джеры-дзуар* переданы средствами ИЯ1 без пояснения на ИЯ2. Следует обратить внимание на то, что ИЯ2 в ряде случаев выполняет функцию языка перевода. То есть исходный язык текста — русский (ИЯ2), геортонимная лексика передана средствами осетинского языка (ИЯ1). Однако в ряде случаев этноспецифические геортонимы сопровождаются экспликацией на ИЯ1, который из исходного языка переходит

в разряд переводящего языка, что и является одним из маркеров транслингвального текста.

Праздник *Ичьына* передан в тексте как *Ична* с нарушением орфографии осетинского языка. *Ичьына* – ежегодный праздник календаря народных, традиционных праздников. Отмечается в сентябре-октябре, знаменующая окончание перегона скота с летних пастбищ обратно в села [Дзадзиев 1994: 69]. В наши дни этот праздник весьма популярен, особенно у определенных патронимий, и заключается в ритуальном жертвоприношении мелкого рогатого скота и застолье, праздник во многом утратил свою первоначальную скотоводческую подоплеку, обретая исключительно символическое значение.

Праздник Атынаг в Южной Осетии широко отмечается в селении Рук, где расположено святилище Хисты дзуар, представителями фамилии Плиевых <...> [Календарная сакральная обрядность в Осетии].

Атынаг в осетинской мифологии – покровитель плодородия, посылающий хорошую погоду и обилие трав на лугах [Дзадзиев 1994: 18]. По имени божества назван и праздник *Хисты дзуар* ‘святилище тризны’, находящееся близ села Рук, где отмечается праздник *Атынаг* [Цховребова, Дзиццойты 2015: 169]. Автор транслингвального текста использует переключение языкового и культурного кодов, не сопровождая геортоним *Атынаг* и экклезионим *Хисты дзуар* пояснительным комментарием. В данном случае переводчик на английский язык, не владеющий лингвокультурными знаниями, вынужден будет перевести геортоним *Атынаг* и экклезионим *Хисты дзуар* способом транскрипции и транслитерации ‘Atynag’, ‘Khisty dzuar’.

Всего в ходе исследования выявлено 512 этномаркированных геортонимов, переданных средствами ИЯ1. Английские соответствия извлечены из материалов сайтов, имеющих англоязычную версию, и других медиа-текстов, содержащих репрезентации данных геортонимов. В ряде случаев переводческие соответствия, содержащие экспликации, даются в авторском переводе (см. таблицу 1).

Таблица 1

Репрезентации этномаркированных геортонимов и их переводческие соответствия на русском (ПЯ1) и английском (ПЯ2) языках

ИЯ1	Кол-во	ИЯ1/ ПЯ1	ПЯ 2
<i>Джеры-дзуар / Джеры Дзуар</i>	72 (14,1 %)	Джеры-Дзуар, праздник, посвященный Уастырджи/ св. Георгию	Celebration of the Dzery Dzuar sanctuary
<i>Джеры дзуары дугрттгæ кæнын бон</i>	3 (0,6 %)	Праздник открытия дверей святилища Джеры-Дзуар	Celebration of opening the doors of the Dzery Dzuar sanctuary

ИЯ1	Кол-во	ИЯ1/ ПЯ1	ПЯ 2
<i>Дзуары бон</i>	67 (13,1 %)	Религиозный праздник, посвященный божеству или святилищу	Religious holiday
<i>Рыны бардуаджы дзуары бон (Рук)</i>	3 (0,6 %)	День празднования божества <i>Рыны Бардуаг</i> в селе Рук	Ryny Barduadzhy Dzuary Bon (celebration day of the Ryny Barduag deity)
<i>Ична/ Ичфына</i>	6 (1,2 %)	Ична, ежегодный праздник скотоводческого цикла (осенью)	Annual celebration of the cattle-breeding cycle festival (in autumn)
<i>Комахсæн</i>	14 (2,7 %)	Заговение	Fasting (lit. day of tying / closing of the mouth)
<i>Куадзæн</i>	12 (2,3 %)	Пасха (разговение)	Easter
<i>Майрæм куадзæн</i>	17 (3,3 %)	Успение Пресвятой Богородицы	Dormition of the Virgin Mary/ Assumption of the Most Holy Theotokos
<i>Мад Майрæм, Мады Майрæм</i>	10 (2 %)	Рождество Богородицы	Nativity of Theotokos
<i>Лауызгæнæн</i>	49 (9,6 %)	День выпекания поминальных блинов	Making of lenten remembrance pancakes
<i>Ног Бон</i>	47 (9,2 %)	Старый Новый год (досл. Новый день)	New year (lit. New Day, old calendar style celebration)
<i>Аларды</i>	12 (2,3 %)	Аларды – божество, защищающее от оспы, кори, глазных и иных болезней. Праздник, посвященный этому божеству, отмечается в селе Рук Южной Осетии	Alardy – deity of fatal maladies, smallpox, measles, eye diseases (is celebrated in Ruk village)
<i>Тутыртæ</i>	5 (1 %)	Божество — покровитель волков. Празднование, посвященное данному божеству	Tutyr celebration of the Deity of wolves
<i>Мыкалгабыртæ</i>	3 (0,6 %)	День празднования божества Мыкалгабыр (искаж. <i>Михаил и Гавриил</i>)	Deity Mykalgbyr's day (dist. Michel and Gabriel)
<i>Урсы къуыри/ Царвисæн</i>	3 (0,6 %)	Масленица (досл. доставание масла)	Shrovetide / (lit. taking out butter))

ИЯ1	Кол-во	ИЯ1/ ПЯ1	ПЯ 2
<i>Фыссæн æхсæв</i>	4 (0,8 %)	Ночь гаданий (досл. ночь написания, ночь записок)	Fortune telling/ soothsaying night
<i>Цыттурс</i>	19 (3,7 %)	Рождество Христово	Christmas
<i>Зæрдæвæрæ</i>	2 (0,4 %)	День поминовения усопших	Remembrance Day
<i>Фыды комбæттæн</i>	5 (1 %)	Мясопустная неделя, заговение, Великий пост	Lent
<i>Бынаты æхсæв</i>	9 (1,8 %)	Ночь покровителя жилища	Holiday of the Protector of the Household
<i>Бынаты Хицау</i>	14 (2,7 %)	Праздник покровителя жилища, покровителя очага	Holiday of the Protector of the Household
<i>Лæгты дзуар</i>	2 (0,4 %)	Праздник, посвященный божеству — покровителю мужчин	Patron deity of men holiday
<i>Дауджытæ</i>	35 (6,8 %)	Дауджытæ – праздник духов — покровителей людей, зверей, лесов и т. д.	Daudzhyta is a holiday of the patron spirits of people, animals, forests, etc.
<i>Ломисы дзуарыбон</i>	11 (2,1 %)	Праздник святилища Ломис	Lomis' Sanctuary festivity
<i>Уастырджийы бонтæ</i>	6 (1,2 %)	Празднование, посвященное Уастырджи – главному божеству в пантеоне осетинских святых	Festivities of Uastirdzhi, the principal deity in the pantheon of Ossetian gods, saints and deities
<i>Згудеры Уастырджи</i>	21 (4,1 %)	Праздник Уастырджи – покровителя Згудерской церкви	Festivities of Uastirdzhi, the patron saint of the Zguder Church
<i>Бæрæгбон</i>	4 (0,8 %)	Празднование	Celebration day
<i>Хоры Бæрæгбон</i>	1 (0,2 %)	досл. праздник зерна, праздник изобилия и плодородия	lit. grain festival, grain harvesting; feast of fertility and abundance
<i>Бæркады Бæрæгбон</i>	2 (0,4 %)	Праздник изобилия и окончания полевых работ	Feast of fertility and abundance

ИЯ1	Кол-во	ИЯ1/ ПЯ1	ПЯ 2
<i>Балдæргæн</i>	8 (1,6 %)	Новый год (у осетин, который приходится на весеннее равноденствие), один из праздников весеннего земледельческого цикла	New Year (for the Ossetians, which falls on the spring equinox)
<i>Зæххæссын</i>	1 (0,2 %)	Вербное воскресенье (досл. принесение земли)	Palm Sunday (lit. bringing of the earth)
<i>Доныскъæфæн</i>	5 (1 %)	Крещение (досл. принесение воды)	Epiphany (lit. bringing water)
<i>Атынгæ</i>	30 (5,9 %)	Праздник фамилии Плиевых, отмечается в воскресенье, знаменуя начало сенокоса. Праздник, олицетворяющий окончание лета и начало осени	Atynag is a holiday that symbolizes the end of summer and the beginning of autumn (start of haymaking)
<i>Цыргъы дзуар</i>	10 (2 %)	Святылище острия	Spearhead Sanctuary
Итого	512 (100%)		

Заключение. Транслингвальный медиатекст – продукт полифункциональный, ориентированный на информацию и воздействие как на широкую аудиторию, так и на определенный ее сегмент.

Результаты исследования показали, что к базовым признакам транслингвальных медиатекстов можно отнести регулярные переключения языковых кодов авторами — носителями билингвизма.

Анализ фрагментов медиатекстов, извлеченных методом сплошной выборки из СМИ Южной Осетии и содержащих репрезентации этномаркированных геортонимов (*Джеры Дзуар* ‘Праздник Джеры Дзуар’, *Лауызгæнæнтæ* ‘выпекание поминальных блинов во время Великого поста’, *Комахæн* ‘Заговение’, *Куадзæн* ‘Пасха’ и др.), показал, что к характерным признакам транслингвального медиатекста можно отнести регулярное переключение языковых кодов, обусловленное билингвальностью авторов текстов.

Все проанализированные тексты написаны на русском (неродном для авторов материалов) языке, но содержат репрезентации этномаркированных геортонимов, переданные средствами родного (осетинского) языка.

Переводческий анализ выделенных медиатекстов показал, что из 512 репрезентаций осетинских геортонимов, переданных средствами ИЯ1,

157 (30,7 %) сопровождаются калькированием на русский язык. 59 (11,5 %) репрезентаций даны с пояснительным переводом. 213 (41,6 %) репрезентаций геортонимов переданы средствами осетинского языка (ИЯ1) в тексте на ИЯ2. 83 (16,2 %) даются в транслитерации и транскрипции на ИЯ2.

Транслингвальный медиатекст представляет особую сложность при переводе на третий язык, поскольку переводчик должен: 1) владеть двумя, тремя, а иногда и большим количеством языков, чтобы понимать транслингвальный исходный текст; 2) иметь обширные фоновые знания в разных областях, в частности лингвокультурологии, чтобы отразить в переводе на третий язык этнокультурную специфику текста.

Источники

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: [в 4 т.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. А–К. 656 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

Дзадзиев А.Б. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь / А.Б. Дзадзиев, Х.В. Дзугев, С.М. Караев. Владикавказ, 1994. 284 с.

Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2013. 632 с.

Календарная сакральная обрядность в Осетии. Вне исторических эпох и политических воззрений. URL: <https://respublikarso.org/culture/5167-kalendarnaya-sakralnaya-obryadnost-v-osetii-vne-istoricheskikh-epoch-i-politicheskikh-vozzreniy.html> (дата обращения: 17.10.2023).

Календарь традиционных празднеств. Особенности исчисления, или Насколько правильно мы выбираем день празднования определенного осетинского дзуара, отталкиваясь от христианского календаря? URL: <https://respublikarso.org/elections/809-kalendar-tradicionnyh-prazdnestv-osobennosti-ischisleniya-ili-naskolko-pravilno-my-vybiraem-den-prazdnovaniya-opredelennogo-osetinskogo-dzuara-ottalkivayas-ot-hristianskogo-kalendarya.html> (дата обращения: 17.10.2023).

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии. Знаурский район; Цхинвалский район: [в 3 т.]. М.: Наука, 2015. Т. 2. 603 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая научная энциклопедия, 2000. 688 с.

Литература

Бекоева И.Д. Формирование языковой личности в условиях билингвизма / И.Д. Бекоева, М.И. Баликоева // Этнолингвокультурные коды

и коммуникативные практики: Монография. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2023. С. 20–23.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища шк., 1979. 264 с.

Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969. 160 с.

Дианова Л.П. Транслингвальная поэзия в лирике Б. Каирбекова // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 524–534.

Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллект. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 320–334.

Кузнецова А.В. К определению понятия медиатекста // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2010. № 5 (159). С. 141–145.

Прошина З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 10–13.

Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170.

Саина С.Т. Двуязычие и многоязычие в семейной жизни и повседневном быту. Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Под ред. Л.П. Крысина. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 60–75.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1973. 368 с.

Федоров А.В. Медиаобразование: История, теория и методика. Ростов-н/Д: Изд-во ЦВВР, 2001. 708 с.

Хилханова Э.В. К вопросу о терминах «переключение кодов», «смешение кодов», «вкрапления» и критериях их разграничения URL: https://www.academia.edu/42532357/К_вопросу_о_терминах_переключение_кодов_смешение_кодов_вкрапления_и_критериях_их_разграничения (дата обращения: 16.10.2023).

Auer P. The pragmatics of code-switching: a sequential approach // One Speaker, Two Languages. Ed. by L. Milroy, P. Muysken. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Pp. 115–135.

Dewilde J. Translation and translanguaging: A young person developing as a writer. URL: https://www.academia.edu/35181339/Translation_and_

translingual_remixing_A_young_person_developing_as_a_writer?ri_id=74500 (дата обращения: 16.10.2023)

Gumperz J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Milroy L., Muysken P. One Speaker, Two Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

References

Istochniki

Abaev V.I. (1958). *Istoriko-jetimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language] [v 4 t.]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. T. 1. A–K. 656 p. (In Russ.)

Ahmanova O.S. (1966). *Slovar' lingvističeskij terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. 608 p. (In Russ.)

Dzadziev A.B. (1994). *Jetnografija i mifologija osetin. Kratkij slovar'* [Ethnography and mythology of Ossetians. Brief dictionary] / A.B. Dzadziev, H.V. Dzucev, S.M. Karaev. Vladikavkaz. 284 p. (In Russ.)

Zhukova I.N. (2013). *Slovar' terminov mezhkul'turnoj komunikacii* [Glossary of Crosscultural Communication Terms]. Moscow: FIInta: Nauka. 632 p. (In Russ.)

Kalendarnaja sakral'naja obrjadnost' v Osetii. Vne istoričeskijh jepoh i političeskijh vozzrenij [Calendar sacred rituals in Ossetia. Beyond historical eras and political views] URL: <https://respublikarso.org/culture/5167-kalendarnaya-sakralnaya-obryadnost-v-osetii-vne-istoričeskijh-epoh-i-političeskijh-vozzrenij.html> (In Russ.)

Kalendar' tradicionnyh prazdnestv. Osobennosti ischislenija ili naskol'ko pravil'no my vybiraem den' prazdnovanija opredelennogo osetinskogo dzuara, ot-talkivajas' ot hristianskogo kalendarja? [Calendar of traditional celebrations. Features of calculation or how correctly do we choose the day of celebration of a certain Ossetian dzuar, starting from the Christian calendar?] URL: <https://respublikarso.org/elections/809-kalendar-tradicionnyh-prazdnestv-osobennosti-ischisleniya-ili-naskolko-pravilno-my-vybiraem-den-prazdnovanija-opredelennogo-osetinskogo-dzuar-ottalkivayas-ot-hristianskogo-kalendarja.html> (In Russ.)

Podol'skaja N.V. (1988). *Slovar' russkoj onomastičeskij terminologii.* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow: Nauka. 192 p. (In Russ.)

Chovrebova Z.D., Dziccojty Ju.A. (2015). *Toponimija Juzhnoj Osetii Znaurskij rajon; Chinvalskij rajon* [Toponymy of South Ossetia Znaur region; Tskhinval region] [v 3 t.]. Moscow: Nauka. Vol. 2. 603 p. (In Russ.)

Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar (2000). [Linguistics. Large encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaja nauchnaja jenciklopedija. 688 p. (In Russ.)

Literatura

Bekoeva I.D., Balikoeva M.I. (2023). *Formirovanie jazykovej lichnosti v uslovijah bilingvizma* [Formation of linguistic personality in conditions of bilingualism]. In: *Jetnolingvokul'turnye kody i kommunikativnye praktiki: Monografija*. Vladikavkaz: Severo-Osetinskij gosudarstvennyj universitet imeni K.L. Hetagurova. Pp. 20–23. (In Russ.)

Bondaletov V.D. (1987). *Social'naja lingvistika* [Social linguistics]. Moscow: Prosveshhenie. 160 p. (In Russ.)

Vajnrajh U. (1979). *Jazykovye kontakty: Sostojanie i problemy issledovanija* [Language contacts: State of problem and issues of research]. Kiev: Vishha shk. 264 p. (In Russ.)

Vereshhagin E.M. (1969). *Psihologicheskaja i metodicheskaja harakteristika dvujazychija (bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]. Moscow: Izd-vo MGU. 160 p. (In Russ.)

Dianova L.P. (2023). *Translingval'naja poezija v lirike B. Kairbekova* [Translingual poetry in the lyrical poems of B. Kairbekov]. In: *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. Vol. 20. № 3. P. 524–534. (In Russ.)

Kazak M.Ju. (2012). *Specifika sovremennogo mediateksta* [Specifics of modern media text]. Moscow. Pp. 320–334. (In Russ.)

Kuznecova A.V. (2010). *K opredeleniju ponjatija mediateksta* [To the definition of the concept of media text]. In: *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki*. № 5 (159). P. 141–145. (In Russ.)

Proshina Z.G. (2016). *Problemy i perspektivy translingval'nyh i transkul'turnyh kontaktov* [Problems and prospects of translingual and transcultural contacts]. In: *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. № 2 (50). P. 10–13. (In Russ.)

Proshina Z.G. (2017). *Translingvizm i ego prikladnoe znachenie* [Translingualism and its applied significance]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Serija: Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'. Vol. 14. № 2. Pp. 155–170. (In Russ.)

Saina S.T. (2000). *Dvujazychie i mnogojazychie v semejnoj zhizni i povsednevnom bytu. Rechevoe obshhenie v uslovijah jazykovej neodnorodnosti*. [Bilingualism and multilingualism in family life and everyday life. Speech communication in conditions of linguistic heterogeneity]. Moscow: Jeditorial URSS. P. 60–75. (In Russ.)

Superanskaja A.V. (1973). *Obshhaja teorija imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russ.)

Fedorov A.V. (2001). *Mediaobrazovanie: Istorija, teorija i metodika* [Media education: History, theory, and methodology]. Rostov-na-Donu: Izd-vo CVVR. 708 p. (In Russ.)

Hilhanova Je.V. *K voprosu o terminah "pereključenje kodov", "smeshenie kodov", "vkraplenija" i kriterijah ih razgranichenija* [On the issue of the terms "code switching", "code mixing", "inclusions" and the criteria for their differentiation]. URL: https://www.academia.edu/42532357/K_voprosu_o_terminah_pereključenje_kodov_smeshenie_kodov_vkraplenija_i_kriterijah_ih_razgranichenija (In Russ.)

Auer P. (1995). *The pragmatics of code-switching: a sequential approach*. In: *One Speaker, Two Languages*. Ed. by L. Milroy, P. Muysken. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 115–135. (In Eng.)

Dewilde J. *Translation and translingual remixing: A young person developing as a writer*. URL: https://www.academia.edu/35181339/Translation_and_translingual_remixing_A_young_person_developing_as_a_writer?ri_id=74500 (In Eng.)

Gumperz J. *Discourse Strategies* (1982). Cambridge: Cambridge University Press. (In Eng.)

Milroy L., Muysken P. (1995). *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. (In Eng.)

Сведения об авторе

Бекоева Ирина Давидовна – кандидат филологических наук, доцент; Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова, Цхинвал, Республика Южная Осетия; кафедра английского языка; доцент; научные интересы: сравнительно-историческое, сопоставительное языкознание; когнитивная лингвистика; политическая лингвистика; лингвокультурология; переводоведение; переводческая ономастика; межкультурная коммуникация.

Information about the author

Irina D. Bekoeva – PhD in Philology, Associate Professor; South-Ossetia State University named after A.A. Tibilov, Tskhinvali, Republic of South Ossetia; the English Department; associate professor; scientific interests: comparative and historical linguistics, cognitive linguistics, political linguistics, linguo-cultural studies, theory of translation, translation onomastics, cross-cultural communication.

Научная статья

УДК 811

DOI 10.25688/2619-0656.2023.11.06

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ КВАЗИСУБЪЕКТНЫХ МОДЕЛЕЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Анна Михайловна Шестопалова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
shestopalovaam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-4890>

Аннотация. В данной статье рассматриваются русские квазисубъектные модели типа *Смешки немедленно прекращаются* и способы их перевода на английский язык. Актуальность проблемы перевода квазисубъектных моделей обуславливается тем, что в некоторых случаях данные синтаксические конструкции не представляется возможным передать на английский язык с использованием их аналога типа *The giggling stops instantly*. Наблюдаемые несоответствия при переводе связываются с лакунарностью квазисубъектных моделей в обоих языках, которая определяется особенностями структурного оформления исследуемых синтаксических конструкций. В частности, различные способы вербализации предикативного компонента модели (русский возвратный глагол vs. английский глагол в форме активного залога) позволяют рассматривать субъект высказывания с точки зрения степени его вовлеченности в событие. Отмеченные структурные и семантические несоответствия тем самым потенциально влияют на конечную стратегию перевода. Цель исследования заключается в обзоре существующих вариантов перевода квазисубъектных моделей, отобранных из материалов параллельного корпуса НКРЯ. Анализ языковых примеров производится с учетом реализующегося в исходной конструкции типа субъекта (неопределяющий агентивный, неопределяющий неагентивный, определяющий неагентивный субъект), что позволило разделить эмпирический материал на соответствующие группы и определить основные способы перевода. В качестве результатов исследования предлагается набор переводческих стратегий, языковое оформление которых способствует последующей передаче информации о типе субъекта в языке перевода. Делается вывод, что при принятии переводческого решения релевантным оказывает тип субъекта, который реализуется в модели.

Ключевые слова: квазисубъектная модель, тип субъекта, лакуарность, стратегия перевода, перевод.

Для цитирования: Шестопалова А.М. Особенности перевода русских квазисубъектных моделей на английский язык // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: Книгодел, 2023. С. 90–105. doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.06

Original article

ENGLISH TRANSLATION STRATEGIES FOR RUSSIAN QUASI-SUBJECT CONSTRUCTIONS

Anna M. Shestopalova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation, shestopalovaam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-4890>

Abstract. The current research covers Russian quasi-subject constructions such as *Smeshki nemedlenno prekrashchayutsja* and dwells on possible English translation strategies. The paper points out that in some cases quasi-subject constructions cannot be translated with their English counterpart such as *The giggling stops instantly*, therefore respective translation strategies call for further investigation. The discrepancies in translation patterns are associated with the quasi-subject construction lacunarity seen in both Russian and English, which in turn is linked to structural arrangement features of the syntactic construction. Specifically, various predicate forms (Russian reflexive verb vs. English Active Voice verb) allow to consider the degree of subject involvement. The following structural and semantic discrepancies might eventually affect the final translation strategy. The goal is to review the existing quasi-subject construction translations collected from the Russian National Corpus's parallel database. The samples are analyzed regarding the subject type within the original construction (non-defining agentive, non-defining non-agentive and defining non-agentive subject), which allowed to group the empirical data and outline general translation patterns. The results suggest a set of translation strategies and respective language means used to translate subject type information to the target language. The paper concludes that the subject type appears to be relevant when making a translation decision.

Keywords: quasi-subject construction, subject type, lacunarity, translation strategy, translation.

For citation: Shestopalova A.M. (2024). English translation strategies for Russian quasi-subject constructions. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor

I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 90–105 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.06>

© Шестопалова А.М., 2023

Введение. В настоящее время одним из актуальных направлений в рамках лингвистических исследований выступает поиск переводческих решений для синтаксических конструкций. Так, например, в фокусе оказываются метонимические стратегии перевода, способы передачи различных типов предикативности (модели с именными группами) [Лингвистические теории... 2015; Сулейманова 2017], а также инициальных обстоятельств (места, причины и др.) [Терещенко, Гулянец 2020]. Внимание уделяется особенностям перевода терминов образовательной сферы, к которым относят обобщенно-личные и безличные конструкции типа *the findings of the research reveal, существует мнение, что* и др. [Гулянец, Иванова 2020]; рассматриваются английские «периферийные структуры» (например, абсолютный причастный оборот), которые не имеют прямых соответствий в русском языке, что влечет за собой поиск особых переводческих решений [Сулейманова, Карданова-Бирюкова 2021]. К синтаксическим моделям, которые не имеют прямых коррелятов в одном из сопоставляемых языков, потенциально можно отнести русские квазисубъектные модели типа *Смешки немедленно прекращаются*, поскольку данные конструкции не всегда представляется возможным перевести на английский язык с помощью их квазисубъектного аналога типа *The giggling stops instantly*. Предположительно, невозможность передачи данной модели с помощью ее прямого коррелята в языке перевода обусловливается лакунарностью данных моделей как в русском, так и в английском языке.

Проблема лакунарности в переводе представляется актуальной и обусловливается наличием общего интереса к процессам концептуализации и категоризации действительности (так, понятие «лакуна» применяется в исследованиях, посвященных изучению особенностей различных межъязыковых концептов [Дзида 2010]). В рамках данной проблематики рассматриваются способы выделения и описания как межъязыковых [Акай 2019; Щитова, Щитов 2020], так и синтаксических лакун [Долгирева, Егорова, Коновалова 2023]. Как представляется, на данный момент пока не было предложено однозначного определения понятия «лакуна» [Захарова, Маркин 2021; Щитова, Щитов 2020], однако при изучении соответствующего языкового явления многие исследователи вслед за И.А. Стерниним принимают за лакуну такие ситуации, когда некоторая языковая единица присутствует в одном из сопоставляемых языков, но при этом отсутствует в другом. Иными словами, лакуна выступает как отсутствие прямого межъязыкового коррелята для определенной языковой единицы

в одном языке относительно другого [Стернин 2007: 45]. Исследуемые квазисубъектные модели потенциально можно отнести к лакунам, поскольку в русском и английском языках можно отметить такие синтаксические конструкции, с помощью которых передается информация, заключенная в квазисубъектном высказывании. В частности, с помощью данных моделей вносится информация о некоем неодушевленном объекте, внутренние свойства и качества которого обуславливают его способность выполнять или подвергаться некоторым действиям. Так, например, при переводе возможно прямое соответствие между русской и английской моделью: *Размеры постоянно уменьшаются* – *The size steadily decreases*.

Отнести рассматриваемые модели к частичным лакунам потенциально позволяет грамматическое оформление конструкций. Так, русская квазисубъектная модель состоит из существительного, возвратного глагола с формантом *-ся* и наречия (*Температура резко увеличивается, Банка плотно закручивается*), тогда как в английской модели предикативный компонент представлен глаголом в форме активного залога (*The temperature rises sharply, The jar seals tightly*). Употребление глаголов разного типа в составе квазисубъектной модели позволяет рассматривать описываемое событие с точки зрения степени проявляемой субъектом активности или пассивности. Как представляется, в русских квазисубъектных моделях с помощью возвратного глагола имплицитно задается наличие постороннего деятеля, усилия которого направлены на реализацию соответствующего события. В английских моделях, напротив, употребление глагола в форме активного залога позволяет представить субъект высказывания как реального производителя действия. Иными словами, в английском языке в сфере субъекта наблюдается более высокая степень активности, чем в сфере субъекта в русском языке. Отмеченные структурные несоответствия потенциально влияют на возможность перевода квазисубъектных моделей с помощью их прямых коррелятов в том или ином языке. Например, прямые соответствия имеют место при переводе следующих высказываний: *Комната быстро нагревается* – *The room heats up quickly*; *Болезнь быстро распространяется* – *The illness spreads quickly*; *The boat rocks gently* – *Лодка тихо покачивается*; *Cells reproduce quickly* – *Клетки быстро размножаются*. Отметим, что исходную квазисубъектную модель не всегда представляется возможным передать на другой язык с помощью ее аналога, поэтому в данном случае необходимо обращаться к другим стратегиям перевода. Ср. *The room smells horribly* – *В комнате плохо пахло*; *The stomach rumbles noisily* – *В животе шумно заурчало* (исходная квазисубъектная модель перестраивается в безличное предложение); *Рыдания едва слышатся* – *The sobs are barely audible* (предикат действия в русской модели передается на английский язык с помощью предиката состояния); *Случай быстро забывается* – *The case is quickly forgotten* (исходное высказывание переводится

с помощью страдательной (пассивной) конструкции). Таким образом, наличие рассмотренных несоответствий позволяет говорить о частичной лакунарности квазисубъектных моделей.

Методология исследования. В рамках настоящего исследования широко применяются инструменты различных сетевых исследовательских технологий [Петрова, Иванова, Никитина 2022; Suleimanova, Guseinova, Vodyanitskaya 2020], в частности корпусов текстов, которые позволили собрать соответствующий языковой материал, отвечающий заданным критериям. В качестве эмпирического материала были отобраны примеры употребления русских квазисубъектных моделей, сопровождающиеся вариантами их перевода на английский язык. Источником языкового материала выступила база данных параллельного корпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ], на платформе которого при помощи функции лексико-грамматического поиска возможно задать точные грамматические, семантические и синтаксические характеристики для каждого структурного элемента исследуемой синтаксической модели (Рис. 1). Обращение к данному инструменту позволяет произвести направленный поиск исследуемых моделей, что оптимизирует процесс отбора языкового материала.

Слово 1	Слово 2	Слово 3
Лемма <input type="text"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>	Лемма <input type="text"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>	Лемма <input type="text" value="*ся"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>
Словоформа <input type="text"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>	Словоформа <input type="text"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>	Словоформа <input type="text"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>
Грамм. признаки <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text" value="(S) & (nom) & (inan)"/>	Грамм. признаки <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text" value="(ADV)"/>	Грамм. признаки <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text" value="(V) & (indic) & (praes) & (act med)"/>
Семант. признаки (рус.) <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text"/>	Семант. признаки (рус.) <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text" value="gr:ADV & (der:a der:a & dt:size de)"/>	Семант. признаки (рус.) <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text"/>

Рис. 1. Заполненная форма лексико-грамматического поиска

Форма поиска оформляется следующим образом. Для компонента «существительное», которому соответствует столбец «Слово 1», в ячейке «Грамм. признаки» отмечаются параметры «(S) & (nom) & (inan)», которые определяют часть речи (имя существительное), падеж (именительный), а также одушевленность/неодушевленность (неодушевленное). Неодушевленное существительное отмечается в силу того, что в рамках квазисубъектной модели можно наблюдать метафорический перенос в сфере субъекта, в результате которого неодушевленная сущность наделяется

признаком одушевленности, что позволяет рассматривать материальный объект в терминах мотиваций и характеристик человека [Лакофф, Джонсон 2004: 59]. Например, в высказываниях *Слухи быстро разносятся, Техника быстро совершенствуется* возможность выполнения соответствующих действий неодушевленными предметами (*слухи, техника*) можно рассматривать через призму тех действий, которым их обычно подвергает человек (вовлеченность человека в коммуникативную деятельность, в результате которой слухи передаются от одного собеседника к другому; приложение умственных и физических усилий, направленных на улучшение качества оборудования и др.). Иными словами, субъект в квазисубъектной модели представляется как сущность, которая благодаря внутренним свойствам и качествам способна самостоятельно реализовывать определенные действия.

Столбец «Слово 2» отводится под наречие, для которого отмечались следующие возможные семантические признаки. По словообразованию выбирались отадъективные наречия, описывающие свойства и качества субъекта высказывания (*легко, хорошо, плохо, медленно* и др.). Дополнительно было принято решение отобрать наречия по таксономии и отметить наречия скорости (*резко, постепенно*), расстояния (*глубоко*), количества (*чуть-чуть, немного*) и времени (*мимолетно, непрерывно*), что позволило обработать больший объем языкового материала. (Поиск в данном случае производился по каждому типу наречия отдельно, поскольку если отметить все параметры одновременно, система не распознаёт запрос и не выдает каких-либо результатов в силу того, что поисковая форма нагружена различными операторами.)

В столбце «Слово 3» формы поиска задаются необходимые параметры для предикативного компонента синтаксической модели. В данном случае среди грамматических признаков релевантными представляются время (настоящее время), наклонение (изъявительное) и залог (действительный или медиальный). С помощью обозначения «*ся» отмечаются все лексемы, оканчивающиеся на данный морфологический элемент. Таким образом, с учетом всех указанных параметров в качестве результатов поиска исследователь получает корпус объемом 1652 примера.

Однако не все примеры заданного корпуса могут рассматриваться как квазисубъектные модели. Так, в высказывании *В данный момент обе эти страны, очевидно, являются противниками* сочетание выделенных элементов не формирует квазисубъектную модель, поскольку наречие *очевидно* в данном случае выполняет функцию вводного слова. Следовательно, полученный в результате поискового запроса корпус примеров необходимо далее обрабатывать вручную, чтобы исключить такие высказывания, которые не отвечают заданным критериям и по своей структуре не соответствуют типичной форме квазисубъектной модели (существо-

тельное + наречие + глагол с формантом *-ся*). Таким образом, в итоговую эмпирическую выборку вошло 247 высказываний, сопровождающихся вариантами их перевода на английский язык.

В настоящем исследовании для дальнейшего анализа способов перевода русских квазисубъектных моделей при обработке языкового материала мы опираемся на следующую классификацию типов субъекта [Семантические типы предикатов 1982], которые могут реализовываться в рамках рассматриваемой синтаксической конструкции. Опора на данную классификацию позволяет распределить отобранные высказывания по группам в зависимости от типа субъекта, среди которых выделяются:

– **неопределяющий агентивный субъект** (далее – НА субъект) представляет собой такой тип субъекта, который прилагает усилия для продуцирования некоего действия, но его результат определяется вовлеченностью внешней силы в описываемое событие. Ср. *Болезнь мгновенно разносится*, где субъект *болезнь* «прилагает» усилия для реализации действия *разносится*, что обеспечивается внутренними свойствами субъекта (особенности биохимии, длительность инкубационного периода и пр.), однако результат *быстро разносится* будет зависеть от внешних параметров ситуации (соблюдение карантинных мер, использование медицинских средств индивидуальной защиты и пр.). Ср. *Разрез сразу закрывается, Погодные условия непрерывно меняются, Обычаи часто меняются, Перспективы быстро улучшаются*. Среди языковых средств, которые указывают на факт реализации данного типа субъекта в высказывании, можно выделить глаголы движения на *-ся* (*поднимается, несется, движется, приближается*), при которых субъект выступает каузатором движения, и дальнейший контроль за действием передается некоему внешнему деятелю. Кроме того, НА субъект можно отметить в высказываниях с глаголами, денотат которых предполагает обязательное наличие внешних условий для реализации действия, например глаголы *улучшаться, испаряться, развиваться* (улучшения, процессы испарения и развития возможны только в случае соблюдения неких внешних условий) [Шестопалова 2023: 120]. Из 247 примеров в 134 высказываниях реализуется НА субъект;

– **неопределяющий неагентивный субъект** (далее – НН субъект) указывает на субъект-пациент, при котором действие выполняется внешней силой. Ср. *Острова часто посещаются*, где осуществление действия *посещаются* возможно только в случае, если некий внешний деятель (группа людей, туристы) будет прилагать соответствующие усилия для его реализации, тогда как субъект высказывания *острова* остается пассивным участником ситуации. Ср. *Уравнение постоянно применяется в медицинской диагностике, Страх регулярно используется в объявлениях общественных служб, Термины регулярно используются*. Наличие НН субъекта в высказывании представляется возможным определить с помощью семантического теста

на сочетаемость исходного предложения с дополнением в творительном падеже, а также преобразования по типу «X возможно легко / быстро / др. Р» (где X обозначает субъект, Р – совершаемое действие). С точки зрения семантики обе трансформации указывают на то, что для реализации описываемого события необходимо присутствие некоей внешней силы или деятеля, усилиями которого будет осуществляться соответствующее действие [Шестопалова 2023: 118–119]. Так, с помощью дополнения в творительном падеже возможно ввести реального производителя действия (*Острова часто посещаются туристами*), тогда как в указанном семантическом преобразовании предикат *возможно* имплицитно отмечает необходимость присутствия внешней силы для последующей реализации действия (*Термины возможно регулярно использовать*). Среди отобранных высказываний можно выделить 65 предложений с НН субъектом;

– **определяющий неагентивный субъект** (далее – ОН субъект) представляет собой такой субъект, который полагается только на внутренний источник энергии для выполнения соответствующего действия. Ср. *Мое сердце неистово бьется*, где реализация события *бьется* обуславливается заложенными в субъекте свойствами (сердце обладает физиологической способностью продуцировать энергию, необходимую для его биения). Ср. *Мины уже рвутся в самом лагере, Кровь быстро обращается в моих жилах, Его курчавые волосы забавно топорщатся, Волны тиетно бьются о скалы*. ОН субъект в высказывании позволяет определить семантический тест типа «X выполняет Р сам по себе», где элемент *сам по себе* отмечает способность субъекта самостоятельно, без посторонней помощи выполнять действия (*Кровь быстро обращается сама по себе, Волосы забавно топорщатся сами по себе*) [Шестопалова 2023: 119–120]. В эмпирическую базу вошло 48 высказываний с ОН субъектом.

С учетом рассмотренных семантических характеристик и маркеров представляется возможным распределить эмпирический материал по группам в зависимости от типа субъекта, который реализуется в исходной квазисубъектной модели. Данный подход к анализу языкового материала позволит определить наиболее релевантные способы перевода исследуемых синтаксических конструкций на английский язык. Рассмотрим далее возможные стратегии перевода.

Результаты. Обратимся к высказываниям с **НН субъектом**, большинство из которых переводятся на английский язык при помощи страдательной (пассивной) конструкции (44 высказывания из 65), указывающей на обязательное наличие внешней силы или лица для выполнения описываемого действия. Ср. в следующих примерах, где субъекты *шум, часть новых генов, техника* выступают пациентами и события *пресекается, устраняется, задействуется* реализуются за счет прилагаемых внешними деятелями усилий: *Шум оживления сразу пресекается* – *The sound of animation*

is immediately cut short; Большая часть новых генов быстро устраняется — Most new genes are quickly penalized; Техника часто задействуется на рабочих местах — Technology is often deployed in the workplace.

Реже используются следующие стратегии перевода. Во-первых, модели с НН субъектом представляется возможным передать на английский язык с помощью соответствующего английского аналога (9 высказываний). В данном случае внимание уделяется свойствам и качествам субъекта, обеспечивающим возможность данного субъекта подвергаться описываемым действиям: *Манипуляции постоянно используются во всех формах продаж и маркетинга — Manipulations run rampant in all forms of sales and marketing; Вложения в картины или скульптуры редко окупаются — Art investment very rarely works; В контексте современного искусства пошлость прекрасно продается — In the context of contemporary art, banality sells well.* Во-вторых, следует отметить такие случаи, когда при переводе происходит восстановление реального производителя действия (7 высказываний): *Кто-то постучал к нам в дверь и сказал, что полет временно откладывается — Somebody came up and knocked on the spaceship door and said, “We are temporarily cancelling this mission”; Но когда они слышат мое заявление, их языки мгновенно развязываются — But when I made a statement, they started to talk; Иногда слышатся скрип весел в уключинах или неясный говор — Sometimes you could hear a sweep screaming; or jumbled up voices.* Наконец, квазисубъектные модели с НН субъектом можно переводить на английский язык с использованием субъектного инфинитивного оборота с составным именным сказуемым (3 высказывания). С помощью данной синтаксической конструкции вносится информация о том, что в описываемой ситуации присутствует дополнительный субъект, который выражает свое к ней отношение или дает оценку [Грамматические аспекты перевода 2012: 188]: *Звонок легко отслеживается — A phone call was easy to trace; Подобное соединение редко встречается — The combination is not very easy to come by; Грош трудно достается — Nickels and dimes were hard to come by.*

Обзор представленных вариантов перевода показывает, что при передаче моделей с НН субъектом на английский язык релевантной выступает информация о субъекте-пациенте, что определяет набор языковых средств, которые используются в языке перевода (преобразование в пассивную конструкцию, восстановление реального производителя действия и др.). Аналогичный подход можно наблюдать при переводе моделей с ОН субъектом, где будут использоваться такие языковые средства, которые позволяют передать информацию о том, что субъект способен самостоятельно выполнять действия, пользуясь только внутренней энергией; в фокус при этом будут помещаться свойства и качества субъекта. Так, с учетом данных условий наиболее оптимальной стратегией выступает перевод квазисубъектной модели при помощи ее прямого английского

коррелята (36 высказываний из 48): *Пивные и спиртные испарения постоянно поднимаются к потолку* — *The steams of beer and spirits perpetually ascend to the ceiling*; *Кровь быстрее обращается в моих жилах* — *The blood courses more quickly through my veins*; *Пилуля быстро растворяется* — *The pill readily dissolves*; *Тело прозрачно светится* — *The body glows transparently*.

Среди стратегий перевода квазисубъектных моделей с ОН субъектом также можно отметить использование абсолютного причастного оборота с причастием I (7 высказываний), с помощью которого заключенная в модели информация оформляется как сопутствующая главному предложению дополнительная тема. При этом существительное в общем падеже выступает в качестве производителя действия, которое выражается причастием I [Грамматические аспекты перевода 2012: 191]. Ср. *Судья поднимается на свою трибуну, — его курчавые волосы забавно топорщатся* — *Here now was the judge, mounting the steps of his rostrum, his frizzled hair standing out in a strange way*; *Он повернулся к окну и стал смотреть на темные силуэты деревьев, смутно вырисовывавшиеся в небе, наблюдая, как сумерки постепенно сгущаются, переходя в ночную темноту* — *He looked out of the window, and regarded the dim outline of the trees upon the sky, and the twilight deepening to darkness*.

В качестве возможного варианта перевода квазисубъектных моделей можно отметить случаи метонимического переноса в сфере предиката, а именно русский предикат действия трансформируется в английский предикат состояния (5 высказываний), между которыми устанавливается неслучайная связь, обусловленная наличием причинно-следственных отношений между сопоставляемыми предикатами [Сулейманова, Нерсесова 2023: 81]. Ср. *Самые худшие ожидания обычно оправдываются* — *The worst is usually true*; *Вот и перебрались в одну комнату: дровишки нынче кусаются* — *That's why we've moved into one room: firewood is expensive these days*. В данном случае употребление предиката состояния в английском языке позволяет поместить в фокус не способность субъекта самостоятельно выполнять некие действия, а его свойства и качества.

По результатам анализа вариантов перевода квазисубъектных моделей с **НА субъектом** можно отметить следующее. Среди стратегий перевода данных высказываний используются все перечисленные выше способы, а именно:

— передача квазисубъектной модели с помощью прямого английского коррелята (92 высказывания из 134): *Поскольку черная дыра испускает частицы, ее масса и размеры постоянно уменьшаются* — *As a black hole emits particles, its mass and size steadily decrease*; *Карета быстро катится* — *The coach rolls swiftly*; *DI-фактор стремительно распространяется* — *The DI factor rapidly spreads*; *Нынешние движения стремительно разрастаются* — *Today's movements scale up very quickly*;

– перевод модели с помощью абсолютного причастного оборота с причастием I (12 высказываний): *Эту сцену крутили снова и снова, причем в замедленном темпе: вода медленно льется на лысый череп ученого* – *On-screen, the event was shown repeatedly in slow motion, the water sloshing over a skinny, bald guy*; «Ну конечно, нет», – *быстро поправился он, чувствуя, что его надежда быстро улечивается* – *“Of course not,” he returned hastily, his hope falling again*;

– восстановление реального производителя действия (11 высказываний): *Но знаете, я и правда лучше себя чувствую. Голова немного кружится* – *But you know, I do feel better. I'm kind of dizzy though*; *Мне нужен спорт, а то у меня в последнее время часто случаются запоры* – *I need exercise. Sometimes I get constipated*; *Мое состояние быстро ухудшается* – *I'm getting worse fairly rapidly*; *Ему казалось, что его тело медленно испаряется* – *He thought he was turning to steam painlessly*;

– перевод с использованием пассивной конструкции (10 высказываний): *В обе стороны непрерывно движутся грузы техники* – *The equipment is constantly being shunted back and forth*; *Его лицо странно меняется* – *His face is tilted oddly*; *Две эти категории риска часто переплетаются* – *These two risk categories are often intertwined*;

– метонимический перенос по типу предикат действия – предикат состояния (6 высказываний): *Температурная кривая и другие погодные условия непрерывно меняются* – *The temperature curve and other weather conditions are in constant flux*; *Земные недра тяжело содрогаются* – *The mountains are troubled*; *Ситуация значительно осложняется* – *The situation might be rather serious*.

Наблюдаемое комбинирование стратегий перевода квазисубъектных моделей потенциально можно объяснить особенностью семантики НА субъекта: в данном случае субъект высказывания выступает одновременно активным (отмечается приложение усилий со стороны субъекта для осуществления действия) и пассивным участником ситуации (результат зависит от действий внешнего лица). Вариант перевода тем самым будет зависеть от контекста: если значимой оказывается информация о том, что для реализации события необходимо наличие внешних сил или деятеля, то в языке перевода исходная квазисубъектная модель передается либо с помощью страдательной (пассивной) конструкции, либо имеет место восстановление реального производителя действия. Напротив, если при переводе релевантными выступают свойства и качества субъекта, а также его способность самостоятельно продуцировать действия, то преобразование рассматриваемой синтаксической конструкции производится путем трансформации в английскую квазисубъектную модель, абсолютный причастный оборот или осуществляется метонимический перенос по типу предикат действия – предикат состояния.

Заключение. Как представляется, в структурном оформлении русских и английских квазисубъектных моделей наблюдаются определенные несоответствия, в частности, в сфере предикативного компонента, который вербализуется различными средствами (возвратный глагол с формантом *-ся* в русском языке, глагол в форме активного залога в английском языке). Данное расхождение составляет переводческую трудность, поскольку в определенных случаях русскую модель невозможно передать на английский язык при помощи соответствующего аналога. В рамках данной работы квазисубъектные модели потенциально можно отнести к частичным лакунам, и основная задача заключается в поиске таких английских синтаксических коррелятов, с помощью которых будет возможным передать заключенную в исходной модели информацию о свойствах и качествах субъекта, обеспечивающих его способность реализовывать какие-либо действия.

Анализ стратегий перевода русских квазисубъектных моделей производился с опорой на наблюдаемый в исходном высказывании тип субъекта, что позволило выделить релевантные способы перевода. Например, среди наиболее частотных способов перевода высказываний, в которых реализуется НН субъект, отмечается преобразование в пассивную конструкцию; квазисубъектные модели с ОН субъектом чаще всего переводятся с помощью английского квазисубъектного аналога; стратегия перевода конструкций с НА субъектом совмещает в себе оба переводческих подхода, что объясняется семантическими свойствами данного типа субъекта (является одновременно активным и пассивным участником ситуации). При переводе высказываний с НА субъектом необходима опора на контекст, а именно следует определить, какая информация имеет наибольшее значение: субъект является пациентом и для реализации действия необходимо присутствие внешней силы, либо в фокус необходимо поместить свойства и качества субъекта высказывания, обеспечивающие возможность реализации того или иного события.

В дальнейшем представляется возможным проанализировать способы перевода английских квазисубъектных моделей на русский язык, что позволит провести сопоставительный анализ рассмотренных переводческих решений и предложить общие принципы перевода данных синтаксических моделей.

Литература

Акай О.М. Межъязыковая категориальная (частичная) лакунарность // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2019. № 2. С. 37–42.

Грамматические аспекты перевода / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклешева, К.С. Карданова [и др.]. М.: Издат. центр «Академия», 2012. 240 с.

Гуляниц С.Б., Иванова А.М. Межкультурная коммуникация в академической среде: к проблеме перевода терминов образовательной сферы // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 71–81.

Дзида Н.Н. Проблема лакуарности в переводе // Вестник Тюменского государственного университета. Сер.: Гуманитарные исследования. Humanitates. 2010. № 1. С. 162–167.

Долгирева А.Э., Егорова И.А., Коновалова Н.В. Синтаксические внутриязыковые лакуны (на материале повести А.П. Чехова «Палата № 6») // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 3. С. 71–75.

Захарова Ю.Г., Маркин К.Н. Вопрос о лексической лакуарности в современной лингвистике // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI веков. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. С. 178–186.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 256 с.

Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.В. Лягушкина [и др.]. М.: Ленанд, 2015. 272 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> [НКРЯ] (дата обращения: 29.10.2023).

Петрова И.М., Иванова А.М., Никитина В.В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях. М.: Языки народов мира, 2022. 259 с.

Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. 370 с.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 288 с.

Сулейманова О.А. Мотивы переводческого решения при передаче предикативности: русский и английский языки // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: коллект. монография. М.: Канцлер, 2017. С. 265–272.

Сулейманова О.А., Карданова-Бирюкова К.С. Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе // Русистика и компаративистика. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 297–315.

Сулейманова О.А., Нерсесова Э.В. Принцип неслучайной связи в переводческих практиках // История, теория и дидактика переводческой деятельности: коллективная монография. М.: ФЛИНТА, 2023. С. 73–89.

Терещенко А.И., Гуляниц А.Б. Перевод английского инициального обстоятельства на русский язык (на материале сайтов INOSMI.RU и INONEWS.

RU) // Язык и профессиональная коммуникация в цифровом обществе: сб. матер. нац. науч.-практич. конф. М.: Белый ветер, 2020. С. 133–142.

Шестопалова А.М. Определение типа субъекта в квазисубъектных моделях типа *книга легко читается* // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 116–124.

Щитова О.Г., Щитов А.Г. Межъязыковая фразеологическая эквивалентность и лакунарность: этнокультурный аспект (на материале русского и китайского языков) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2020. № 65. С. 158–179.

Suleimanova O.A., Guseinova I.A., Vodyanitskaya A.A. The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science // Society. Integration. Education. 2020. Vol. 4. Pp. 657–669.

References

Literatura

Akaj O.M. (2019). *Mezh'yazykovaya kategorial'naya (chastichnaya) lakunarnost'* [Interlingual categorial (partial) lacunarity]. In: *Bulletin of Russian New University. Series: Man in the Modern World*, 2, 37–42. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Beklemesheva N.N., Kardanova K.S. et al. (2012). *Grammaticheskie aspekty perevoda* [Grammatical aspects of translation]. Moscow: Izdatel'skij centr "Akademiya". 240 p. (In Russ.)

Guliyants S.B., Ivanova A.M. (2020). *Mezhkul'turnaya kommunikaciya v akademicheskoy srede: k probleme perevoda terminov obrazovatel'noj sfery* [Academic intercultural communication: translating terminology in the sphere of education]. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 71–81. (In Russ.).

Dzida N.N. (2010). *Problema lakunarnosti v perevode* [Lacuna issues in translation]. In: *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 1, 162–167. (In Russ.)

Dolgireva A.E., Egorova I.A., Konovalova N.V. (2023). *Sintaksicheskie vnutriyazykovye lakuny (na materiale povesti A.P. Chekhova "Palata №6")* [Syntactic intralinguistic gaps (based on the story of A.P. Chekhov "Chamber No. 6").]. In: *Modern Humanities Success*, 3, 71–75. (In Russ.)

Zakharova Yu.G., Markin K.N. (2021). *Vopros o leksicheskoy lakunarnosti v sovremennoj lingvistike* [The question of lexical lacunarity in modern linguistics]. In: *Literatura i zhurnalistika stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona v mezhkul'turnoj kommunikacii XX-XXI vv.* [Literature and journalism of Asian-Pacific countries in 20th–21st century multicultural communication]. Khabarovsk: Tihookeanskij gosudarstvennyj universitet, 178–186. (In Russ.)

Lakoff G., Johnson M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: URSS. 256 p. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Kardanova-Biryukova K.S., Lyagushkina N.V. et al. (2015). *Lingvisticheskie teorii v interpretacii perevodcheskih strategij. Kompleksnyj analiz perevodcheskogo processa* [Linguistic theories through translation strategies. Comprehensive analysis of translation process]. Moscow: Lenand. 272 p. (In Russ.)

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 29.10.2023).

Petrova I.M., Ivanova A.M., Nikitina V.V. (2022). *Sovremennye cifrovye tekhnologii v lingvisticheskikh issledovaniyah* [Morder digital tools in linguistic research]. Moscow: Yazyki Narodov Mira. 259 p. (In Russ.)

Seliverstova O.N. (ed.) (1982) *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic predicate types]. Moscow: Nauka. 370 p. (In Russ.)

Sternin I.A. (2007). *Kontrastivnaya lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniya* [Contrastive linguistics. Issues of theory and research methods]. Moscow: AST: Vostok – Zapad. 288 p. (In Russ.)

Suleimanova O.A. (2017). *Motivy perevodcheskogo resheniya pri peredache predikativnosti: russkij i anglijskij yazyki* [Translation decision motive when dealing with predictivity in Russian and English]. In: *Grammaticheskie kategorii germanskikh yazykov v antropocentricheskoy perspektive: kollektivnaya monografiya* [Germanic grammatic categories in anthropocentric perspective: a collective monograph]. Moscow: Kancler, 265–272. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Kardanova-Biryukova K.S. (2021). *Kontrastivnyj analiz russkikh i anglijskikh "periferijnyh" sintaksicheskikh struktur v perevodcheskoj perspektive* [Contrastive analysis of English and Russian “peripheral” syntactic constructions in translation perspective]. In: *Russian Philology and Comparative Studies*. Moscow: Knigodel, XV, 297–315. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Nersesova E.V. (2023). *Princip nesluchajnoj svyazi v perevodcheskih praktikah* [The principle of non-random relation in translation practices]. In: *Istoriya, teoriya i didaktika perevodcheskoj deyatel'nosti: kollektivnaya monografiya* [History, theory and didactics of translation practice: a collective monograph]. Moscow: FLINTA, 73–89. (In Russ.)

Tereshchenko A.I., Giliyants A.B. (2020). *Perevod anglijskogo inicial'nogo obstoyatel'stva na russkij yazyk (na materiale sajtov INOSMI.RU i INONEWS.RU)* [Initial adverbial modifiers translation from English into Russian (based on INOSMI.RU and INONEWS.RU materials)]. In: *Yazyk i professional'naya kommunikaciya v cifrovom obshchestve: sbornik materialov nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Language and professional communication in digital society: collection of papers from research and practice conference]. Moscow: Bely veter, 133–142. (In Russ.)

Shestopalova A.M. (2023). *Opreделение tipa sub"ekta v kvazisub"ektnyh modelyah tipa kniga legko chitaetsja* [Defining the subject in quasi-subject

constructions such as *kniga legko chitaetsja*]. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 116–124. (In Russ.).

Shchitova O.G., Shchitov A.G. (2020) *Mezh'yazykovaya frazeologicheskaya ekvivalentnost' i lakunarnost': etnokul'turnyj aspekt* (na materiale russkogo i kitajskogo yazykov) [Interlingual phraseological equivalence and gaps: an ethnocultural aspect (based on the Russian and Chinese languages)]. In: *Tomsk State University Journal of Philology*, 65, 158–179. (In Russ.).

Suleimanova O.A., Guseinova I.A., Vodyanitskaya A.A. (2020). *The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science*. In: *Society. Integration. Education*, 4, 657–669.

Сведения об авторе

Шестопалова Анна Михайловна – Московский городской педагогический университет; Институт иностранных языков; кафедра языкознания и переводоведения; ассистент; научные интересы: когнитивная лингвистика, семантика, цифровые методики в лингвистических исследованиях.

Information about the author

Anna M. Shestopalova – Moscow City University; Institute of Foreign Languages; Department of Linguistics and Translation Studies; assistant; scientific interests: cognitive linguistics, semantics, digital tools in linguistic research.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

Научная статья
УДК 398.3, 82-292
DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.07

ТЕАТРАЛЬНО-ИГРОВОЙ ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРНОЙ ДРАМЫ: К ПРОБЛЕМЕ «НЕВЕРБАЛЬНОЙ» КОМПАРАТИВИСТИКИ

Светлана Павловна Сорокина

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва,
Россия, sorokinasp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6760-0922>

Аннотация. Статья посвящена малоизученной в фольклористической компаративистике проблеме – сопоставлению акциональной структуры обряда «Маланка», исполняемого в селе Клокушна Окницкого района Республики Молдова, и русской народной драмы «Царь Максимилиан». Основанием для сравнения служит тот факт, что данный вариант молдавской «Маланки» восходит к русской драме. Поскольку «Царь Максимилиан» на территории России уже давно вышел из активного бытования, а в Молдове «Маланка» остается живой и активно бытующей традицией, у исследователя появляется возможность сопоставить разрозненные, фрагментарные сведения, сохранившиеся по русской традиции, с цельной, подробной фиксацией, благодаря современным техническим средствам фото и видеofиксации, молдавской интерпретации «Царя Максимилиана». В статье систематизируются различные типы движений и жестов, которые используются исполнителями «Маланки». Отмечается наличие параллелей между акциональной партитурой «Маланки» села Клокушна и представлений «Царя Максимилиана» в России, которые описывали собиратели конца XIX – начала XX в., что показывает преемственность

фольклорных театральных традиций не только на вербальном, но и на акциональном уровне.

Ключевые слова: русский фольклорный театр, «Царь Максимилиан», молдавский обряд «Маланка».

Для цитирования: Сорокина С.П. Театрально-игровой язык фольклорной драмы: к проблеме «невербальной» компаративистики // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 106–121. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.07>

Original article

THE THEATRICAL AND PLAYFUL LANGUAGE OF FOLKLORE DRAMA: ON THE PROBLEM OF “NON-VERBAL” COMPARATIVE STUDIES

Svetlana P. Sorokina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, sorokinasp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6760-0922>

Abstract. The article is devoted to a little-studied problem in folklore comparative studies – the comparison of the action structure of the rite “Malanka” performed in the village of Klokushna in the Oknit district of the Republic of Moldova and the Russian folk drama “Tsar Maximilian”. The basis for comparison is the fact that this version of the Moldovan “Malanka” dates back to the Russian drama. Since “Tsar Maximilian” has long been out of active existence in Russia, and in Moldova “Malanka” remains a living and actively existing tradition, the researcher can compare the scattered, fragmentary information preserved according to the Russian tradition with a complete, detailed fixation, thanks to modern technical means of photo and video fixation, Moldovan interpretation “Tsar Maximilian”. The article systematizes the various types of movements and gestures that are used by the performers of “Malanka”. It is noted that there are parallels between the action score of “Malanka” by the village of Klokushna and the performances of “Tsar Maximilian” in Russia, which were described by collectors of the late XIX – early XX centuries, which shows the continuity of folklore theatrical traditions not only verbally, but also at the action level.

Keywords: Russian folklore theater, “Tsar Maximilian”, Moldavian rite “Malanka”.

For citation: Sorokina S.P. (2023). The theatrical and playful language of folklore drama: on the problem of “non-verbal” comparative studies. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil’ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 106–121 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.07>

© Сорокина С.П., 2023

Введение. Сравнительные исследования в фольклористике имеют давнюю и плодотворную традицию. Однако они всегда касались анализа вербальных текстов. Тем не менее очевидно, что в фольклоре часто невербальный текст не менее значим, чем собственно слово. Сегодня перед исследователями открылись отсутствовавшие ранее возможности изучения невербальных составляющих фольклора. В плане компаративистики это дает чрезвычайно интересный результат в том случае, когда у нас появляется возможность проецировать данные живой традиции на традицию, уже вышедшую из бытования. Так, исследование бытования народной драмы «Царь Максимилиан» в Окницком районе Молдавии позволило нам получить ценные сведения о театрально-игровой стороне фольклорной драмы. Разрозненные и фрагментарные сведения, извлеченные из различных описаний представлений пьесы, имевшиеся у нас относительно русской традиции, «сложились» в целостную картину, позволяющую ответить на вопрос о специфике театрально-игрового языка фольклорной драмы.

Значение комплексного изучения фольклора было осознано довольно давно [Гусев 1991: 8–10], однако полноценное развитие эти идеи получили в 1990-е гг., и в общетеоретическом плане [Гацак 1997; Гусев 1991; Толстая 1991], и в том практическом преломлении, которое стало возможным с ростом доступности видеокамер [Миненок 1998] и цифровых фотоаппаратов, позволяющих делать неограниченное количество кадров. Очевидно, что при обычном наблюдении глаз исследователя не в состоянии отследить многие вещи, происходящие в процессе исполнения. В частности, фиксируя обрядовое или игровое действие, собиратель не может обратить должное внимание на все те компоненты, которые составляют форму подобных сложных феноменов, а тем более на соотношение и взаимодействие друг с другом речевого, акционального, музыкально-звукового, предметно-изобразительного, пространственно-временного рядов. При этом надо учитывать, что каждый из этих компонентов, в свою очередь, также многосоставен. Даже наиболее хорошо изученный с позиций традиционной поэтики речевой уровень требует анализа также с точки зрения таких немаловажных паралингвистических [Крейдлин 2004: 26–42] элементов, как интонация, темп произнесения, тембр, характеристика

голоса (высокий, низкий, хриплый, измененный, обычный), значимым также является соотношение обязательных для произнесения фрагментов с импровизированными и «случайными». Многие нюансы структуры могут быть замечены и осмыслены лишь при многократных просмотрах, которые возможны только при фото- (позволяет рассмотреть детали) и видеофиксациях¹ (показывает характер и соотношение речевого, акционального и прочих уровней).

Для фольклорных, исполнительских в силу их устного бытования, явлений описание и анализ акционального ряда, понимание его структуры — задача не менее важная, чем фиксация и анализ текста вербального. Однако если приемы анализа последнего, его поэтика хорошо разработаны и имеют богатую научную традицию, то изучение движения и жеста как также своего рода поэтической системы со своими закономерностями и структурными особенностями пока еще только начинается². В области обрядово-театральных феноменов в этом плане пионерской была работа П.Г. Богатырева «Чешский кукольный и русский народный театр», вышедшая в Праге еще в 1940 г. (*Lidové divadlo české a slovenské*), а в СССР — в 1971 г. [Богатырев 1971: 112–166]. Отдельная, шестая, глава этого труда так и называлась — «Театральное движение» [Там же: 119–123]. После значительного промежутка времени появились исследования, рассматривающие в данном аспекте другие жанры фольклора, в основе этих работ лежали уже видеофиксации [Адлейба 1991; Адлейба 2000; Кляус 2015; Миненок, Сорокина 2018 и др.]. Настоящая статья — еще одна попытка использовать возможности фото- и видеосъемки для изучения акционального ряда фольклорного феномена.

Объект нашего анализа — зафиксированный в экспедициях 2019, 2020 гг. в с. Клокушна Окницкого района Молдавии обряд «Маланка», и прежде всего его драматическая часть. Обряд «Маланка» широко распространен на Украине и на севере Молдавии. Повсюду он выполняет общие функции: благопожелания и любовно-брачные [Курочкін 1995, 97–98; Харчишин 2014; Яцимирский 1914], хотя везде (даже в близлежащих селах) имеет значительно отличающиеся конфигурации. В нем участвуют молодые неженатые парни (преимущественно 17–20 лет). Они ходят по домам, где есть девушки на выданье, с пожеланиями благополучия хозяевам и разыгрывая для них какое-либо действие, таким образом как бы

¹ Естественно, говоря о видеофиксации, мы подразумеваем как ее часть и аудиофиксацию.

² Счастливым исключением является народный театр Петрушки, который был довольно подробно исследован именно с точки зрения акциональной специфики. Подчеркнем также, что в данном случае мы не учитываем исследования в области народного танца, которые являются особой самостоятельной областью фольклористики и искусствоведения.

заявляя о себе как о возможных женихах. Во многих случаях маланкари (так называют участников обряда) исполняют специальную обрядовую песню, главным действующим лицом которой является женский персонаж Маланка. Как известно, день святой Меланьи празднуется 31 декабря по новому стилю, 13-го — по старому; именно к этому дню и приурочен обряд. В с. Клокушна частью обрядового действия стало исполнение представления, восходящего к русской народной драме «Царь Максимилиан», которая, по-видимому, проникла в Молдавию еще в XIX в.¹ [Аксаков 1882: 221–222; Спатару 1974: 151]. Цель данной работы мы видим в том, чтобы выяснить, из каких элементов состоит акциональная партитура обряда-представления и охарактеризовать ее, отчасти соотнеся с вербальным и другими рядами.

При анализе вербального текста обычными шагами является выделение таких компонентов, как сюжет, композиция, средства речевой выразительности (стилевые средства) и т. д. Таким образом описывается художественная структура произведения. Наблюдения над видеофиксациями обряда «Маланка» показывают, что акциональный ряд в фольклоре, во всяком случае в сложных обрядово-театральных комплексах, также обладает определенной структурой.

Первоначально, естественно, все движения и жесты, совершаемые исполнителями, следует разделить на обязательные и «случайные», спонтанные, бытовые². Первые могут быть обусловлены магическим назначением обряда или, что является преобладающим в рассматриваемом случае, драматической, игровой задачей. Обязательные движения и жесты структурно организованы, случайные — нет. Например, если исполнитель во время обряда или представления что-то уронил, то он поднимет эту вещь, но данное движение никак партитурой действия не предусмотрено и в следующем исполнении присутствовать ни в каком виде не будет³. Обязательные движения и действия повторяются из раза в раз, закреплены традицией, при этом для них характерна определенная вариативность, связанная с импровизационным характером фольклорного творчества. Интересно, однако, что иногда (конечно, достаточно редко) и спонтанные движения и жесты приобретают неосознанно традиционный характер. За примером обратимся к «Маланке» села Липник (расположено примерно в 20 км от Клокушны), поскольку там нам довелось наблюдать

¹ Молдавия (Бессарабия) входила в состав Российской империи с 1812 по 1918 г.

² Последние обладают определенной стереотипностью, т. е. в определенной мере они тоже обязательны, однако эта «обязательность» другого свойства. Изучению обыденного невербального поведения человека посвящена книга [Крейдлиן 2004].

³ Хотя нельзя исключить возможности при определенном стечении обстоятельств превращения случайного движения или жеста в обязательные.

яркий пример подобного жеста. Лица части участников обряда (они именуются *дедами*) закрыты масками из четырехугольных кусков шкур, прикрепленных к большим шляпам, украшенным цветами. В руках у дедов всегда две колотушки в виде деревянных молотков. Поскольку под маской всё время находится тяжело, исполнители периодически поднимают ее при помощи колотушки и ею же некоторое время поддерживают свою маску. Причем это движение характерно для всех исполнителей, в том числе его повторяют и мальчишки 12–13 лет, только пробующие ходить с «Маланкой». У дедов Клокушна колотушек в руках нет, соответственно, отсутствует и такой характерный, однотипный жест.

Предметом нашего анализа будут обязательные игровые движения и жесты, которые составляют акциональный ряд драматической части обряда, поскольку именно они обладают, как уже отмечалось, устойчивой структурой.

П.Г. Богатырев предложил различать игровые движения и жесты, характеризующие персонаж и выявляющие драматическое действие [Богатырев 1971: 119]. Охарактеризовать персонаж и его эмоции, по мнению ученого, можно двумя способами: максимально точно скопировать реальное поведение соответствующих «лиц при различных психических их состояниях» [Там же] или усилить, шаржировать подмеченные в жизни движения и жесты [Там же]. С точки зрения Богатырева, в народном театре используются оба принципа, хотя второй часто превалирует над первым [Там же: 120]. В целом наблюдение ученого применимо и к игре исполнителей ролей в «Маланке» села Клокушна. Однако требует некоторых уточнений. Все участники обряда делятся на персонажи в масках (как уже упоминалось, их называют *дедами*; при этом среди них есть и переодетый женщиной мужчина) и без масок — парни в условно-военных костюмах и один юноша, исполняющий женскую роль — принцессы. Если говорить об игровом поведении последней группы, то его нельзя назвать ни гиперболизированным, ни шаржированным. Молодые люди скорее не слишком стараются передать военную выправку, а парень, играющий принцессу, не усердствует в имитации женских манер. Образ девушки создается преимущественно при помощи костюма. Что же касается группы дедов, то их поведение действительно отличается подчеркнутой экспрессивностью. Дед подползает на корточках к царю, делает много мелких, бессмысленных движений — кривляется. Однако такое поведение, конечно, не является шаржированием какого-либо социального или возрастного типа (например, реального деда). Задача исполнителя — изобразить «чудное» существо, не совсем человека. Такое поведение характерно для создания комических образов во многих традициях и связано с демонстрацией антиповедения. Отметим также, что участники обряда-представления явно не стремятся ни к реалистической, ни к гиперболизированной передаче

эмоций своих персонажей: царь, гневаясь, не топает ногами¹, бесстрашна мимика (мимические жесты) исполнителей, даже в сценах казни на лицах погибающих героев нет ни тени страдания.

Тем не менее скупой игровая партитура обряда-представления отнюдь не является. Рассмотрим, какого же рода акциональный ряд используется в нем. В значительной мере, на наш взгляд, часть игрового поведения исполнителей «Маланки» связана не с характеристикой персонажа или его эмоциональным состоянием, а с произносимыми им словами и действиями, которые этими словами описываются. По соотношению со словом и описываемым им действием игровые акциональные компоненты можно разделить на две группы.

Во-первых, это имитирующие движения и жесты, т. е. «понарошку» повторяющие реальные, такие, какие человек естественно осуществил бы в подобной ситуации, случись она в действительности, они были бы обязательны для выполнения определенной задачи. Например, одна из групп «Маланки» (а в Клокушне обычно параллельно ходят по селу 2–3 группы) следующим образом изображает убийство принцессы, а затем сына царя: участник представления, исполняющий роль судьи, слегка укалывает острием сабли героев в грудь, т. е. имитирует соответствующее реальному действие. В другой группе судья не колет героя в грудь, а просовывает саблю ему под мышку. Таким образом, жест приобретает символический смысл, однако разгадать его не сложно: в таком значении он используется как комический прием в самых разных, в том числе авторских, художественных формах (например, клоунадах), откуда скорее всего и пришел в клокушенскую «Маланку». К имитирующим движениям следует отнести и подход одного персонажа к другому на время диалога — разговаривающие люди и в реальности обычно находятся рядом. Все эти акциональные знаки легко понять и без слов, хотя в представлении они самым непосредственным образом коррелируют с произносимыми репликами. Так, судья делает колющее движение саблей в грудь принцессы

¹ В некоторых вариантах русского «Царя Максимилиана» именно так описывается изображение гнева царя. Например, в варианте, записанном в Оренбургской губернии, находим ремарку: «В испуге топая ногой, кричит» [Сорокина 2019: 265]. Гипертрофированное изображение «сильных» эмоций иронически описывает Н.С. Курочкин, видевший представление драмы в солдатской среде: «<...> царь снова зовет к себе скорохода-фельдмаршала, узнает от него об истреблении своего войска и приходит в ярость. Соскочив с трона и обнажив свою саблю, он стал метаться из стороны в сторону и выкрикивать свое негодование. Как, мол, я такой-то могучий царь Максимилиан, да не могу будто бы одолеть какую-то волшебницу! Да я, знаете ли, что! Да я ведь вот как!.. И пошел, и пошел, знаете ли, пороть дичь... Нужно, впрочем, заметить, что он горячился совершенно прилично и правдоподобно. Я решительно не могу себе представить, как бы иначе, лучше еще, можно было бесноваться» [Курочкин 1863: 84].

на словах: «Прекрасная принцесса, стой смирно, не шелохнись, потому что ты мной арестована и этой саблей порезана»¹.

Важно отметить, что имитирующие движения и жесты очень часто в обряде-представлении используются весьма своеобразно. Они полностью дублируют слова. Они иллюстрируют именно их, хотя формально и соотносимы с теми реальными действиями, которые словами описываются. В обычных условиях, не в рамках художественной формы, действия осуществлялись бы иным образом, кроме того, либо действия, либо слова в данных обстоятельствах были бы избыточны. Например, после казни принцессы хор исполняет песню «Умерла наша надежда». На словах «руки на груди» принцесса складывает руки на груди², а на словах «в церкви зазвонили колокола» все участники пред-

Илл. 1. Фото С.П. Сорокиной из личного архива. 2020 г.

Илл. 2. Фото С.П. Сорокиной из личного архива. 2019 г.

ставления звенят имеющимися у них в руках колокольчиками. В одной из «Маланок» на словах сына (во время казни): «А теперь они все направили сабли на меня» все участники представления направляют сабли на сына (Илл. 2). А вот как соотносится вербальный и акциональный ряды в сцене казни, исполненной другими маланкарями:

¹ Расшифровку текста с видеозаписи и перевод на русский язык осуществил С.С. Чекина. Видеозапись хранится в личном архиве С.П. Сорокиной.

² Данный жест можно было бы расценить как символическое обозначение смерти, если бы он не был так тесно прикреплен к произносимым словам песни.

Судья. <...> Верховный господин, стой смирно. Смирно и не двигайся, потому что мною арестован, потому что не выполнил приказы и ослушался твоего отца. А если их бросил себе под ноги, как враг, знай: я руками саблю из ножен вынимаю (*при произнесении этих слов вынимает саблю из ножен*), тебе в грудь направляю (*при произнесении этих слов направляет саблю к груди сына*) и тебя пронзаю, один раз пронзаю и жизнь твою отнимаю! (*При произнесении этих слов касается саблей груди сына*). А все войска сабли вверх поднимут (*при произнесении этих слов все, у кого есть сабли, кроме сына, вынимают сабли из ножен и поднимают их клинком вверх*), а ты на меня посмотришь и всем прокричишь: с добром оставайтесь!¹

Следующая группа — это условно-символические движения и жесты, являющиеся лишь знаком чего-либо, но не имитирующие реальность. Понять их значение, не слыша слов или не будучи носителем данной тра-

Илл. 3. Фото С.П. Сорокиной из личного архива. 2020 г.

диции, не всегда легко. Приведем примеры. В знак смерти принцессы два участника представления, стоящие рядом с ней, опускают ей на лицо фату. Из всех персонажей представления только царь держит постоянно саблю наголо клинком вверх. Таким образом, показывается, что он — главный. Принцесса и сын царя перед сценой их смерти ходят по кругу внутри полукольца, которое образуют на время представления участники обряда. Возможно, это движение следует расценить как знак трагической эмоции. Все участники, имеющие сабли, перед произнесением своих реплик вынимают их из ножен, что становится знаком вступления персонажа в игру, а в начале реплик ударяют своей саблей по сабле партнера, обозначая начало диалога. Конец диалога маркируется вложением сабли в ножны. Обозначая лечение, доктор похлопывает деда саблями по «больным» местам.

¹ Традиционная форма прощания в молдавском/румынском языке, равна русскому *прощай*.

Итак, игровое поведение участников «Маланки» в значительной мере тесно связано с вербальной составляющей. Однако не всегда. Вернемся к мысли П.Г. Богатырева о наличии в народном театре пласта движений и жестов, выявляющих драматическое действие. По мнению ученого, этот акциональный ряд вообще не ставит своей целью изображение характера действующих лиц, а, например, вытекает из необходимости ритмической организации представления [Богатырев 1971: 120–124]. По нашим наблюдениям, подобных движений и жестов в организации акциональной партитуры «Маланки» достаточно много. Эти движения и жесты можно назвать

асемантическими и орнаментальными¹, поскольку, с одной стороны, они не несут определенного смысла², не связаны со словами или сюжетом, но с другой — делают самое действие более интересным, кинетически насыщенным. Обычно, характеризую подобное использование акционального ряда в спектакле, говорят о его театральности (подробнее об этом см.: [Сорокина 2013: 41–43]). Например, ранее мы упоминали об ударах клинка о клинок как о знаке начала диалога. Однако в самом процессе обмена репликами «актеры» по несколько раз повторяют эти удары, периодически добавляя к одиночным двойные. Таким образом задается и подчер-

Илл. 4. Фото С.П. Сорокиной из личного архива. 2020 г.

¹ Сама пространственная организация представления, при которой участники стоят полукругом, в значительной мере орнаментальна: она ничего не имитирует, не символизирует, не характерна для обычного поведения людей. Однако такое расположение исполнителей имеет и прагматическую обусловленность: хозяева дома обычно стоят у разрыва полукольца, так им удобно смотреть представление.

² Подобного рода многие движения в танцах, хотя асемантические, на первый взгляд, танцевальные движения иногда могут оказаться, например, имитирующими [Кляус, Махова 2018: 391].

кивается ритмический рисунок представления, вносятся дополнительные звуковые акценты. К такого рода движениям следует отнести также внимание исполнителями во время пения сабель из ножен и направление их клинками вверх. Орнаментально оформлены сцены смерти принцессы и царевича: герой выходит в центр круга, к нему подходят двое участников представления (министры) и берут его под руки. Исполняется песня, после которой все становятся на свои места в круге. Танец дедов после лечения хотя и инициируется репликой доктора, тем не менее также призван скорее «украсить» и разнообразить акциональный ряд, внести в него новый эмоциональный акцент, тем более что врачует лекарь только одного деда, а пляшут все персонажи в масках.

Илл. 5. Фото С.П. Сорокиной из личного архива. 2020 г.

Акциональная партитура «Маланки» села Клокушна во многих своих компонентах имеет параллели в представлениях «Царя Максимилиана», которые описывали собиратели конца XIX – XX в. Эти сведения обобщены нами в монографии [Сорокина 2013: 191–205]. Наличие таких параллелей чрезвычайно важно, так как показывает преемственность фольклорных театральных традиций не только на вербальном, но и на акциональном уровне. Однако в записях конца XIX – начала XX в. информация об игровой стороне представлений дается крайне непоследовательно. Ее по крупицам приходилось извлекать из разных вариантов пьесы. Тогда как благодаря видеофиксации мы получили возможность увидеть, как разные акциональные компоненты сливаются в единство.

Что же представляет собой акциональная партитура клокушенской «Маланки» как целое? Вся организация акционального ряда в обряде-представлении направлена на то, чтобы противопоставить игровое по-

ведение естественному, бытовому. Этой цели служат условно-символические, асемантические, орнаментальные движения и жесты, а также особым образом используемые имитирующие кинемы. В общем плане в создании образа небытового поведения исполнители ориентируются на армейский артикул. Большое значение в организации представления имеют синхронные и повторяющиеся движения, создающие четкий ритм действия. Одним из главных способов противопоставления естественного поведения игровому в рассматриваемой традиции является также практически полное отсутствие движений и жестов без слов, так же как слов без движений и жестов. Совокупность всех этих компонентов составляет акциональную поэтику клокушенской «Маланки». Подчеркнем еще раз, что все они, хотя и разбросанные по разным вариантам, встречаются и в восточнославянских текстах. Учитывая данный факт, можно сказать, что эти акциональные элементы определяют в целом тот характер фольклорного обрядово-театрального действия, который мы привыкли обозначать понятием «условность», подчас не задумываясь о том, что в него вкладываем. Сам по себе такой характер обрядово-игровых движений и жестов, при котором почти исключаются естественное поведение, психологически мотивированные движения и жесты, по-видимому, является кодом, необходимым признаком обрядово-театральной ситуации в народной традиции.

Безусловно, представления с таким высоким уровнем структурированности акционального ряда – в настоящее время редкость, это явления, где, метафорически выражаясь, театра больше, чем обряда. Сегодня подобные аутентичные формы почти не сохранились. Однако интерес их исследования не только сугубо исторический. В заключение наметим по крайней мере две возможности применения полученных данных. Они дают возможность выяснить, во-первых, какие акциональные формы сохраняются и в обряде менее театрализованной структуры, где тем не менее также присутствует стереотипия игрового поведения [Виноградова 2001]. Во-вторых, в какой степени традиционные формы игрового поведения проникают в современные вторичные фольклорные обрядово-театральные практики.

Источники

Аксаков И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1. Т. 3. Письма 1851–1860 годов. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1892. С. 221–222.

Куручкин Н.С. Царь Максимилиан // Искра. 1863. № 6. С. 83–85.

Полевые материалы автора статьи.

Сорокина С.П. Народная драма «Царь Максимилиан». Тексты. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 672 с.

Литература

Адлейба Дж. Я. Устные стилевые основы сказки (Опыт экспериментального исследования на абхазском материале). Сухуми: Алашара, 1991. 339 с.

Адлейба Дж. Я. Поэтико-композиционная и стилевая система сказки в комплексном освещении: Экспериментальное исследование на абхазском материале. М.: МАКС Пресс, 2000. 435 с.

Богатырев П.Г. Народный театр чехов и словаков // Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 112–166.

Гацак В.М. Текстологическое постижение многомерности фольклора // Современная текстология: теория и практика. М.: Наследие, 1997. С. 103–112.

Гусев В.Е. Комплексное изучение фольклора // Фольклор в современном мире. Аспекты и пути исследования. М.: Наука, 1991. С. 7–13.

Виноградова Л.Н. Стереотипы игрового поведения в рамках обряда // Традиционная культура. 2001. № 1. С. 43–47.

Кляус В.Л. Русская и китайская сказки в экспериментальной видеофиксации // Кляус В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 295–362.

Кляус В.Л., Махова Л.П. Танцевальная культура Приаргунья (пляски под наигрыши «Подгорная» и «Сербиянка») // Фольклор. Традиция и эксперимент. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 345–410.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение. Научное приложение. 2004. Вып. XXXIX. 581 с.

Курочкин О. Українські новорічні обряди: «Коза» і «Маланка» (з історії народних масок). Опішне: [б. и.], 1995. 375 с.

Миненок Е.В., Сорокина С.П. Экспериментальное исследование белорусского обряда-представления «Колядные Цари» // Фольклор. Традиция и эксперимент. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 472–510.

Миненок С.А. Видеофиксация фольклора (Некоторые особенности и примеры) // Фольклор. Комплексная текстология. М.: Наследие, 1998. С. 178–191.

Сорокина С.П. Народная драма «Царь Максимилиан» у восточных славян (театрально-драматургическая специфика). М.: ИМЛИ РАН, 2013. 352 с.

Спатару Г.И. «Царь Максимилиан» в Молдавии // Народный театр. Л.: [б. и.], 1974. С. 146–152.

Толстая С.М. К проблеме комплексного изучения фольклора // Фольклор: Песенное наследие. М.: Наука, 1991. С. 31–33.

Харчишин О. Маланкові пісні українців півночі молдови: поетичний аспект (переосмислення мотивів) // Народознавчі зошити. 2014. № 3. С. 520–527.

Яцимирский Б.М. «Маланка» как вид святочного обрядового ряженья // Этнографическое обозрение. 1914. № 1–2. С. 46–77.

References

Istochniki

Aksakov I.S. (1892). *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'max* [Ivan Sergeevich Aksakov in his letters]. Ch. 1. Vol. 3. *Pis'ma 1851–1860 godov*. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova. Pp. 221–222. (In Russ.).

Kurochkin N.S. (1863). *Czar' Maksimilian* [Tsar Maximilian]. In: *Iskra*. № 6. Pp. 83–85. (In Russ.).

Polevy'e materialy' avtora stat'i [Field materials of the author of the article].

Sorokina S.P. (2019). *Narodnaya drama "Czar' Maksimilian". Teksty'* [Folk drama "Tsar Maximilian"]. Moscow: IMLI RAN. 672 p. (In Russ.).

Literatura

Adlejba Dzh.Ya. (1991). *Ustny'e stilevy'e osnovy' skazki (Opy't e'kperimental'nogo issledovaniya na abkhazskom materiale)* [Oral style bases of a fairy tale (experience of experimental research on Abkhazian material)]. Suxumi: Alashara. 339 p. (In Russ.).

Adlejba Dzh.Ya. (2000). *Poe'tiko-kompozitsionnaya i stilevaya sistema skazki v kompleksnom osveshhenii: E'kspierimental'noe issledovanie na abkhazskom materiale* [Poetic-compositional and style system of fairy tales in complex review: experimental research on Abkhazian material]. Moscow: MAKS Press. 435 p. (In Russ.).

Bogaty' rev P.G. (1971). *Narodny'j teatr chexov i slovakov* [The National Theatre of the Czechs and Slovaks]. In: *Voprosy' teorii narodnogo iskusstva*. Moscow: Iskusstvo. Pp. 112–166. (In Russ.).

Gaczak V.M. (1997). *Tekstologicheskoe postizhenie mnogomernosti fol'klora* [Textological comprehension of multi-dimensional folklore]. In: *Sovremennaya tekstologiya: teoriya i praktika*. Moscow: Nasledie. Pp. 103–112. (In Russ.).

Gusev V.E. (1991). *Kompleksnoe izuchenie fol'klora. In: Fol'klor v sovremennom mire. Aspekty' i puti issledovaniya* [Comprehensive study of folklore]. Moscow: Nauka. Pp. 7–13. (In Russ.).

Vinogradova L.N. (2001). *Stereotypy' igrovogo povedeniya v ramkax obryada* [Stereotypes of gambling behavior within the rite]. In: *Tradicionnaya kul'tura*. № 1. Pp. 43–47. (In Russ.).

Klyaus V.L. (2015). *Russkaya i kitajskaya skazki v e'kspierimental'noj videofiksacii* [Russian and Chinese fairy tales in experimental video recording]. In: Klyaus V.L. *"Russkoe Trexrech'e" Man'chzhurii. Oчерki fol'klora i tradicionnoj kul'tury'*. Moscow: IMLI RAN. Pp. 295–362. (In Russ.).

Klyaus V.L., Maxova L.P. (2018). *Tanceval'naya kul'tura Priargun'ya (plyaski pod naigry'shi "Podgornaya" i "Serbiyanka")* [Dance culture of Priargunye (dances under the game "Podgornaya" and "Serbiyanka")]. In: *Fol'klor. Tradiciya i e'ksperiment*. Moscow: IMLI RAN. Pp. 345–410. (In Russ.).

Krejdlin G.E. (2004). *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyj yazyk* [Nonverbal semiotics: body language and natural language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Nauchnoe prilozhenie. Vy'p. XXXIX. 581 p. (In Russ.).

Kurochkin O. (1995). *Ukrains'ki novorichni obryadi: "Koza" i "Malanka" (z istorii narodnix masok)* [Ukrainian New Year's rites: "goat" and "Malanka" (from the history of folk masks)]. Opishne: b. i. 375 s. (In Ukr.).

Minenok E.V., Sorokina S.P. (2018). *E'ksperimental'noe issledovanie belorusskogo obryada-predstavleniya "Kolyadny'e Czari"* [Experimental study of the Belarusian Rite-representation "Christmas carols"]. In: *Fol'klor. Tradiciya i e'ksperiment*. Moscow: IMLI RAN. Pp. 472–510. (In Russ.).

Minenok S.A. (1998). *Videofiksaciya fol'klora (Nekotory'e osobennosti i primery)* [Video recording of folklore (some features and examples)]. In: *Fol'klor. Kompleksnaya tekstologiya*. Moscow: Nasledie. Pp. 178–191. (In Russ.).

Sorokina S.P. (2013). *Narodnaya drama "Czar' Maksimilian" u vostochny'h slavyan (teatral'no-dramaturgicheskaya specifik)* [Folk drama "Tsar Maximilian" among the eastern Slavs (theatrical and dramatic specifics)]. Moscow: IMLI RAN. 352 p. (In Russ.).

Spataru G.I. (1974). *"Czar' Maksimilian" v Moldavii* ["Tsar Maximilian" in Moldova]. In: *Narodnyj teatr*. L.: b. i. Pp. 146–152. (In Russ.).

Tolstaya S.M. (1991). *K probleme kompleksnogo izucheniya fol'klora* [To the problem of complex study of folklore]. In: *Fol'klor: Pesennoe nasledie*. Moscow: Nauka. Pp. 31–33. (In Russ.).

Xarchishin O. (2014). *Malankovi pisni ukraincziv pivnochi moldovi: poetichnij aspekt (pereosmislennya motiviv)* [Malankovi songs of Ukrainians of the north of Moldova: poetic aspect (reinterpretation of motifs)]. In: *Narodoznavchi zoshiti*. 2014. № 3. Pp. 520–527. (In Russ.).

Yacimirskij B.M. (1914). *"Malanka" kak vid svyatochnogo obryadovogo ryazhen'ya* ["Malanka" as a kind of yuletide ritual Mummings]. In: *E'tnograficheskoe obozrenie*. № 1–2. Pp. 46–77. (In Russ.).

Сведения об авторе

Сорокина Светлана Павловна – доктор филологических наук; Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Москва, Россия; старший научный сотрудник; научные интересы: фольклорный театр, взаимодействия фольклора и профессионального искусства, история фольклористики.

Information about the author

Svetlana P. Sorokina – Doctor of Philology; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (IWL RAS), Moscow, Russian Federation; senior research fellow; scientific interests: Folklore theater, the interaction of folklore and professional art, the history of folklore studies.

Научная статья

УДК 393.05; 82-193.6

DOI 10.25688/2619-0656.2023.11.08

СТИХОТВОРЕНИЕ «ПОМИНКИ» С.А. ЕСЕНИНА И РУССКАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Елена Александровна Самоделова

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, helsa@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Аннотация. Во введении рассмотрена встроенность стихотворения «Поминки» в поэтическую систему Есенина. Актуальность исследуемой проблемы заключается в историко-культурном и текстологическом комментарии, в обосновании и уточнении условной датировки; произведение уже было прокомментировано в академическом «Полном собрании сочинений» Есенина, но здесь даны дополнительные аргументы и контекстуальные сведения. Материал исследования распадается на основной и контрольный: к первому относится содержание «Поминок», ко второму — экспедиционные записи автора и публикации исследователей по погребально-поминальному циклу русской народной обрядности, включая фотографии. Предлагается коррекция методов предшественников: при анализе произведения необходимо отталкиваться от его содержания, а не от даты, тем более неавторской, условной. Основная часть: тема погребения и похорон является типичной для Есенина, сквозной для его творчества, как художественного, так и эпистолярного, начиная с 1912 года. Похоронно-поминальная тематика характерна для сочинений самых разных жанров писателя: писем, рассказа, повести, стихотворений, «маленьких поэм», поэм и др. Склонность Есенина к разнообразным художественным трактовкам темы смерти обусловлена рядом факторов: его родовой принадлежностью к православным русским с верой в загробную жизнь, трагичностью эпохи с ее войнами и революциями, жизненными обстоятельствами и личностными особенностями, а также вниманием творческой интеллигенции Серебряного века к мифам о загробном царстве и к народным представлениям о «том свете». «Поминки» написаны на основе локальной народной традиции Рязанской губ., интересны художественными решениями и константами: «мертвые жилища», «отпетые могилы», причитающие родственники, нищие-побирушки, а также образами-сим-

волами — ивы-сироты и др. Выводы касаются возможности двойного прочтения «Поминок» — как стихотворения на вечную тему круговорота жизни и смерти, представления о вечности, так и показа трагических событий Первой мировой войны.

Ключевые слова: «Поминки» Сергея Есенина, фольклоризм писателя, народный похоронный обряд, «родительские субботы», образ причитальщицы.

Для цитирования: Самоделова Е.А. Стихотворение «Поминки» С.А. Есенина и русская погребальная культура // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 122–142. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.08>.

Original article

POEM “WAKE” BY SERGEI YESENIN AND RUSSIAN FUNERAL CULTURE

Elena A. Samodelova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, helsa@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Abstract. The Introduction examines the integration of the poem “Wake” into Yesenin’s poetic system. The relevance of the problem under study lies in the historical, cultural, and textual commentary, in the justification and clarification of the conventional dating; the work has already been commented on in the academic “Complete Works” of Yesenin, but additional arguments and contextual information are given here. The research material is divided into main and control: the first includes the content of “The Wake”, the second includes the author’s expedition records and publications of researchers on the funeral and memorial cycle of Russian folk rituals, including photographs. The research methods and materials used by predecessor researchers are considered, their correction is proposed. When analyzing a work, it is necessary to start from its content, and not from the date, especially a non-author, conventional one. In the main part show, that the theme of burial and funeral is typical for Yesenin, cross-cutting in his work, both artistic and epistolary, starting from 1912. Funeral and memorial themes are typical for the works of a wide variety of genres of the writer: letters, short stories, stories, poems, “small poems” and poems, etc. Yesenin’s penchant for numerous and varied artistic interpretations of the theme of death is due to several factors. His family affiliation with Orthodox Russians

with belief in an afterlife, the tragedy of the era with its wars and revolutions, life circumstances and personal characteristics, as well as the attention of the creative intelligentsia of the Silver Age to myths about the afterlife and to popular ideas about the “other world”.

Keywords: “Wake” by Sergei Yesenin, folklorism of the writer, folk funeral rite, “parental Saturdays”, image of the lamenter.

For citation: Samodelova E.A. (2024). Poem “Wake” by Sergei Yesenin and Russian funeral culture. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil’ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 122–142 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.08>

© Самоделова Е.А., 2023

Введение. В творчестве С.А. Есенина имеются «Поминки» (<1915>)¹ [Есенин 1996: IV, 118] – стихотворение с «говорящим заглавием», этнографически достоверно воссоздающее народный поминальный обряд в его локальной разновидности, совершаемый на кладбище; возможно, подразумевается и погребальный ритуал, но отчетливых признаков его проведения нет. Содержание произведения и его поэтическая стилистика допускают разные толкования изображенной ситуации.

Поминальная традиция с образом кладбища широко представлена в русской литературе: «Сельское кладбище» (1802, 1839) В.А. Жуковского, «Два чувства дивно близки нам...» (1830) и «Стою печален на кладбище...» (1834) А.С. Пушкина, «Севастопольское братское кладбище» (1887) А.А. Фета и др. Есенин изучал эти и подобные стихотворения в школьные и университетские годы. Безусловно, похожий культурный код имеется и в зарубежной поэзии, поскольку тема погребения и поминовения носит онтологический статус.

Для Есенина погребально-поминальная традиция тоже характерна с раннего периода. Она многоаспектна и представлена в сочинениях разных жанров, преимущественно поэтических; исключение – «Бобыль и Дружок (Рассказ, посвященный сестре Катюше)» (<1914–1915>, по нашим данным), завершающийся двумя смертями – человека и собаки и, соответственно, описаниями погребения и последующего трагического события на кладбище. Погребально-поминальный культурный код произведений Есенина начинается с описания похорон, проходит через поэтические некрологи и возвышается до сложных метафор о бренности человеческой жизни и погребении: «Что прошло – не вернуть...» (1911–1912), «К покойнику» (1911–1912), «Вьюга на 26 апр<еля> 1912 г.» (1912), «Пребыва-

¹ Угловые скобки здесь и далее показывают условность датировки произведения.

ние в школе» (<1911–1912>), «На память об усопшем у могилы» (<1912–1913>), «Исповедь самоубийцы» (<1913–1915>), «О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...» (<1915>), «Занеслися залетною пташкой...» (<1915>), «Закружилась пряха снежистого льна...» (<1916>), «На память Мише Мурашеву» (15 марта 1916), «Небо сметаной обмазано...» (9 июля 1916), «Пушистый звон и руга...» (<1916–1917>), «Свищет ветер под крутым забором...» (<1917>), «Памяти Брюсова» (<1924>), «Снежная равнина, белая луна...» (4/5 октября 1925) и др. Длинный перечень произведений Есенина с похоронно-поминальными мотивами свидетельствует о значимости этой тематики для поэта.

Показательно, что, однажды опубликовав стихотворения на погребально-поминальную тему или даже ни разу не напечатав их, Есенин в 1925 году не возвращается к большинству из них при подготовке «Собрания стихотворений» (т. 1 опубл. в 1926 г.). Часть перечисленных произведений, в том числе «Поминки», опубликована в посмертном 4-м томе «Стихи и проза» [Есенин 1927: IV].

Цель данной статьи – представить историко-культурный и текстологический комментарий (особенно в части условной датировки) к стихотворению «Поминки» Есенина. Краткий «реальный» комментарий дан в академическом «Полном собрании сочинений: В 7 т. (9 кн.)» С.А. Есенина [Кошечкин, Юсов 1996: 380–381]. Новое филологическое прочтение «Поминок» осуществлено в статье Л. Рынгач (2013) и в монографии «Сергей Есенин: Истоки творчества» (2014) М.В. Скороходова [Рынгач 2013: 49; Скороходов 2014: 324–325], но исследовательская методология вызывает вопрос. Построение филологического анализа в зависимости от предполагаемой даты написания произведения сейчас входит в научную практику, но мы не считаем это правильным и допускаем его использование только в качестве и вспомогательного метода. Авторы такой методики отталкиваются от условной даты, которая не принадлежит автору и не подкреплена содержанием самого стихотворения, а в итоге оно проанализировано исходя из заданных хронологией конкретно-исторических реалий.

На наш взгляд, первичен художественный текст, а дата, даже если бы она была поставлена автором в конце текста и образовывала с ним смысловое единство (не всегда достоверное), всё равно остается вторичной, относится к дополнительным структурным элементам. Другое дело, когда дата органично входит в произведение, открывая его или появляясь в центре композиции и т. п., что свойственно некоторым жанровым формам – например, письму, дневнику, журналу путешественника и т. п. Дата, обозначенная филологами (как в данном случае), впоследствии может быть уточнена, существенно сдвинута, изменена в какую-либо сторону или, наоборот, подтверждена новыми данными, но текст, сохранившийся в рукописи (не в этой ситуации) и тем более опубликованный автором,

остается неизменным, но и он может иметь авторские варианты и редакции. Специальных работ, посвященных «Поминкам» Есенина, нет; восполнить пробел нацелена данная статья.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования служат само изучаемое сочинение, массив художественных и документальных произведений Есенина (как творческий контекст), имеющиеся воспоминания о поэте и отклики прижизненной критики (как контекст эпохи). Часть таких данных в хорошо структурированном виде представлена в «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. (7 кн.)» [Летопись 2003–2018]. Методом исследования выступает аналитическое изучение исторического и этнографического контекста, обнаруживаемого в публикациях обозреваемого периода начала XX столетия и вплоть до современности, а также научная рефлексия автора в связи с личными наблюдениями над похоронно-поминальной обрядностью в фольклорно-этнографических экспедициях по Рязанской обл., начиная с 1982 года (в том числе и во время многократного пребывания на «малой родине» поэта – в с. Константиново Рыбновского р-на и в окрестных селениях). Во время полевой работы применялись элементы разных методик: интервью со старожилami и прочим населением о погребально-поминальной практике, посещение кладбищ и разговоры там с местными жителями на соответствующие темы в будни, важные церковные праздники и специальные «родительские дни», присутствие в церквях при отпевании усопших, беседы со священниками, фотографирование общих кладбищенских видов и конкретных элементов с ярко выраженным обрядовым и этническим наполнением. Практиковались общие и тематические опросы и метод «включенного наблюдения», рассматривались фотографии на ритуальную тему, демонстрируемые старожилami¹. Важно подчеркнуть, что экспедиции проводились для сбора фольклора и фиксации этнографического материала, а не прицельно для изучения деятельности и творчества Есенина. Даже в с. Константиново фигура поэта была важна в той же степени, что и биографии других местных жителей, рассматриваемых в качестве «носителей народной культуры» в ее региональном варианте. Однако в результате накопленные десятилетиями экспедиционные материалы и личный опыт исследователя позволили приступить к исследованию «Поминок» Есенина (как и других его сочинений и жизненных обстоятельств). Привлекаются

¹ В с. Константиново сотрудники Государственного музея-заповедника С.А. Есенина оказывали содействие в оцифровке фотографий с погребальной тематикой, которые любезно предоставляли для ознакомления местные жители. В других селах и деревнях с появлением цифровых фотоаппаратов велась пересъемка старых фотографий; в районных центрах практиковалась их оцифровка в фотостудиях (до приобретения экспедиционного прибора в 2006 г. на средства специальной научной программы РАН).

полевые данные и современных этнографов, опубликовавших подобные экспедиционные сведения. В связи с узкоспециальной церковной лексикой, использующейся на богослужениях и при описании быта служителей церкви, которая проникла в художественную ткань стихотворения, возникла необходимость наведения справок в энциклопедиях и словарях: одни из них мог читать Есенин, а другие в более позднее время уточняли прежние сведения.

Основная часть

Вопрос о датировке «Поминок». Тема похорон звучит в письме Есенина к подруге юности М.П. Бальзамовой во второй декаде июля 1912 г. из с. Константиново, с цитатой из песни: «И так становится больно-больно, что даже можно рискнуть на существование на земли и так презрительно сказать – самому себе: зачем тебе жить, ненужный, слабый и слепой червяк? Что твоя жизнь? “Умрешь – похоронят, сгниешь и не встанешь” (так пели вечером после нашей беседы <...>)» [Есенин 1996: VI, 10–11, № 4]. Из воспоминаний современников известно, что Есенин с детства любил ходить на похороны – до того, как увидел синего раздувшегося утопленника, и тогда сказал, что покойники определенно нехороши.

Как считают некоторые исследователи, для уяснения смысловых нюансов «Поминок» в определенной мере важна его датировка, которую мы устанавливаем по времени подготовки к изданию в составе сб. «Радуница» (1916): 1915 год, до 23 октября – по рекомендательному письму С.М. Городецкого 23 октября 1915 г. А.В. Руманову, представителю в Петрограде газеты «Русское слово» московского издателя И.Д. Сытина – «Не издашь ли его первую книгу “Радуница” у Сытина?» [Сергей Есенин в стихах 1995: 307; Летопись: I, 271].

16 ноября 1915 г. Есенин написал и оставил издателю М.В. Аверьянову документ: «1915 года ноября 16 дня продал Михаилу Васильевичу Аверьянову в полную собственность право первых изданий в количестве трех тысяч экземпляров моей книги стихов “Радуница” <...>» [Есенин 2000: VII (2), 200; Летопись: I, 285]. 20 июня 1924 г. поэт указал в «Автобиографии» о 1915 годе: «А осенью этого же года Клюев мне прислал телеграмму в деревню <с. Константиново> и просил меня приехать к нему. // Он отыскал мне издателя М.В. Аверьянова, и через несколько месяцев вышла моя первая книга “Радуница”. Вышла она в ноябре 1915 года с пометкой 1916 год» [Есенин 1999: VII (1), 16; Летопись: I, 285]. Действительно, Есенин находился в с. Константиново и в промежуток с 16 по 20 сентября послал Н.А. Клюеву письмо (оно неизвестно) о своем намерении прибыть в Петроград и встретиться с ним [Летопись: I, 262]. Современные текстологи называют более позднюю дату выхода в свет «Радуницы» – до 28 января 1916 г. [Летопись: I, 317]; ноябрь 1915 г. был только временем составления издательского договора.

Однако неизвестно, входили ли «Поминки» в кипу более ранних произведений, которые увидел М.П. Мурашёв 10 или 11 марта 1915 г., приняв поэта по рекомендации А.А. Блока в Петрограде: «Есенин вынул из сверточка в газетной бумаге небольшие листочки и стал читать» [С.А. Есенин в воспоминаниях 1986: I, 187–188; Летопись: I, 208].

«Поминки» были созданы поэтом до поступления на военную службу: 5 апреля 1916 г. поэт получил удостоверение № 900/556 от Уполномоченного Ее Величества по Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143 Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, подписанное полковником Д.Н. Ломаном для направления Есенина (ратника II разряда) в Царское Село в его распоряжение [Летопись: I, 344]. Фактически Есенин прибыл на службу 12 апреля 1916 г. и был зачислен в списки Петроградского резерва санитаров [Летопись: I, 347]. Понятно, почему кладбищенская тема звучала с привычных гражданских позиций, даже если стихотворение было написано в начальный период Первой мировой войны и в нем можно уловить трагедию гибели русских воинов, хотя не всё так однозначно, о чем речь пойдет далее.

Биографическая основа произведения. Ко времени написания стихотворения у Есенина многие родные (брат Петр, сестры Ольга и Анна, бабушка А.П. Есенина и др.) были похоронены в с. Константиново, очевидно, уже на новом кладбище за улицей Алексеевка, где позже упокоились дед Ф.А. Титов (1845–1927) и отец поэта А.Н. Есенин (1873–1931). Сестра А.А. Есенина в воспоминаниях «Родное и близкое» указывала, что Есенин часто погружался в собственные мысли на старом кладбище (располагавшемся на высоком холме над р. Окой у церкви Казанской иконы Божией матери, ныне утраченном, кроме часовни и надгробной плиты): «В правом углу кладбища, у самого склона горы, среди могильных камней, покрытых зеленоватым мхом и заросших крапивой, стояла маленькая каменная часовня, крытая тесом. Рядом с ней лежал старинный памятник – плита. На этой плите любил сидеть Сергей. Отсюда открывался чудесный вид на наши приокские раздолья» [С.А. Есенин в воспоминаниях 1996: I, 56]. Есенин в «Автобиографии» (<1923>) описывал свое отношение к кладбищу в детстве как к обычному, не сакральному пространству: «Потом я научился делать эту процедуру <вынимание частей из просфоры> сам перочинным ножом, а 2 коп<ейки> клал в карман и шел играть на кладбище к мальчишкам, играть в бабки» [Есенин 1999: VII (1), 11].

Есенин с раннего детства посещал церковь Казанской иконы Божьей матери в родном с. Константиново (см. «Автобиографии») [Есенин 1999: VII (1), 9, 11], а во время учебы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг. он принимал участие в церковных службах,

которые продолжались на кладбище при погребении покойников и в поминальные дни, называемые родительскими субботами. Кладбище располагалось рядом со школой и с церквями Николая Чудотворца и Спаса Преображения. Ю.Л. Прокушев, ссылаясь на слова Г. Черняева и других соучеников Есенина, сообщил о его уединении в с. Спас-Клепики на кладбище: «Весной и осенью Есенин почти не бывал в интернате, его всегда можно было встретить в роще, на кладбище или на берегу речки» [Прокушев 1963: 71].

Фольклорно-этнографические истоки «Поминок» Есенина. Сюжет стихотворения восходит к поминанию в особые поминальные дни или, менее вероятно, к поминкам после похорон. Камни на могилах (помимо надгробного креста), упоминаемые в произведении, — значимая примета кладбищ в Рязанском и Егорьевском уездах Рязанской губ., в том числе в с. Константиново и с. Спас-Клепики, сохранившаяся доньше (также отмечены в других центральных областях России — в Московской, Липецкой, Тульской обл., на северо-востоке Нижегородской обл., в Мордовии, нижнем течении Дона и его притока Северского Донца). Некоторые исследователи связывают их со старообрядческой погребальной традицией [Михайлов 2002: 55; Кремлева 2009: II, 190; Громов 2023]. Подчеркнем: валуны на могилах не являются неизменным их атрибутом, встречаются не повсеместно в России, но оказываются важным региональным маркером народного мировоззрения.

Есенин в «Поминках» косвенно упомянул фольклорный жанр причитаний (голошений) — «Причитают матери и крёстные, / Голосят невесты и золовки» [Есенин 1996: IV, 118], а в статье «Быт и искусство» (<1920>) обозначил жанровую разновидность надгробных песен: «Звуки умеют привязывать и развязывать, останавливать и гнать бурей. Всё это уже известно давно, и на этом давно построены определения песен героических, эпических, *надгробных* и свадебных» [Есенин 1997: V, 216] (курсив наш. — *Е.С.*). О пении таких «надгробных» песен — определенной разновидности духовных стихов — в с. Шёхмино Рыбновского р-на рассказывали: «Шёхмино — хоронят с песнями старообрядными, как старообрядческие; они старообрядцы, они человека несут, садятся после похорон за стол и опять поют песни, на душе легко; церкви нет, там деревня» (запись Е.А. Самоделовой, тетр. 27, с. 88, Охошина Т.Ф., 1941 г.р., родом из д. Антоново Касимовского р-на, живет в с. Константиново Рыбновского р-на, 25.08.2005). По нашим экспедиционным данным 1990–2020-х гг., поминальные духовные стихи о прощании с родным человеком, о его завете близким людям не грешить, о загробном путешествии души и т. п. бытовали и в селах Константиново, Кузьминское, Федякино и др. Цитаты из подобных духовных стихов до сих пор вырезаются на надгробных плитах в Рязанской обл., как и повсеместно в России. Образ причитальщицы (вопленицы —

как называли на Русском Севере) запечатлен Есениным в заглавии статьи «Ярославны плачут» (<1914–1915>) с аллюзией на плач Ярославны из «Слова о полку Игореве» [Есенин 1997: V, 175]. Безусловно, Есенин мыслил в струе национальной погребально-поминальной культуры, диктовавшей в его время настоятельную необходимость исполнения похоронных и поминальных плачей как произведений особого жанра фольклора, причем тогда причитания рассматривались как живая традиция обращения к вечности, хотя сейчас они перестали быть актуальными.

В «Поминках» Есенин сделал поэтический акцент на трагическое звучание женских голосов на кладбище: на голошение невест (потерявших женихов), золовок, родных и крестных матерей (игравших важную роль в многодневном свадебном обряде, в данном случае намеченном и не доведенном до конца); на поминание сразу нескольких покойников. В результате вроде бы зарождается антитеза: женщины оплакивают почивших мужчин (вероятно, молодых, приходящихся им женихами, братьями и сыновьями), однако пол покойников в стихотворении не указан. Возникает вопрос: присутствуют ли мужики и парни на кладбище, стоят ли они в скорбном молчании? Есенин не называет их прямо, о них вообще ничего не сообщается, и из строки «Вяжут нищие над сумками бечевки» [Есенин 1996: IV, 118] не ясно: «нищие» – это мужчины (вероятно, пришлые) или «странницы», упомянутые поэтом в завершающей строфе? Заметим, что в повести «Яр» (<1915>) звучит мужской плач – с приведением конкретного фрагмента жанрового включения: Филипп причитает над нарочно отравившейся сестрой Олимпиадой – «заголосил по-бабьему» [Есенин 1997: V, 143].

В отношении «Поминок» нельзя однозначно решить, связано ли изображаемое обрядовое событие с чрезвычайно тяжелой ситуацией – Первой мировой войной. С одной стороны, допустима трактовка в духе «свадьбы-похорон», с «вечными невестами» – несостоявшимися молодками, но уже считающимися родственников жениха своей новой родней (отсюда упоминание золовок). С другой – «невестами» на Рязанщине (и в других местах России) называли совершеннолетних девушек, которых можно было сватать: ср. у Есенина – «Заневестилася кругом роща елок и берез» из «маленькой поэмы» «Микола» (1915); так что упомянутые героини могли оплакивать своих братьев, отцов и даже лиц женского пола, необязательно женихов. Кроме того, обычно на войне погибших хоронили их однополчане – на спешно возведенных воинских кладбищах, находившихся рядом с местом последнего сражения. Там в принципе не присутствовали женщины, кроме сестер милосердия. Конечно, какие-то убиенные воины по воле случая могли быть погребены на расположенных неподалеку от родного дома сельских кладбищах, где пролежала линия фронта, и туда пришли воздать последние почести их родные, но это, скорее, исключе-

ние. Другие солдаты и офицеры умирали от ранений в военных госпиталях в тылу, вдали от дома. Попутно возникает вопрос: Есенин взял за основу кладбище в родном селе или довообразил погост в прифронтовой полосе, где он впоследствии увидит множество подобных сооружений в период службы в армии в 1916–1917 годах? Думаем, что осененное ивовыми ветвями кладбище в с. Константиново (равно как и в соседних селах) более узнаваемо в стихотворении.

Плачи на кладбище звучали не только при похоронах (четкого обозначения этого скорбного ритуала в стихотворениях нет), но и в «родительские субботы», и вообще при любом посещении могил близких людей; так что нельзя утверждать, что Есенин изобразил одномоментное захоронение множества или хотя бы нескольких покойников. Могло быть так, что хоронили одного умершего, а причитали и по нему, и по ранее скончавшимся. Или Есенин изобразил именно поминки в особые календарные дни, а не после похорон. Об этом свидетельствует и двукратное упоминание нищих с сумками и странниц, которые поспешили в специальные ритуальные дни на кладбище угоститься принесенной посетителями едой и таким образом помянуть покойников.

Проблема исторического контекста стихотворения. Есенин использовал обозначение «отпетая могила», восходящее к понятию «отпевание», которое более известно как «чин погребения усопшего», наполненный молитвами и др. церковными песнопениями, но имеет и иной смысл — «конец пения, церковного служения», что прекрасно знал Есенин [Дьяченко 1990: 397]. Уже было сказано, что, по мнению некоторых исследователей, время написания стихотворения (датировка остается гипотетичной) может быть подкреплением гипотезы об отражении в нем трагедии идущей Первой мировой войны, погубившей сельских парней-солдат [Рынгач 2013: 89; Скороходов 2014: 324–325]. Действительно, одноклассник Есенина по начальному сельскому училищу вспоминал, что, когда поэт призывался в 1915 г. и сначала получил отсрочку как ратник II разряда, «война к этому времени унесла из константиновских семей уже не одного кормильца» [Калинкин 1965: 79]. Однако в созданном в то же время «Яре» нет отголосков войны, а в «Поминках» поэтическая зарисовка печального события на кладбище носит обобщающий характер, поскольку таким же способом, под похоронные плачи вдов, поминали воинов в Русско-японскую войну 1904–1905 годов и во все предшествующие войны, а также в последующие (если иметь в виду сельское кладбище, а не братское воинское с почетным караулом). Вроде бы мотив голошения невест и золовок (в меньшей степени — крестных матерей) направляет восприятие читателя в сторону войны с ее убийственными законами, но безусловных доказательств изображения военной трагедии в стихотворении нет.

В рецензии З.Б. (Зои Бухаровой) на «Радуницу» (1916) выделено стихотворение: «Сергей Есенин музыкален и красочен. Он лирик и художник

родного быта. В последнем отношении интересны пьесы: “Калики”, “Поминки” <...> [З.Б.: стб. 149]. Подчеркнем: критик находит в «Поминках» живописание «родного быта», но не военную тему, чрезвычайно актуальную в Первую мировую войну. Показательно, что Есенин не включил «Поминки» ни в один последующий сборник (в том числе в два издания «Радуницы» 1918 г. и в одно 1921 г. — с измененными составами); далее редактор «Собрания стихотворений» И.В. Евдокимов поместил стихотворение в посмертный 4-й том [Есенин 1927: IV, 55–56]. Возникает вопрос: почему Есенин не позаботился ввести «Поминки» в какой-либо из многочисленных авторских сборников или хотя бы журнальных подборок? То ли он не смог найти свою первую книгу с этим произведением и забыл текст (что маловероятно при его уникальной памяти, отмеченной современниками), то ли не посчитал «Поминки» особо удачным сочинением, несмотря на похвалу критика.

У Есенина имеется группа стихотворений, напрямую посвященных Первой мировой войне или хотя бы затрагивающих ее зловещую тему, вводящих «военные маркеры» в текст: «Богатырский посвист» (<1914>), «Бельгия» (<1914>), «Узоры» (<1914>), «Удалец» (<1914–1915>), «Греция» (<1914–1915>), «Польша» (<1914–1915>) [Летопись: I, 191, 195, 198; Скороходов 2002: 194] и др. Условные датировки даны по 2–3 источникам и без уточнения месяцев написания, неважных нам для изучаемой темы. Ни одно из этих стихотворений не вошло в три издания «Радуницы» (1916, 1918, 1921), кроме «Руси» (1914) с ее явными грозными отсветами разразившейся Первой мировой войны (произведение опубликовано в двух последних сборниках). В отличие от «Поминок» с многоплановостью и неоднозначностью содержания, позволяющего по-разному трактовать текст и высказывать прямо противоположные догадки, остальные стихотворения и «маленькая поэма» «Русь» вполне убедительно демонстрируют военную тематику, написаны прямолинейно и частично в «плакатной» и ура-патриотической стилистике, что свидетельствует об их сочинении в самом начале войны в качестве скорейшего отклика на зловещие события, когда не было времени для рефлексии.

О множественности порождаемых смыслов, сознательно допускаемой поэтическими средствами, Есенин писал Иванову-Разумнику в мае 1921 г.: «<...> я <...> отказался от всяких четких рифм и рифмую теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но разносмысленно <...>» [Есенин 1997: VI, 124. № 108].

В зачине «Поминок» сироты-ветлы (порода ивы) с косниками (лентами или более сложным украшением на конце девичьих кос) метафорически отождествлены с крестьянскими девушками — по разным причинам осиротевшими: потерявшими на войне отцов и женихов — несостоявшихся по той же причине молодых мужей или по обычным бытовым причинам утратившим их (кстати, собиравшиеся под венец невесты-сироты нака-

нуну венчания ходили на кладбище просить благословения у умерших родителей и голосили на могиле). Если под косниками подразумевать ивовые цветущие сережки и принимать в расчет клейкий хмель (его недавно наполнившиеся соком молодые побеги), то обрядовое время действия похоже на Радоницу (Радуницу – диал.) – день поминовения усопших; об этом косвенно свидетельствует помещение стихотворения в сб. «Радуница» (1916). Этот образ сопрягается со стихотворением «Край любимый! Сердцу снятся...» (1914): «И вызванивают в четки / Ивы, кроткие монашки» [Есенин 1995: I, 39]. Подобная картина нарисована ранее в стихотворении «На память об усопшем у могилы», приведенном Есениным в письме к другу юности Г.А. Панфилову в августе – начале (?) сентября 1912 г. из Москвы – с начальными и срединными строками: «В этой могиле под скромными ивами / Спит он, зарытый землей» и «Спит он, а ивы над ним наклонились, / Свесили ветви кругом» [Есенин 1997: VI, 17. № 9].

Ритуал посещения женщинами кладбища в субботу накануне Дня Жен-Мироносиц, т. е. ближе к окончанию Радоницкой недели, сохранялся в начале 1990-х годов в Рязанской обл. в д. Аксёново Рыбновского р-на (б. Кузьминской вол. Рязанского у.); они приносили пасхальные яйца, а в д. Салаур Шиловского р-на – еще и кутью [Тулцева 1994: 397]: вспомним коливо в «Поминках». Однако в стихотворении Есенина крашенные яйца не упомянуты (а поэт всегда был точен в изображении этнографических деталей), что свидетельствует либо об обнищании крестьян в тяжелую годину, либо об ином ритуальном времени, не радуничном – напр., 29 августа (11 сентября по н. стилю), в день Усекновения главы Иоанна Предтечи (обычай «установлен в 1769 г. во время войны с Турцией и Польшей»), или в Дмитровскую субботу перед 26 октября (8 ноября по н. ст. По преданию, ее установил великий князь Дмитрий Донской по совету Сергия Радонежского после Куликовской битвы в 1380 г.). В эти дни совершается «поминовение воинов, убиенных за Отечество» [Настольная книга 2001: IV, 497].

Особые воинские поминальные дни ощутимы в историческом контексте Первой мировой войны, но, как уже было сказано, специальных поэтических констант этого ритуального плана в стихотворении нет, кроме причитания невест, потерявших женихов (но это тоже предположение). С осенними днями согласуется упоминание «толстого слоя пыли» на камнях, но клейкость хмеля указывает на весну или начало лета. Получается, что стихотворение в обобщенном виде воссоздает народный поминальный обычай без привязки к календарным дням. В символическом ключе отмечается идея похорон как «свадьбы наоборот» [Самоделова 2006: 131].

Исследователи видят в теме смерти у Есенина «безусловный онтологический статус» [Khazan 1995: 49]. Смысл могилы у поэта парадоксален — с учетом сопоставлений «отпетый покойник (человек)» — «отпетая могила»: «Однако в художественном тексте С.А. Есенина человек — это сущность могилы, следовательно, она вобрала в себя все человеческие качества, присущие ее некогда живому постояльцу. <...>. Ср.: “Ищут странницы отпетую могилу” (“Поминки”) <...>» [Сидорова, Никифорова 2016: 89].

Выбор Есениным художественных средств и лирического сюжета для стихотворения. «Мертвые жилища» — это оксюморон и одновременно метонимия Есенина, иносказательное авторское обозначение деревянных кладбищенских крестов, прикрытых крышей из двух досочек, напоминающих своим видом деревенские избы с двухскатной крышей; распространены повсеместно. Такие традиционные кресты уже наши современники считают старообрядческими, видели в с. Шехмино Рыбновского р-на (б. Рязанского у.): «Кресты все деревянные, у них на кресте крыша» (записи Е.А. Самоделовой, тетр. 27, с. 89 — Охошина Т.Ф., 1941 г.р., родом из д. Антоново Касимовского р-на, живет в с. Константиново Рыбновского р-на, 25.08.2005). Значительно позже, 1 июня 1924 г., в «Возвращении на родину» Есенин опишет намогильные кресты с позиции мужчины, побывавшего на войне: «Здесь кладбище! / Подгнившие кресты, / Как будто в рукопашной мертвецы, / Застыли с распростертыми руками» [Есенин 1997: II, 90].

На некоторых кладбищах Рязанской обл. на могилах вместо крестов установлены на высоких деревянных столбах (примерно в рост человека) маленькие часовенки с крохотными иконками и лампадками, очень похожие на домики с крестом на крыше; они были при жизни Есенина и сохраняются до сих пор [Кремлева: II, 185, 187–188 — фото в с. Занины Починки Касимовского у., 1916].

В поминальном контексте менее вероятно, что образ «мертвого жилища» восходит к диалектным словам — «домовина» и «домовище», «домовье» (в Псковской губ.), означающим «гроб, особ<енно> односторонний, долбленный, какой любят крестьяне в Новгородской, Вологодской, Костромской <губ.> и пр.» [Даль 1980: I, 480] (геогр. пометы раскрыты нами. — Е.С.). В с. Константиново младшая современница поэта рассказала, что его мать — Т.Ф. Есенина и священник о. Иоанн Смирнов хранили заранее изготовленную «домовину» на потолке, как и многие жители села (записи Е.А. Самоделовой, тетр. 23, с. 29 — Цыганова А.И., 1917 г.р., 13.09.2000); мать поэта привела народную примету, что «загодя гроб делаешь — дольше проживешь» [Самоделова 2006: 863]. Известны случаи обрядового свадебного ряженья «упокойником» и шуточного (не приуроченного ни к какому ритуалу) укладывания в гроб, который молодежь возила по селу, как сани [Самоделова 2006: 133–134]. Также Есенин мог прочитать

в «пособии по самообразованию» В.А. Келтуялы, когда, например, он готовился к поступлению в учительский институт, о символике народных «похоронных песен»: «Гроб в связи с идеей подземной жизни представляется жилищем, домом» [Келтуяла 1906: 128]. И если под «мертвыми жилищами» полагать именно гробы как переосмысленное клише «жилища мертвых» (что менее вероятно, чем весь комплекс могильных холмиков под крестами), то при чтении стихотворения возникает другая картина: ивы склонились над поставленными рядом несколькими гробами, которые еще необходимо опустить в могилы, и далее следует описание отпевания священником с дьяконом одного захороненного покойника за другим. Еще раз подчеркнем: согласно названию стихотворения, речь в нем идет именно о поминовении давно усопших, а не о погребении недавно скончавшихся людей.

«Поминки» написаны на один из «вечных сюжетов», посвященных теме поминания усопших в любой этнической культуре мира, но здесь этот сюжет разработан на конкретике православия и отражает народное поминовение усопших с участием церковного причта, с исполнением на кладбище литии при поминании в «родительский день» или, что менее вероятно, с совершением панихиды при погребении покойника. На деревенских кладбищах, тем более расположенных далеко от села или его центра с церковью, часто прихожане просили священника, прибывшего отпеть покойника, заодно совершить поминальный ритуал у могил давно погребенных их родственников. Но и в «родительские дни» (вторая, третья и четвертая субботы Великого поста, Радуница, Дмитриевская суббота) и, тем более, во Вселенские субботы (Мясопустная и Троицкая), а также в День Усекновения главы Иоанна Предтечи как поминальный день погибших воинов священники совершали заупокойные службы на кладбище. В стихотворении Есенина возможно наложение нескольких смыслов.

При жизни Есенина нищие и богомольные странницы посещали кладбище ради подаяния или подбирания угощения, положенного на могилу родственниками покойного: «Вяжут нищие над сумками бечевки», «Ищут странницы отпетую могилу» [Есенин 1996: IV, 118]. Если родственники клали еду для символического «кормления» покойника, то голодные странники не гнушались поднять с кладбищенской земли и съесть такое угощение, осенив себя крестным знаменем. Практика участия неимущих в похоронной обрядности существовала не только в Рязанской губ.; известен случай с перемещением городского кладбища подальше от Царского Села из-за особенностей поведения посетителей кладбища: «<...> до 1747 года существовало кладбище с церковью, перенесенную отсюда по повелению Императрицы Елисаветы Петровны в Кузьмино. В то время погребальные церемонии сопровождалась, по обычаю, причитаниями и громкими

воплями нищих и всяких кликуш. Это производило на суеверную императрицу дурное впечатление, и она приказала перенести и кладбище, и церковь подальше от слободы, дворца и парков, в которых всё было устроено для увеселения и отдыха от забот и повседневных трудов» [Вильчковский 1911: 53–54].

В стихотворении Есенина прицельно указано несколько могил, а не одна: это «мертвые жилища», «ташат галки рис с могилок постный», «под черед» (то есть по очереди) «ишут странницы отпетую могилу». Таким способом, применив метонимический перенос, поэт создал зримую картину кладбища, хотя прямого лексического обозначения его нет. Упоминание «отпетых могил» не свидетельствует о ее единичности, но, наоборот, удостоверяет множественность могил (их обобщение), последовательно обходя которые, причт совершает на каждой панихиду или ее краткий чин – литию. Однако при поминании в «родительские дни» на кладбище во главе со священником проводится лития – «коленипреклонение, усердное всенародное моление», что особенно актуально при всеобщем несчастье – войне, эпидемии [Дьяченко 1990: 284].

«Длинный поп в худой епитрахили / Подбирает черные копейки» [Есенин 1996: IV, 118]: он показан церковнослужителем очень бедного прихода, не имеющего средств приобрести новый обязательный элемент священнического облачения – «епитрахиль», т. е. полосу ткани, надеваемую на шею под ризу для обозначения его духовного сана, символизирующую нисходящую благодать Св. Духа и необходимую для жеста покрывания голов в определенные моменты церковной службы, при исповедовании православных христиан в храме [Дьяченко 1990: 175–176]. Поп поднимает с земли почерневшие медные копейки, очевидно, сбереженные с давних пор и положенные на могилу в «родительский день» или брошенные крестьянами в неглубокую могилу, по народному поверью, на откуп земли для покойника; во втором случае с оседанием надгробного холмика эти монетки оказались на его поверхности. Добровольное пожертвование родственников покойного причту за отпевание на кладбище слишком мало: вот и приходится наклоняться за копейками. Камни с толстым слоем пыли свидетельствуют о нехватке времени на ежегодное обихаживание могил, обычно проводимое перед церковными поминальными днями (родительскими субботаами) [Скорыходов 2014: 325]. Безусловно, бедственное положение народа налицо; вероятно, оно связано с войной и, конечно, отражает вообще тягостную долю крестьянства и низшего духовенства в начале XX в.

Важно отметить почитание народом убиенных ратников как героев – защитников Отечества: в 1903 г. император Николай II издал указ о совершении в этот день панихиды по убиенным, «за веру, царя и Отечество, на поле брани живот свой положившим» [Булгаков 1993: ч. I, 428; Крем-

лева 2009: II, 207]; вопреки мнению: [Скороходов 2014: 324]. В «Молитвослове» выделяется особый чин «поминовения о православных воїнех и о всех за веру и Отечество на брани убиенных» [Заупокойная молитва о воинах], хотя по сути являющийся обычной панихидой. Безусловно, Есенин знал это еще с поры обучения в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе, хотя в то мирное время общественное поминание православных воинов не было особенно актуальным. Но в 1915–1916 гг. не только в «Поминках», но и в стихотворении «Запели тесаные дроги...» (<после 25 октября 1915 и до 20 апреля 1916>) [Летопись: I, 276] появляется неявно выраженный погребально-поминальный пейзаж: «Опять часовни на дороге / И поминальные кресты», с «холодной скорбью» и с Русью «на туманном берегу» [Есенин 1995: I, 83]. Здесь сквозит изображение по сути «того берега», который отделен рекой от мира живых, а гроб с мертвецом, согласно народному поверью, нельзя перевозить через реку дважды – напр., для отпевания в храме и затем для погребения на далеко отстоящем от селения кладбище (записи Е.А. Самоделовой от В.А. Ворожейкина, 1972 г.р., из с. Абашево Спасского р-на Пензенской обл., в Москве в 2022 г.). Первая мировая война может выступать в произведениях Есенина в качестве метаконтекста.

Выводы. Безусловно, узкая дата помогает подтвердить не только определенные рамки, но и более широкие границы написания стихотворения, отнести его к Серебряному веку и к пришедшейся на это время Первой мировой войне, но она (война) проступает лишь косвенно в вечной ритуальной теме сочинения. Вся поэтическая структура и лексическая наполненность произведения (в том числе членение на строфы, ритмика и способ рифмовки, использование диалектизмов с усечением окончаний («крѣстны»), уровень мастерства автора, его следование уже сложившейся литературной традиции описания кладбищенского быта показывают, что стихотворение «Поминки» не могло быть создано ранее, когда господствовали другие мировоззренческие установки и уровень культуры стихосложения в целом был иным, ориентированным на прежние эстетические идеалы, несмотря на «вечность» поднимаемой тематики.

В то же время нельзя абсолютизировать дату, какой бы она ни была: неизвестно, в Петрограде создал это стихотворение Есенин или привез его из Москвы завернутым в женский платок, как об этом вспоминал в мемуарах «О Сергее Есенине» в 1926 г. С.М. Городецкий: «Стихи он принес завязанными в деревенский платок» [С.А. Есенин в воспоминаниях 1996: I, 179; Летопись: I, 209]. До сих пор старожилы Рязанщины хранят завязанными в белый покупной платок с незамысловатым печатным орнаментом ценные православные книги: Библию, Евангелие или Требник (по данным фольклорно-этнографических экспедиций Е.А. Самоделовой

в Рязанскую обл. в 1980–2020-е гг.). В Первую мировую войну поэт создал целый ряд произведений, в том числе вошедших в «Радуницу», которые посвящены совершенно не военным темам, а преимущественно событиям христианской истории, перенесенным на русскую почву, зарисовкам православных праздников в деревнях и вообще изображению сельского быта. Это с одной стороны.

А с другой – в тот период Есенин в Петрограде исполнял рекрутские частушки, причем военное время указывало не просто на армейскую, но на их фронтовую тематику – об одном таком вечере периода с 28 марта по 28 апреля 1915 г. на квартире К.Ю. Ляндау вспоминал В.С. Чернявский: «После стихов он принялся за частушки <...>. Многие частушки были уже на рекрутские темы <...>» [С.А. Есенин в воспоминаниях 1996: I, 201]. Тогда же Есенин сочинял стихотворения конкретно о Первой мировой войне (см. выше).

Факт «невключенности» ни одного стихотворения с явной военной тематикой в издание «Радуницы» (1916) косвенным образом свидетельствует о его наполнении «мирными» произведениями, к которым в определенной мере принадлежат и «Поминки». В то же время название «Радуница» со значением дня поминовения умерших основывается в первую очередь на «Поминках», поставленных в центре первого раздела «Русь» (8-м по счету из 15 стихотворений). «Поминки» относятся к типу стихотворений на «вечные темы», и военное лихолетье в них очень завуалировано (или ощущается только его гнетущая атмосфера), угадывается лишь при акценте на образы причитающих невест (если их понимать в прямом смысле) и при сопоставлении содержания со временем публикации поэтического сборника. Получается, что нельзя сделать однозначный вывод о тематике произведения, в котором описание поминок и похоже на картину похорон, и непонятно, в родной земле упокоились защитники Отечества или «простые смертные»?

Формат статьи не позволил нам рассмотреть ряд вопросов, представляющихся важными для анализа «Поминок»: 1) из чего готовилось коливо при жизни Есенина и какова история вопроса о нем; 2) чем отличается обычное кладбище от военного и видел ли последнее поэт? Этой проблематике будет посвящена отдельная статья.

Список литературы

Источники

- Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1995–2001.
Есенин С.А. Стихи и проза / сост. И.В. Евдокимов. М.: Госиздат, 1927. Т. 4. 516 с.; 2-е изд. Л.: Биб-ка всемирной лит-ры, 1928.

Литература

Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: В 2 ч. М.: Издат. отдел Моск. патриархата, 1993. Ч. 1. 1772 с. (1-е изд. — 1892, 2-е изд. — 1913).

Вильчковский С.Н. Царское Село. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 278 с.

Громов Д.В. Намогильные камни и их мифо-ритуальное осмысление в Восточном Подмоскowie // Этнография. 2023. № 4. С. 210–236.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Изд-е М.О. Вольфа, 1880. Т. 1. LXXXIV. 723 с.

Дьяченко Г. свящ., магистр. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М.: Тип. Вильде, 1900. XL, 1120 с.

Заупокойная молитва о воинах. URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/molenie-o-upokoenii-pravoslavnyx-voinov-za-veru-i-otechestvo-na-braniubiennyx.html> (дата обращения: 20.08.2023).

З.Б. <Рец> // Нива. Прилож. 1916, май. № 5. Стб. 149.

Калинкин Н.П. В одном классе // Воспоминания о Сергее Есенине / Под ред. Ю.Л. Прокушева. М.: Московский рабочий, 1965. С. 77–79.

Келтуяла В.А. Курс истории русской литературы. Ч. 1. История древней русской литературы. Кн. 1. СПб.: Тип. Попечительства Императ. Человеколюб. О-ва, 1906. VI, 764 с.

Кошечкин С.П., Юсов Н.Г. Комментарий // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М.: Голос, 1996. Т. 4. С. 380–381.

Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские Рязанского края: В 2 т. М.: Индрик, 2009. Т. 2. С. 168–215.

Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. (7 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев, Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2018.

Михайлов С.С. Современное состояние похоронно-поминальной обрядности у старообрядцев Гуслиц и Гжели. Ч. 2 // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2002. Вып. 12. С. 51–56.

Настольная книга священнослужителя: В 8 т. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2001. Т. 4. 814 с.

Прокушев Ю.Л. Юность Есенина. М.: Московский рабочий, 1963. 192 с.

Рынгач Л. «Все мы, все мы в этом мире тленны...» (Традиции народного поминального обряда в поэзии С.А. Есенина) // Современное есениноведение. 2013. № 24. С. 44–55.

С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. 510 с.

Самодолова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина: авторский жизнетекст на перекрестье культурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2006. 920 с.

Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Под общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995. 606 с.

Сидорова О.Б., Никифорова О.В. Синтагмантика лексемы «могила» в лирике С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2016. № 2 (37). С. 86–90.

Скорыходов М.В. О датировке ранних стихотворений С.А. Есенина в «Летописи» // Новое о Есенине. Исследования, открытия, находки. Рязань; Константиново: Б/и, 2002. С. 184–198.

Скорыходов М.В. Сергей Есенин: Истоки творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 383 с.

Тулъцева Л.А. Сельские варианты праздника Жен-Мироносиц // Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен. М.: Наука, 1994. С. 397–401.

Khazan V. Заметки к теме «Смерть в художественном мире С. Есенина» // Revue des Etudes slaves. Paris, 1995. T. LXVII. P. 49–64.

Reference

Istochniki

Yesenin S.A. (1995–2001). *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]. In 7 vol. (9 books). Moscow: Nauka, Golos Publ. (In Russ.).

Yesenin S.A. (1928). *Stikhi i proza* [Poetry and prose] /сост. I.V. Evdokimov. Moscow, Gosizdat Publ., 1927. Vol. 4. 516 с.; 2-е изд. Leningrad: Biblioteka Vsemirnoy literatury Publ. (In Russ.).

Literatura

Bulgakov S.V. (1993). *Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-cerkovno-sluzhitelej* [Handbook for priests and clergy]. In 2 ch. Moscow: Izdat. otdel Moskovskogo patriarhata Publ. Ch. 1. 1772 p. (In Russ.).

Vilchkovsky S.N. (1911) *Tsarskoye Selo*. St. Petersburg, Partnership of R. Golike and A. Vilborg Publ. 278 p. (In Russ.).

Gromov D.V. (2023). *Namogil'nye kamni i ih mifo-ritual'nye osmysleniya v Vostochnom Podmoskov'e* [Gravestones and their mythological and ritual understanding in the Eastern Moscow region]. In: *Ethnography*. No. 4. Pp. 210–236. (In Russ.).

Dal' V.I. (1880). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vol. Saint Petersburg; Moscow: Izdanie M.O. Vol'fa Publ. Vol. 1. LXXXIV. 723 p. (In Russ.).

D'yachenko G., svyashhennik, magistr (1900). *Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar' (s vnoseniem v nego vazhnejshih drevnerusskikh slov i vy'razhenij)* [Complete Church Slavonic dictionary (including the most important Old Russian words and expressions)]. Moscow: Tipogr. Vi' de Publ. XL, 1120 p. (In Russ.).

Zaupokoynaya molitva o voinah. URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/molenie-o-upokoenii-pravoslavnykh-voinov-za-veru-i-otechestvo-na-brani-ubiennyx.html> (дата обращения: 20.08.2023).

Z.B. <Recenziya> (1916). *Niva*. Prilozhenie. Maj. № 5. Stb. 149. (In Russ.).

Kalinkin N.P. (1965). *V odnom klasse* [In one class]. In: *Vospominaniya o Sergee Esenine*. Edit. YU.L. Prokushev. Moscow: Moskovskij rabochij Publ. Pp. 77–79. (In Russ.).

Keltuyala V.A. (1906). *Kurs istorii russkoj literatury. Chast' 1. Istoriya drevnej russkoj literatury* [Course on the history of Russian literature. Part 1. History of ancient Russian literature]. Book 1. Saint Petersburg: Tipogr. Popechitel'stva Imperatorskogo Chelovekolyubivogo Obshhestva Publ. VI. 764 p. (In Russ.).

Koshechkin S.P., YUsov N.G. (1996). *Kommentarij* [A comment]. In: Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenij*. In 7 vol. (9 b.). Moscow: Golos Publ., 1996. Vol. 4. Pp. 380–381. (In Russ.)

Kremleva I.A. (2009). *Pohoronno-pominal'nye obychai i obryady* [Funeral customs and rituals]. In: *Russkie Ryazanskogo kraja*. In 2 vol. Moscow: Indrik Publ. Vol. 2. Pp. 168–215. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina (2003–2018) [Chronicle of the life and work of S.A. Yesenin]. In 5 vol. (7 books). Edit. YU.L. Prokushev, N.I. SHubnikova-Guseva. Moscow: IMLI RAN Publ. (In Russ.)

Mihajlov S.S. (2002). *Sovremennoe sostoyanie pohoronno-pominal'noj obryadnosti u staroobryadcev Guslic i Gzheli. CHast' 2*. [The current state of funeral and memorial rites among the Old Believers of Guslitsy and Gzhel. Part 2]. In: *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. Moscow: Muzej istorii i kul'tury staroobryadchestva Publ. Is. 12. Pp. 51–56. (In Russ.)

Nastol'naya kniga svyashchennosluzhitelya (2001) [Clergyman's Handbook]. In 8 vol. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoj patriarii Publ. Vol. 4. 814 p. (In Russ.)

Prokushev YU.L. (1963). *YUnost' Esenina* [Yesenin's youth]. Moscow: Moskovskij rabochij Publ. 192 p. (In Russ.)

Ryngach L. (2013). «*Vse my, vse my v etom mire tlenny...*» (*Tradicii narodnogo pominal'nogo obryada v poezii S.A. Esenina*) [“We are all, we are all perishable in this world...” (Traditions of folk funeral rites in the poetry of S.A. Yesenin)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie*. № 24. Pp. 44–55. (In Russ.)

S.A. Esenin v vospominaniyah sovremennikov (1986) [S.A. Yesenin in the memoirs of his contemporaries]. In 2 vol. Vstup. st., sost. i komment. A.A. Kozlovskogo. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 1. 510 p. (In Russ.)

Samodelova E.A. (2006). *Antropologicheskaya poetika S.A. Esenina: avtorskij zhiznetekst na perekrest'e kul'turnyh traditsij* [Anthropological poetics S.A. Yesenin:

the author's biography at the crossroads of cultural traditions]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ. 920 p. (In Russ.)

Sergej Esenin v stihah i zhizni: Pis'ma. Dokumenty (1995) [Sergei Yesenin in poetry and life: Letters. Documentation]. Edit, N.I. SHubnikovf-Gusev. Moscow: Respublika Publ. 606 p. (In Russ.)

Sidorova O.B., Nikiforova O.V. (2016). *Sintagmantika leksemy "mogila" v lirike S.A. Esenina* [Syntagmatics of the lexeme "grave" in the lyrics of S.A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie*. № 2 (37). Pp. 86–90. (In Russ.)

Skorohodov M.V. (2002). *O datirovke rannih stihotvorenij S.A. Esenina v "Letopisi"* [On the dating of the early poems of S.A. Yesenin in the Chronicle]. In: *Novoe o Esenine. Issledovaniya, otkrytiya, nahodki*. Ryazan'; Konstantinovo, B/izd. Pp. 184–198. (In Russ.)

Skorohodov M.V. (2014). *Sergej Esenin: Istoki tvorcestva* [Sergei Yesenin: Origins of creativity]. Moscow: IMLI RAN Publ. 383 p. (In Russ.)

Tul'tseva L.A. (1994). *Sel'skie varianty prazdnika ZHEN-Mironosits* [Rural versions of the feast of the Myrrh-Bearing Women]. In: *ZHenshchina i svoboda. Puti vybora v mire tradicij i peremen*. Moscow: Nauka Publ. Pp. 397–401. (In Russ.)

Khazan V. (1995). *Zametki k teme "Smert' v hudozhestvennom mire S. Esenina"* [Notes on the topic "Death in the artistic world of S. Yesenin"]. In: *Revue des Etudes slaves*. Paris. Vol. LXVII. Pp. 49–64. (In Russ.)

Сведения об авторе

Самоделова Елена Александровна – доктор филологических наук; Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Москва, Россия; старший научный сотрудник; научные интересы: русский фольклор, литературно-фольклорные связи, творчество С.А. Есенина.

Information about the author

Elena A. Samodelova – Doctor of Philology; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (IWL RAS), Moscow, Russian Federation; senior research fellow; scientific interests: Russian folklore, literary and folklore connections, creativity of S.A. Yesenin.

Русистика и компаративистика. 2023. Вып. XVII. С. 143–155
Russian Philology and Comparative Studies. 2023. (XVII): 143–155

Научная статья

УДК 398.21; 82-34.

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.09

ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЕРСИЙ СКАЗКИ О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

Сергей Викторович Алпатов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, alpserg@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2525-0287>

Ирина Витальевна Зайцева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, for_irina.97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6417-9061>

Аннотация: В статье проводится исследование компаративного аспекта фольклорно-литературных взаимодействий, нацеленное как на установление историко-генетических и синхронно-контекстуальных связей литературных версий сюжета ATU 333 Little Red Riding Hood с формами традиционной культуры, так и на выявление универсальных механизмов концептуализации реальности, а также общих стилевых приемов воплощения архетипической семантики и символики в фольклоре и литературе. Анализируемые мотивы инициации, каннибализма и побега от смертельно опасного противника находят системные соответствия в текстах неказочной прозы об испытаниях половозрелой молодежи, что помогает обособить базовые фольклорные и последующие литературные слои семантики популярного сюжета европейской сказки, в которой мифологический нарратив о символических формах женской инициации трансформируется в поучительную историю об опасностях взрослой жизни и последствиях собственной неосмотрительности.

Ключевые слова: Красная Шапочка, фольклор, литература, компаративистика.

Для цитирования: Алпатов С.В., Зайцева И.В. Фольклорный контекст литературных версий сказки о Красной Шапочке // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 143–155 <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.09>

FOLKLORE CONTEXT OF LITERARY TALES ABOUT LITTLE RED HOOD

Sergey V. Alpatov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, alpserg@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2525-0287>

Irina V. Zaitseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, for_irina.97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6417-9061>

Abstract. The article is devoted to the study of the comparative aspect of folklore-literary interactions, aimed both at establishing genetic and contextual connections between literary and traditional versions of ATU 333 Little Red Riding Hood, and at identifying universal mechanisms for conceptualizing reality, as well as general stylistic techniques for embodying archetypal semantics and symbolism in folklore and literature. The analyzed motives of initiation, cannibalism and escape from the evil find regular correspondences in the texts of demonological prose about the trials of sexually mature youth, which helps to isolate the basic folklore and subsequent literary layers of the semantics of the popular plot of the European fairy tale: the mythological narrative about the symbolic forms of female initiation is transformed into an instructive story about the dangers of adult life and the consequences of one's own indiscretion.

Key words: Little Red Riding Hood, folklore, literature, comparative studies.

For citation: Alpatov S.V., Zaitseva I.V. (2023). Folklore context of literary tales about Little Red Hood. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 143–155 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.09>

© Алпатов С.В., 2023

© Зайцева И.В., 2023

Введение. Современные исследования фольклорно-литературных взаимодействий ориентированы не только на установление генетических, интертекстуальных и функциональных связей авторских произведений с формами традиционной культуры [Головин, Николаев 2013], но и на осмысление универсальных механизмов концептуализации реальности, а также общих стиливых приемов воплощения архетипической семантики и символики в фольклоре и литературе [Большакова 2012; Алпатов 2015]. В этой связи характерен неиссякающий интерес представителей разных гуманитарных дисциплин к сюжету народной и литературной сказки ATU 333

Little Red Riding Hood. Цель настоящей статьи — прояснить специфику фольклористического подхода к интерпретации ключевых мотивов и образов этого прецедентного текста *Weltliteratur*, установить их исконное значение в сфере традиционной культуры и последующие семантические деривации, обусловленные новоевропейским литературным и социокультурным контекстом бытования сюжета.

Проблемы методологии исследования. На ранних этапах изучения сказки о Красной Шапочке представители разных научных школ, опираясь на корреспондирующие варианты сборников Ш. Перро и братьев Гримм, стремились устранить зазор между очевидными развлекательно-дидактическими смыслами двух популярных версий сюжета и интуитивно ощущаемой глубиной его символического подтекста. Предложенная в первой половине XIX столетия учеными-мифологами календарная интерпретация исконной семантики сюжета (солнцеликое антропоморфное божество похищается либо избегает преследования темного тучевидного или звероподобного демона в циклической смене зимы и лета) была поддержана в начале XX века на новом уровне аргументации («красная шапочка» — розовый венок Королевы Мая) представителями ритуалистического направления [Saintyves 1923: 211–229]. Сходные идеи о связи германских и славянских сказочных персонажей, мифологических образов святочно-масленичного цикла и инициальных компонентов женской субкультурной коммуникации (мотивы ткачества, шитья, отбеливания холста, приготовления постели) разрабатывал А.А. Потебня в работе «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» (1865) [Потебня 2000: 92–328].

Иной взгляд на проблему глубинной семантики сюжета о Красной Шапочке предложили представители психоаналитического направления (Э. Фромм, Б. Беттельгейм, А. Дандес), для которых центральные мотивы телесного контакта и поглощения, а также символика красного цвета маркировали конфликты сознающего *эго* девочки-подростка со взрослой сексуальностью и табуированными для рациональной экспликации стереотипами коллективного бессознательного [Dundes 1989: 168–238].

Универсализирующий психоаналитический подход к истолкованию сказочной образности подвергался справедливой критике со стороны историков литературы, указывавших на специфические книжные и профессиональные аспекты генезиса вариантов Ш. Перро и братьев Гримм, а также на существование в мировой литературе иных жанровых реализаций данного мотивного комплекса, например, латинской притчи XI века “*De puella a lupellis seruata*” [Ziolkowski 1992]. Фольклористика второй половины XX столетия также поставила под сомнение адекватность единственного психологического ключа к разнородному корпусу европейских, африканских, китайских, японских и корейских сказок исследуемого сюжетного типа [Delarue, Ténéze 1957; Dundes 1989: 21–63; Tehrani 2013].

Еще одну линию фольклорно-литературных взаимодействий в массиве сказок о Красной Шапочке демонстрируют новейшие исследования процессов укоренения в устных локальных традициях авторских переводов сказок Ш. Перро на национальные языки: адаптация иностранного текста в фольклорной среде автоматически запускает механизм экспликации культурных универсалий [Симян 2018; Gogishvili 2023].

Проведенный обзор актуальных исследовательских подходов к интерпретации сюжета ATU 333 выявил системную интеграцию фольклористических методов на всех уровнях анализа структуры и семантики сказки. Вместе с тем ряд значимых мотивов (инициационные испытания, каннибализм) и образных деталей (символика цвета, способы избегания опасности героиней) нуждаются в детальном пересмотре, а выдвинутые ранее объяснения – в дополнительном обосновании.

Основная часть. Ранние записи «Красной Шапочки» представлены в двух печатных источниках: “*Le Petit Chaperon rouge*” опубликована в сборнике Ш. Перро “*Histoires ou contes du temps passe*” (1697); “*Rotkäppchen*” – в собрании братьев Гримм “*Kinder- und Hausmärchen*” (1812). Гриммы имели в своем распоряжении две версии от образованных информанток: сестры Жанетт и Мари Хассенпфлог принадлежали к семье горожан-гугенотов и были знакомы со сказками Перро. При совпадении основных эпизодов французской и немецкой истории последняя звучит оптимистичнее: проглоченных волком героиню спасает охотник, Красная Шапочка резюмирует, что никогда больше не станет уходить с большой дороги в лесу. Счастливый финал обусловлен, с одной стороны, влиянием сказки ATU 123 *The Wolf and the Kids*, а с другой – пьесы Л. Тика “*Leben und Tod des kleinen Rothkäppchens*” (1800) [Ziolkowski 1992: 552–553].

Инициация и сексуальность

Принято считать, что сюжет о «Красной Шапочке» бытовал в среде французских крестьян уже в конце Средних веков, а Ш. Перро переработал его в соответствии с моральными нормами светского общества XVII века, так что из сказки были убраны следующие выразительные и семантически нагруженные элементы: описание пути к дому бабушки, кровавое пиршество и постельная сцена [Jean 2007; Мельников 2015].

Двоякий мотив – материнского запрета сходить с тропинки и выбора дороги, предлагаемого волком, – реализуется в 35 устных французских вариантах типологически сходными формулами: «Какой дорогой ты хочешь пойти? Той, что по булавкам или по иголкам?» («по шипам или по иголкам», «по камешкам или по булавкам», «по ежевике или по камням», «по корням или по камням» и т. п.). Фрейдистская символика колющих и царапающих предметов, угрожающих девочке, не вызывает сомнений. Вместе с тем фольклористы указывают на корреляцию данной формулы с универсальным сказочным топосом мучительного пути героя, проходя-

шего инициацию (стирающего ноги в кровь, изнашивающего три пары железных сапог), с одной стороны, и на этнографические корни проницательной символики – с другой: навыки шитья составляли базовую часть воспитания девочек вообще, заработка на собственные украшения («на булавки») в частности и подготовки приданого в перспективе [Verdier 1997: 105–107]. Типологический характер символики шитья и ткачества подтверждается независимыми наблюдениями над сказочным и обрядовым материалом традиционной культуры восточных славян [Бернштам 1997; Щепанская 1999; Самойлова 2017].

Синтезируя результаты психоаналитического и фольклорно-этнографического анализа мотива «булавок и иголок», исследователи констатируют, что девушка, умеющая обращаться с атрибутами женского рукоделия, считается прошедшей экзамен на зрелость и готова справиться с трудностями самостоятельной жизни во всех ее аспектах: экономическом, сексуальном, социально-коммуникативном [Verdier 1997: 117]. Расширяя выводы до философско-антропологического уровня, ученые утверждают, что прохождение возрастной инициации не только закрепляет за молодой особой право на будущие статусы матери и бабушки, но и реализует общечеловеческий опыт познания границ мира и самопознания: “In the archaic mentality, the fence, the hedge, which separated the realm of wilderness from that of civilization did not represent limits which were insurpassable. On the contrary, this fence was even torn down at certain times. People who wanted to live within the fence with awareness had to leave this enclosure at least once in their lifetime. They had to have roamed the woods as wolves or ‘wild persons’. That is, to put it in more modern terms: they had to have experienced the wildness in themselves, their animal nature. In facing the werewolf and temporarily abandoning herself to him, the little girl sees the animal side of her self. She crosses the border between civilization and wilderness, goes beyond the dividing line to face death in order to live. Her return home is a move forward as a whole person. She is a wo/man, self-aware, ready to integrate herself in society with awareness” [Zipes 2012: 44–45].

Каннибализм

В народных французских вариантах сказки волк, опередив героиню, расчлняет бабушку, а затем угощает девушку мясом и кровью пожилой родственницы. При этом Красная Шапочка игнорирует слова кошки, пытающейся открыть ей глаза на акт каннибализма. Типологически сходные мотивы встречаются в сказках ATU 334 Household of the Witch и ATU 480 The Kind and the Unkind Girls о тетке либо крестной, съедающей непослушную героиню (вариант финала – героиня слушается советов домашних обитателей и избегает опасности). Характерно присутствие в сказках указанных сюжетных типов мотивов прядения и шитья [Потебня 2000: 207–209], что позволяет современным исследователям увязать архаический

мифологический комплекс «пожирания ближнего» с центральной темой инициации и смены социального статуса, подразумевающей вытеснение представителей предыдущих поколений за пределы актуальной культурной и биологической зоны: “After the puberty motif of the pins, this phase of the story would then concern the girl’s acquisition of the capacity to procreate. Hence the motif of Little Red Riding Hood’s macabre meal can be understood in terms of feminine destiny played in three stages: puberty, motherhood, and menopause” [Verdier 1997: 110].

Бегство от оборотня

Ключевой инициационный мотив умерщвления и рождения в новом статусе реализуется в сюжете о Красной Шапочке в виде пошагового обнажения героини от оформлявших ее прежде одежд и постепенного узнавания новой реальности через ряд сенсорных открытий (мохнатые лапы, большие зубы и т. д.). Лиминальному облику европейского волка-оборотня (фр. “bzuu” или “loup-garou”) в восточноазиатских традициях соответствует тигр-людоед [Dundes 1989: 21–63], что позволяет констатировать архаичность всего комплекса обсуждаемых мотивов [Tehrani 2013]. Вместе с тем не следует видеть в европейской народной сказке позднего Средневековья (и тем более в ее литературно обработанных репликах XVII–XIX веков) простое хранилище окаменевших реликтов первобытной древности.

Не менее важно учитывать кросс-жанровые связи живых обрядовых практик, мифологических верований и сюжетов несказочной прозы, поддерживающих и актуализирующих архетипические модели волшебной сказки. Так, целый комплекс быличек о святочных испытаниях «молодечества» юношей и девушек построен на ситуации спора-соревнования: кто не побоится переночевать в лесной избушке / пойти в полночь в баню (взять камешек с каменки, дошить рубаху). В максимально благополучном («сказочном») варианте развития событий герой добывает себе невесту (выручает из иного мира обнаженную проклятую девушку, ждущую смельчака с комплектом из шейного креста, рубахи и пояса); в трагическом — неосмотрительная героиня гибнет, растерзанная демонами; в среднестатистическом — девушка бежит, оставляя в руках монстра платье/ девичью косу:

«Одна девка бесстрашная в баню пошла. “Я, говорит, в ней рубаху сошью и назад вернусь”. Пришла в баню, углей с собой взяла, а то ведь не видать ничего. Сидит и раздувает их. А полуночное время. Начала наскоро рубаху смётывать, смотрит, а в корчаге уголья маленькие чертенята раздувают и около нее бегают. Она шьет себе, а они уж кругом обступили и гвоздики в подол вколачивают. Вот она и начала помаленьку с себя рубаху спускать с сарафаном, спустила да в сшитой рубахе и выскочила из бани. Наутро взошли в баню, а там от сарафана одни клочья» [Садовников 2003: 230];

«Шли девки по малину, проходили погост. Увидали — лежат кости. А одна озорная и говорит:

— Кости, кости, приходите к нам в гости.

Ну на вечер в избу, где девки шили, и пришли парни. Незнакомые, неведомые и откуда незнамо. А все веселые, пряниками кормят, играют, дrolятся. Вот одна девка в красный угол отошла, под икону стала и видит, что зубы у их железны, а в сапогах кости. Она и говорит:

— Девушки, я до ветра пойду.

А парни ее не пускают. Она и говорит:

— Хоть косу дверьми прищемите, да пустите.

Они ей косу прищепили, а она косу срезала, да бежать...» [Карнаухова 2006: 246];

«Была деревня большая. В этой деревне много девок было. Ходят вечер, другой и третий — никто из парней к ним на беседу не идёт. Вот они промеж собой толкуют: “Хошь бы кто из озера пришёл на беседу!” Вот с вечера прикатило ребят к ним партия человек в двадцать. Все сдобные такие, с тальянками, при часах, в калошах, ну и давай поигрывать с девками. А у одной девки была принесена девочка маленькая, лет пяти-шести. Та сидела на печке и всё смотрела. Ну и стала звать эту девку:

— Нянька, иди сюда-то!

Вот ёна подошла. Она и указывает:

— Гляди-ко, нянюшка, глаза-то какие у них вдоль лица и зубы, как железные.

— Как бы нам ийти?

— А вот как: я буду проситься до ветру, а ты выведешь меня — в том время и уйдём.

Ну, маленько посидели. Эта девчонка и запросилась до ветру, а они не отпускают этой девки ийти с ней.

— Что вы, — говорит, — отпустите! Прищемите мне хоть сарафан в дверях, никуда я не уйду.

Вот они взяли выпустили, прищепили подол в дверях, а она сейчас лямки скинула с плеч, ребёнка на плечи и давай бежать. <...> Утром хватились других девок мужики, никого домой нету. Направились туда. Пришли на беседу, а там только косьё да волосья — больше ничего нету» [Соколовы 1999: 327–328].

Тем самым характерный для устных европейских вариантов АТУ 333 образ героини, отпросившейся в туалет без одежды и с привязанной к ноге веревкой, реализует не только любезные сердцу психоаналитика универсальные сексуальные метафоры, но и присущие конкретной фольклорной традиции топосы. Кроме того, смазанные литературно обработанными версиями сюжета о Красной Шапочке возрастные характеристики героини подчеркнуто маркированы в аутентичных мифологических нар-

ративах: вовлеченные в эротические игры, взрослые девицы не способны разглядеть демоническую природу гостей, которая очевидна пятилетнему ребенку, видящему ситуацию извне и незамутненными страстью глазами.

Символика цвета

Характерно, что во многих аутентичных французских вариантах сказки на сюжет АТУ 333 у главной героини нет ее титульного атрибута. Появление красного головного убора у Ш. Перро ученые мотивируют по-разному: психоаналитики — как знак половозрелости героини; историки культуры — как реликт аристократической моды в простонародной среде. Одна из наиболее глубоких генетических линий связывает сказочную реалию с латинской притчей «Девочка, спасаемая от волков» (“De puella a lupellis servata”), созданной в 1023 году Эгбертом Льежским:

Quod refero, mecum pagenses dicere norunt,
Et non tam mirum quam ualde est credere uerum:
Quidam suscepit sacro de fonte puellam,
Cui dedit et tunicam rubicundo uellere textam.
Quinquagesima sancta fuit babtismatis huius,
Sole sub exorto quinquennis facta puella;
Progreditur uagabunda sui inmemor atque pericli,
Quam lupus inuadens siluestria lustra petiuit
Et catulis predam tulit atque reliquit edendam.
Qui simul aggressi, cum iam lacerare nequirent,
Ceperunt mulcere caput feritate remota.
‘Hanc tunicam, mures, nolite’, infantula dixit,
‘Scindere, quam dedit excipiens de fonte patrinus!’
Mitigat inmites animos deus, auctor eorum
[Egberts von Lüttich 1889: 232–233]

(Эту удивительную и достойную веры историю
Рассказали мне жители той деревни:
Тот, кто воспринял девочку от священного источника,
Дал ей тунику из красной ткани.
Крещение было в день Пятидесятницы,
Пять лет поутру исполнилось девочке.
Шла она бездумно, невзирая на опасности,
Волк, уловив ее, в лес утащил на съеденье волчатам.
Разом напали они, но не смогли растерзать;
Голову стали лизать, угасив свою ярость.
«Не троньте этой туники, мышата, — сказала малышка, —
Не рвите то, что я получила от своего крёстного!»
Бог, творец всех, умиряет свирепые души)
(перевод наш. — С.А., И.З.).

Хотя в собственном литературном творчестве Эгберт Льежский в основном ориентировался на библейские сюжеты и святоотеческие сочинения, он, несомненно, опирался и на устные локальные источники романо-германского пограничья, поскольку стремился, чтобы его притчи были узнаваемы народной аудиторией [Ziolkowski 1992: 556]. В истории Эгберта красный цвет крестильной одежды усиливает обережную функцию обретенного девочкой «плаща веры», коль скоро в Средневековье красный цвет ассоциировался с богатством и властью [Смирнова 2018].

Выводы. Общим местом современной науки является тезис о том, что популярные сказки Ш. Перро и братьев Гримм о Красной Шапочке принадлежат к европейскому подтипу сюжета ATU 333 Little Red Riding Hood, репрезентирующему вместе с восточноазиатским и африканским подтипами архаические мифоритуальные комплексы мотивов, связанные с темой инициации молодых девушек.

Поддержанные этнографическими реалиями и кросс-жанровой топикой живых локальных традиций позднего Средневековья и Нового времени, аутентичные фольклорные варианты регулярно сохраняют семантически нагруженные образы и сюжетные детали (дорога из иголок и булавок; канныализм; обнажение и побег героини; красный цвет головного убора), метафорически обозначающие приобщение взрослеющей девушки к миру взрослых и обретение ею необходимых для нового социального статуса инструментальных и коммуникативных навыков.

В свою очередь хорошо знакомые нам сегодня версии Ш. Перро и братьев Гримм представляют собой результаты литературной обработки фольклорного материала, произведенной одновременно в развлекательных и дидактических целях в соответствии с ожиданиями просвещенной читательской аудитории.

Вместе с тем популярность литературных версий традиционного сказочного сюжета невозможно объяснить только факторами просветительской модернизации его содержания и печатного тиражирования авторских текстов. Следует думать, что реконструируемые совместными усилиями фольклористов, психологов, историков литературы и культуры архетипические смыслы сюжета ATU 333 Little Red Riding Hood не только интуитивно «считываются» самой широкой аудиторией, но осознанно эксплуатируются творцами современной авангардной и массовой культуры.

Источники

Карнаухова И.В. Сказки и предания Северного края. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 560 с.

Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.

Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. СПб.: Тропа Троянова, 2003. 450 с.

Соколов Б.М., Соколов Ю.М. Сказки и песни Белозерского края. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 560 с.

ATU – Uther H.-J. The Types of International Folktales. Helsinki, 2004. Vol. I–III.

Delarue P., Ténèze M.-L. Le Conte populaire français: Catalogue raisonné des versions de France et des pays de langue française d'outre-mer: Canada, Louisiane, îlots français des États-Unis, Antilles Françaises, Haiti, Île Maurice, La Réunion. T. 1. Paris: Erasme, 1957. 394 p.

Egberts von Lüttich. Fecunda ratis / Ed. E. Voigt. Halle an der Saale: Max Niemeyer, 1889. 514 p.

Saintyves P. Les contes de Perrault et les récits parallèles. Leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires). Paris: Nourry, 1923. 646 p.

Литература

Алпатов С.В. Топосы в системе интертекстуальных связей фольклора и литературы Нового времени // Традиционная культура: научный альманах. 2015. № 3. С. 90–101.

Бернштам Т.А. «Хитро-мудро рукодельице»: вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. Сборник МАЭ. Т. 47. СПб., 1999. С. 191–250.

Большакова А.Ю. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал. 2012. № 1. С. 1–11.

Головин В.В., Николаев О.Р. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах Нового времени // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сборник научных статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. С. 16–54.

Мельников А.Ю. Сказка про Красную Шапочку: три века заблуждений // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации. Материалы Международной конференции. М.: РАНХиГС, 2015. С. 51–56.

Самойлова Е.В. Женские рукоделия в контекстах восточнославянских сказок // Традиционная культура: научный альманах. 2017. № 3. С. 84–96.

Симян Т.С. О типологическом сюжете Красной Шапочки в европейском и армянском контекстах // Сюжетология и сюжетография. 2018. № 2. С. 111–127.

Смирнова Е.Д. Знаки средневековых сословий: цвет костюма и его символика // Образование и наука в XXI веке – 2017. Ежегод. сб. научных трудов. Минск: БГПУ, 2018. Вып. 1. С. 139–143.

Щепанская Т.Б. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. Сборник МАЭ. Т. 47. СПб., 1999. С. 149–190.

Dundes A. *Little Red Riding Hood: A Casebook*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1989. 251 p.

Gogiashvili E. The Relationship between Translated Fairy Tales and Oral Narrative Tradition: Charles Perrault's Contes in Georgian Folklore // *Translation Studies: Theory and Practice*. 2023. № 1. Pp. 27–37.

Tehrani J.J. The Phylogeny of Little Red Riding Hood // *PLoS ONE*. 2013. 8 (11). Article e78871. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078871> (дата обращения: 30.10.2023).

Jean L. Charles Perrault's paradox: how aristocratic fairy tales became synonymous with folklore conservation // *Trames*. 2007. № 3 (11). P. 276–283.

Verdier Y. Little Red Riding Hood in Oral Tradition // *Marvels & Tales: Journal of Fairy-Tale Studies*. 1997. Vol. 11. № 1–2. P. 101–123.

Ziolkowski J.M. A Fairy Tale from before Fairy Tales: Egbert of Liège's "De puella a lupellis seruata" and the Medieval Background of "Little Red Riding Hood" // *Speculum*. 1992. Vol. 67. № 3. P. 549–557.

Zipes J. *Fairy Tales and the Art of Subversion*. New York: Routledge, 2012. 288 p.

References

Istochniki

Delarue P., Ténèze M.-L. (1957). *Le Conte populaire français: Catalogue raisonné des versions de France et des pays de langue française d'outre-mer: Canada, Louisiane, îlots français des États-Unis, Antilles Françaises, Haiti, Île Maurice, La Réunion*. T. 1. Paris, Erasmie. 394 p.

Egberts von Lüttich (1889). *Fecunda ratis* / Ed. E. Voigt. Halle an der Saale: Max Niemeyer. 514 p.

Karnaukhova I.V. (2006). *Skazki i predaniya Severnogo kraya* [Fairy tales and legends of the Northern region]. Sankt-Petersburg: Tropa Troyanova. 560 p.

Potebnya A.A. (2000). *Simvol i mif v narodnoy kul'ture* [Symbol and myth in folk culture]. Moscow: Labirint. 480 p.

Sadovnikov D.N. (2003). *Skazki i predaniya Samarskogo kraya* [Fairy tales and legends of the Samara region]. Sankt-Petersburg: Tropa Troyanova. 450 p.

Saintyves P. (1923). *Les contes de Perrault et les récits parallèles. Leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires)*. Paris: Nourry. 646 p.

Sokolov B.M., Sokolov Yu.M. (2006) *Skazki i pesni Belozerskogo kraya* [Fairy tales and songs of the Belozersky region]. Sankt-Petersburg: Tropa Troyanova. 560 p.

Uther H.-J. (2004). *The Types of International Folktales*. Helsinki. Vol. III.

Literatura

Alpatov S.B. (2015). *Toposy v sisteme intertekstual'nykh svyazey fol'klora i literatury Novogo vremeni* [Topoi in the system of intertextual connections of folklore and literature of the New Age]. In: Traditsionnaya kul'tura: nauchnyy al'manakh. № 3. Pp. 90–101. (In Russ.)

Bernshtam T.A. (1999). “*Khitro-mudro rukodel'itse*”: vyshivaniye-shit'ye v simbolizme devich'yego sovershennoletiya u vostochnykh slavyan [“Cunningly wise needlework”: embroidery and sewing in the symbolism of girlish coming of age among the Eastern Slavs]. In: Zhenshchina i veshchestvennyy mir kul'tury u narodov Rossii i Yevropy (Sbornik MAE. Vol. 47). Sankt-Petersburg. Pp. 191–250. (In Russ.)

Bolshakova A.Yu. (2012). *Teoriya arkhetypa i kontseptologiya* [Archetype theory and conceptology]. In: Kul'turologicheskiy zhurnal. № 1. Pp. 1–11. (In Russ.)

Golovin V.V., Nikolaev O.R. (2013). “*Uzelkovoye pis'mo*” fol'klorizma: pragmatika literaturno-fol'klornogo vzaimodeystviya v russkikh literaturnykh tekstakh Novogo vremeni [“Knot letter” of folklorism: pragmatics of literary-folklore interaction in Russian literary texts of the New Age]. In: Navstrechu Tret'yemu Vserossiyskomu kongressu fol'kloristov. Sbornik nauchnykh statey. Moscow: GRCRF. Pp. 16–54. (In Russ.)

Melnikov A.Yu. (2015). *Skazka pro Krasnuyu Shapochku: tri veka zabluzhdeniy* [The Tale of Little Red Riding Hood: Three Centuries of Misconceptions]. In: Oborotni i oborotnichestvo: strategii opisaniya i interpretatsii. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow: RANEPА. Pp. 51–56. (In Russ.)

Samoilova E.V. (2017). *Zhenskiye rukodeliya v kontekstakh vostochnoslavianskikh skazok* [Women's handicrafts in the contexts of East Slavic fairy tales]. In: Traditsionnaya kul'tura: nauchnyy al'manakh. № 3. Pp. 84–96. (In Russ.)

Simyan T.S. (2018). *O tipologicheskom syuzhete Krasnoy Shapochki v yevropeyskom i armyanskom kontekstakh* [On the typological plot of Little Red Riding Hood in European and Armenian contexts]. In: *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. № 2. Pp. 111–127. (In Russ.)

Smirnova E.D. (2018). *Znaki srednevekovykh sosloviy: tsvet kostyuma i yego simbolika* [Signs of medieval classes: the color of the costume and its symbolism]. In: *Obrazovaniye i nauka v XXI veke – 2017*. Annual. Minsk: BSPU. Is. 1. Pp. 139–143. (In Russ.)

Shchepanskaya T.B. (1999). *Pronimal'naya simbolika* [Pronimal symbolism]. In: *Zhenshchina i veshchestvennyy mir kul'tury u narodov Rossii i Yevropy* (Sbornik MAE. Vol. 47). Sankt-Petersburg. Pp. 149–190. (In Russ.)

Dundes A. (1989). *Little Red Riding Hood: A Casebook*. Madison: The University of Wisconsin Press. 251 p.

Gogiasvili E. (2023). The Relationship between Translated Fairy Tales and Oral Narrative Tradition: Charles Perrault's Contes in Georgian Folklore. In: *Translation Studies: Theory and Practice*. № 1. Pp. 27–37.

Jean L. (2007). *Charles Perrault's paradox: how aristocratic fairy tales became synonymous with folklore conservation*. In: Trames. № 3 (11). Pp. 276–283.

Tehrani J.J. (2013). *The Phylogeny of Little Red Riding Hood*. In: *PLoS ONE*. 8 (11). Article e78871. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078871>

Verdier Y. (1997). *Little Red Riding Hood in Oral Tradition*. In: *Marvels & Tales: Journal of Fairy-Tale Studies*. Vol. 11. № 1–2. Pp. 101–123.

Ziolkowski J.M. (1992). *A Fairy Tale from before Fairy Tales: Egbert of Liège's "De puella a lupellis seruata" and the Medieval Background of "Little Red Riding Hood"*. In: *Speculum*. Vol. 67. № 3. Pp. 549–557.

Zipes J. (2012). *Fairy Tales and the Art of Subversion*. New York: Routledge. 288 p.

Сведения об авторах

Алпатов Сергей Викторович – доктор филологических наук; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; филологический факультет; кафедра русского устного народного творчества; заведующий кафедрой; научные интересы: фольклористика, медиевистика, сравнительное литературоведение.

Зайцева Ирина Витальевна – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; филологический факультет; кафедра русского устного народного творчества; аспирант; научные интересы: фольклористика, сравнительные и гендерные исследования.

Вклад авторов: авторы внесли эквивалентный вклад в публикацию.

Information about the authors

Sergey V. Alpatov – Doctor of Philology; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Head of the Folklore Department; scientific interests: folkloristics, medieval studies, comparative literature studies.

Irina V. Zaitseva – Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, the Folklore Department; postgraduate student; scientific interests: folkloristics, comparative and gender studies.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Научная статья

УДК 8.82-14

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.10

ДЕРЖАВИНСКИЕ ПРЕТЕКСТЫ В СТРУКТУРЕ ОДЫ А.С. ПУШКИНА «ВОЛЬНОСТЬ»

Сергей Борисович Калашников

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
KalashnikovSB@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9521-476X>

Аннотация: Текст оды А.С. Пушкина «Вольность» представляет собой сложное произведение, в котором оказываются совмещены многочисленные интертекстуальные планы из произведений Ломоносова, Радищева и Капниста. Но наибольшее количество стихотворных корреспонденций он обнаруживает с текстами Г.Р. Державина. Многочисленные метрические, ритмические, строфические и лексико-грамматические заимствования, рифменный репертуар, образные и тематические решения, библейская традиция увещевания земных царей и традиция визионерской поэзии существенно расширяют круг прецедентных державинских текстов и располагают к тому, чтобы выявить общую тенденцию их эволюции в оде Пушкина. Державинский интертекст, с одной стороны, выступает в юношеском стихотворении Пушкина полемическим фоном для интертекста радищевской оды «Вольность» и европейских концепций естественного и положительного права, сформулированных в трактатах Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре» и Ш.-Л. Монтескьё «О духе законов», а с другой – становится элементом построения собственной художественной концепции соотношения Свободы, Закона и Власти. Она выстраивается на отчетливой иерархии трех категориальных понятий: 1) Вечный Закон, т. е. высший нравственный регламент и Божественная справедливость, ответственность перед которой, в соответствии с державинской моделью, несут все смертные, в том числе и «земные владыки»; 2) «законов мощных сочетанье», или всеобщая юридическая норма, за строгим соблюдением которой должны следовать люди, наделенные властными полномочиями;

3) «самовластье», т.е. самочинная воля отдельного индивида, основанная на его произвольных, не согласующихся с высшим нравственным регламентом и юридической нормой, хотениях.

Ключевые слова: лирика, ода, интертекст, власть, закон юридический, закон нравственный.

Для цитирования: Калашников С.Б. Державинские претексты в структуре оды А.С. Пушкина «Вольность» // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 156–178. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.10>

Original article

DERZHAVIN'S PRETEXTS IN THE STRUCTURE OF A.S. PUSHKIN'S ODE "LIBERTY"

Sergey B. Kalashnikov,

Moscow City University, Moscow, Russia,

KalashnikovSB@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9521-476X>

Abstract: The text of the ode of A.S. Pushkin "Liberty" is a complex work in which numerous intertextual plans from the works of Lomonosov, Radishchev and Kapnist are combined. But he discovers the greatest number of poetic correspondences with the texts of G.R. Derzhavin. Numerous metrics, rhythmic, strophic, and lexico-grammatical borrowings, rhyming repertoire, figurative and thematic decisions, the biblical tradition of exhorting earthly kings and the tradition of visionary poetry significantly expand the circle of precedent Derzhavin texts and are disposed to reveal the general trend of their evolution in ode Pushkin. Derzhavinsky intertext, on the one hand, acts in Pushkin's youthful poem as a polemical background for the intertext of Radishchev's ode "Liberty" and the European concepts of natural and positive law formulated in the treatises of J.-J. Russo "On the Social Contract" and Sh.-L. Montesquieu "On the Spirit of Laws", and on the other, becomes an element in building his own artistic concept of the relationship between Freedom, Law and Power. It is built on a distinct hierarchy of three categorical concepts: 1) the Eternal Law, i.e. the highest moral regulation and Divine justice, the responsibility to which, in accordance with the Derzhavin model, is borne by all mortals, including the "earthly lords"; 2) "laws of powerful combination", or a general legal norm, which must be strictly observed by people endowed with power; 3) "autocracy", i. e. the autocratic will of an individual, based on his arbitrary, inconsistent with the highest moral regulations and legal norm, desires.

Keywords: lyrics, ode, intertext, power, legal law, moral law.

For citation: Kalashnikov S.B. (2023). Derzhavin's pretexts in the structure of A.S. Pushkin's ode "Liberty". In: Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 156–178 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.10>

© Калашников С.Б., 2023

Введение (цель, материал исследования, методология). Державин, как уже неоднократно отмечалось исследователями [Томашевский 1990: 181–184; Благой 1967: 133–144; Городецкий 1962: 181–184], оказал прямое влияние на Пушкина при его работе над одой «Вольность». Однако до недавнего времени считалось, что оно ограничивается лишь использованием строфики «Вельможи» и идейными параллелями к «Властителям и судиям» и «Памятнику» [Томашевский 1990: 137–138]. В целом интерес к пушкинско-державинским текстовым взаимодействиям носит не вполне интенсивный, однако достаточно регулярный характер. Еще в середине прошлого века вопрос о концептуальной значимости творчества Державина для Пушкина был решен окончательно [Макогоненко 1969: 113–126], поэтому большинство современных исследований разрабатывает проблему отдельных текстологических влияний на уровне образной структуры стихотворений [Прокудин 2002: 8–15], отдельных мотивов [Соболева 2015: 57–63] или интертекстуальных взаимодействий [Ивинский 2017: 127–145].

Чрезвычайно важным этапом в развитии темы «Пушкин и Державин» стала публикация комментариев к оде «Вольность» историка права и византиниста В.Е. Вальденберга [Вальденберг 2015], а затем и выход его монографии о политическом мировоззрении Пушкина [Вальденберг 2017], на которое Державин оказал едва ли не главное влияние.

Текст оды «Вольность», при всей его кажущейся простоте и ясности, представляет собой сложное произведение, в котором оказываются совмещены многочисленные интертекстуальные планы. Часть из них, посвященная корреспонденциям со стихотворениями Ломоносова, Радищева и Капниста, была нами рассмотрена ранее [Калашников 2007: 23–30]. Переключки и аллюзии с текстами Державина по-прежнему нуждаются в уточнении и истолковании.

Основная часть. Из всего значительного корпуса текстов поэта XVIII века Пушкин в качестве прецедентных источников избирает произведения, в которых Державин художественно оформляет идею образцового монархического правления, опирающуюся на специфический культурно-исторический феномен XVIII столетия – сакрализацию функции русского монарха [Успенский 1996а: 205–337; Успенский 1996б: 184–204; Успенский 1996в: 142–183]. Теория эта, в свою очередь, «восходит к тра-

диции древнерусских текстов назидательно-юридического характера и основана на представлении о праведности и неправедности государственной власти, о функциональном уподоблении царя Богу по праву судить» [Успенский 1996а: 211–212].

Эта традиция представлена, как отмечает Б.А. Успенский, во «Временнике» Ивана Тимофеева, в «Слове святого отца нашего Василия, архиепископа кесарийского, о судиях и властителях», «Просветителе» Иосифа Волоцкого, в «Мериле праведном» и восходит в конечном итоге к 81-му псалму [Успенский 1996а: 211–212]. Особенно примечательным является лексическое совпадение из заглавия «Слова...» Василия Кесарийского и оды Державина — «властителям и судиям».

В державинском исполнении 6-й стих Псалма 81 звучит следующим образом:

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья:
Но вы, как я, подобно страстны
И так же смертны, как и я [Державин 2002: 60]¹.

Эти строки зачастую считают декларацией естественно-природного равенства людей и «разоблачением ореола царей от мистического обоготворения» [Томашевский 1956: 154]. В них же видят иллюстрацию просветительского учения о страстях, искажающих принцип разумности власти: «Последний стих Пушкина (“И славы роковая страсть”) восходит к учению о “страстях”, характерному для разных вариантов “естественного права” (ср. цитированный стих Державина, обращенный к царям: “Но вы, как я, подобно страстны”, или стих Радищева: “Но царь когда бесстрастен был?”)» [Томашевский 1956: 160]. Если в случае Радищева такое истолкование с некоторыми оговорками оказывается возможным, то державинское четверостишие содержит иной смысл: здесь утверждается принципиальное неравенство земных владык и Владыки Небесного. Цари осуждаются не потому, что они равны смертным, но потому, что вознамерились уравнивать себя с Богом.

Как отмечает Б.А. Успенский, «именно из древнерусской письменности Державин усваивает идею противопоставления праведного и неправедного царя, идею ограниченности праведной власти нравственным законом, идею справедливого суда как необходимого основания правого царского пути. Однако с этими идеями Державин сопрягает и свои собственные концепции. Столь характерно для послепетровской России са-

¹ Далее ссылки на стихотворные тексты Г.Р. Державина даются по этому изданию с указанием в круглых скобках номера страницы.

кравлизацию монарха Державин не отбрасывает, но делает ее следствием праведности царя — сакрализация была бы непροстителъна, если бы относилась к любому монарху без разбора; она, однако, оправдана, когда обращена к царю, правящему согласно с законом и заповедями, когда царь есть образ Божий» [Успенский 1996а: 335–336].

Небезынтересно отметить, что державинская ода «Властителям и судиям», подобно оде пушкинской, первоначально была воспринята как якобинские стихи, поскольку «в сие время революция во Франции во жесточайшем была действии» [Державин 2002: 555], так что поэту пришлось доказывать, что «царь Давид не был якобинцем» [Державин 2002: 554]. Этот случай, как представляется, ставит для Державина под серьезное сомнение легитимность власти государыни и влияет на художественную стратегию созданной двумя годами позже оды «Фелица», где реализован двойной модус восприятия образа российской самодержицы: Фелица — это одновременно и Екатерина II, и персонаж ее сказки о царевиче Хлое. Та же амбивалентность распространяется и на образ мурзы, в котором может угадываться и автобиографический герой Державина, и собирательный образ вельможи-придворного. Осознанность выбранного поэтом неоднозначного художественного решения подтверждается и поздним признанием, сделанным в одном из писем: «Но если рассуждать, что она была человек, что первый шаг ее восшествия на престол был не непорочен, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ее страстей, против которых явно восставать, может быть, и опасалась, ибо они ее поддерживали» [Державин 1871: 700–701]. Приведенный из жизни Державина эпизод свидетельствует о том, что культурно-историческая модель харизмы царской власти к концу XVIII века не только не исчерпала себя, но, напротив, стала особенно актуальной в связи с многочисленными дворцовыми переворотами.

Этот же комплекс представлений о сакральности царской власти предписывает особую модель поведения для подданных: «Повиноваться следует только праведному царю, тогда как в отношении неправедного царя оправданным оказывается противодействие ему. Подданный, руководствуясь религиозно-нравственным критерием, должен сам определить, властвует ли над ним праведный или неправедный царь, и сообразовать с этим свое поведение» [Успенский 1996а: 216]. В осуществлении этого выбора и должен помочь поэт-пророк, наделенный свыше способностью вещать божественную истину — именно это лирическое амплуа становится для одической практики XVIII столетия своеобразной поэтической константой [Калашников 2006: 726–733].

У Державина в ряде произведений вырабатывается инвариантная мотивная схема данного одического сюжета. Земному судии, у которого «покрыты мздою очеса», противопоставлен праведный судия — «пиита

псалтирический». Его богоизбранность определяется нравственным законопослушанием. Причем обуздание страстей осуществляется не с точки зрения рационального идеала просветителей, а в плоскости нравственной и является соблюдением не юридических, даже самых образцовых, законов, но высших предписаний, основанных на милосердии и великодушии:

Я милость воспою и суд,
И возглашу хвалу я Богу;
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строго
И непорочность возлюблю.

В моем я доме буду жить
В согласьи, в правде, в преподобьи;
Как чад, рабов моих любить,
И сердца моего в незлобьи
Одни пороки истреблю (64).

Сам Державин комментирует эти строки так: «Мысль почерпнута из псалма 100» [Державин 2002: 555]. Причем, в отличие от стихотворения «Величество Божие», которое с буквальной точностью воспроизводит содержание 103-го псалма, здесь Державин нарушает традицию этого буквализма и разрабатывает детальнее нравственный аспект проблематики. Это особенно хорошо заметно при сопоставлении первых двух строф стихотворения с начальными стихами 100-го псалма:

1. Милось и суд буду петь; Тебе, Господи, буду петь.

2. Буду размышлять о пути непорочном: «когда ты придешь ко мне?» буду ходить в непорочности моего сердца посреди дома моего [Православный молитвослов. Псалтирь].

Буквальное соответствие не наблюдается, а это значит, что Державин подвергает тому *лирической* интерпретации, приспособляя ее к личным нравственно-философским воззрениям.

Образ «праведного мужа», блюдущего закон Всевышнего, далеко не единичен. Так, в стихотворении «Истинное счастье» способность следовать Божественному предписанию расценивается как главная нравственная добродетель:

Но будет ношью и днем
В законе Божьем поучаться,
И всею волею стараться,
Чтоб только поступать по нем (65).

(Ср. с Пс. 1, 2: «Но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!» [Православный молитвослов. Псалтирь]).

От лица пророчески одаренного поэта в стихотворении «Уповающему на свою силу» Державин дает обоснование равенства смертных перед Высшим Судом:

Дает зверям и птицам пищу,
И насекомым и червям:
Так рублище дарует нищу,
Как диадему и Царям (70).

Обличительный пафос следует считать здесь, скорее, не сатирическим, но религиозно-нравственным: субъективная оценка героя стихотворения совмещена, по традиции духовной оды, с объектом высшей эстетической оценки:

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их... (60).

Таким образом, за целой группой державинских «духовных» стихотворений угадывается своеобразная троичная иерархия «законности»:

1. В земном мире господствует всеобщее беззаконие, которое делает своими жертвами простых смертных, не наделенных от Бога властью и законом: это те самые несчастливые, бессильные и бедные, которые нуждаются в защите и покровительстве со стороны земной власти. Беззаконие воспринимается как неизбежное несовершенство земного мира и следствие грехопадения всего человечества.

2. Всеобщий греховный произвол призваны регулировать юридические установления, блюение которых находится во власти земных царей, получивших свое право повелевать от Всевышнего Бога. Это право меняется им в нравственный долг, несоблюдение которого карается Высшим судом:

Ваш долг есть: сохранять законы, —
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков (60).

Заметим попутно, что «исторжение бедных из оков», т. е. освобождение от рабства, есть прямая обязанность «владык», причем как юридическая, так и нравственная. Земной царь должен поступить в соответствии с законом, данным Царем небесным.

3. Но над земными царями располагается в этой метафизической иерархии высший Закон, регламентирующий отношения между людьми не столько юридически, сколько нравственно:

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един Царем земли! (60).

В стихотворении «Об удовольствии» (1798) державинская «иерархия власти» представлена еще более отчетливо:

Сидят на тронах возвышенны
Над всей вселенною Цари,
Ужасной стражей окруженны,
Подъемля скиптры, судят при:
Но Бог есть вышний и над ними;
Блистая молньями своими,
Он сверг Гигантов с горних мест
И перстом водит хоры звезд (262).

Этот Закон един для всех и является отнюдь не природным правом на равенство в идеологии просветителей, но вечным Законом, в одинаковой мере распространяющимся на всех смертных. Равенство определяется здесь неизбежностью ответственности всякого человека перед лицом Всевышнего Бога. Поэтому слова поэта-псалмопевца равно обращены и к властителям, и к их рабам:

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет! (60)

(Ср. Пс. 81, 7: «Но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей» [Православный молитвослов. Псалтирь]).

Пушкинский поэт также обращает свою речь и к ничтожным, и к великим – и подобный императив оказывается оправданным исключительно внутри державинской художественной концепции «иерархии властей»:

Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы! [Пушкин 2004: 12]¹.

И рабы, и тираны в *одинаковой* мере должны *внимать* голосу певца, в котором заключается Истина. Полагая свободу только в себе самом или в ком-то другом, равном себе от природы, человек становится либо тираном, либо его рабом (что позже приведет к возникновению пушкинской формулы «На всех стихиях человек // Тиран, предатель или узник»). И эпоха Просвещения с его абсолютизацией идеи общественного договора и положительного права узаконивает отсутствие всякого выбора: «Где капля блага, там на страже // Иль просвещение, иль тиран». Противоречие разрешается у Пушкина тем, что он предлагает масштабировать точку зрения и взглянуть на проблему из-за пределов сугубо правового регламента, не отменяя при этом важности его соблюдения.

Призыв «Восстаньте, падшие рабы» следует, таким образом, понимать как отказ от раболепствования и добровольного самоунижения перед неправедным царем. Слова поэта-пророка должны помочь совершить самоопределение «падших» и освободить их во имя соблюдения нравственного закона от выполнения обязательств перед «самочинным» властителем, который поработает чужую волю собственным произволом. Иначе говоря, уже здесь угадываются очертания пушкинской мысли о том, что свобода человека санкционируется им самим через признание над собой в качестве высшей инстанции именно нравственного закона, соблюдение которого исключает возможность нарушения закона юридического, — мысли, ставшей впоследствии основой художественной концепции «Капитанской дочки». Вольность потому и названа в оде «святой», что дана Зиждителем всем и каждому. Кстати, словосочетание «святая воля», семантически максимально приближенное к пушкинской «вольности святой», впервые употреблено Ломоносовым в «Оде, выбранной из Иова» именно в подобном контексте:

Сие, о смертный! рассуждая,
Представь Зиждителю власть;
Святую волю почитая,
Имей свою в терпенье часть.
Он всё на пользу нашу строит,

¹ Далее текст оды А.С. Пушкина «Вольность» цитируется в так называемой поздней редакции под названием «Свобода» с включенной в нее последней строфой по этому источнику с указанием в круглых скобках страницы.

Казнит кого или покоит,
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси [Ломоносов 1972: 142].

В пятой строфе оды Пушкина «Вольность» эта восходящая к Державину максима о главенстве высшего нравственного Закона достигает предельного заострения и вступает в серьезное противоречие с правовой концепцией законности Радищева, изложенной у Пушкина в предыдущих полутора строфах:

Владыки! вам венец и трон
Даёт Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон (13).

Подобно тому, как Державин в соответствии с церковной традицией семантически обыгрывает написание строчных и прописных букв в ключевых словах оды «Властителям и судиям», создавая тем самым пары противопоставлений «Всевышний Бог — земные боги», «Царь земли — земные цари», Пушкин таким же способом осуществляет дифференциацию двух видов законности — собственно юридической и высшей нравственной. Если в первом случае прописная буква обусловлена положением слова в начале стиха («Законов мощных сочетанье»), то, будучи смещенной вовнутрь стихового периода («Даёт Закон», «вечный выше вас Закон»), становится смыслоразличительным маркирующим элементом.

Инвариантным мотивом для «профетических» стихотворений Державина становится противопоставление света и тьмы в соответствии с библейской традицией. Если свет отождествляется с истиной и добродетелью, то тьма становится воплощением душевных «кривд» человека, пороков его сердца:

Хоть полк пред ним врагов предъидет
И окружит отвсюду тьма, —
Оружием его обыдет
Небесна истина сама (66).

<...>

Как в зеркале, в тебе оставил
Сиянье Он Своих лучей;
Победами тебя прославил,
Число твоих прибавил дней (68).

В «Вольности» Пушкина этот устойчивый мотив отчасти закамуфлирован. Образ тьмы явлен в 9-й строфе оды, когда «задумчивый певец» гля-

дит на «забвенью брошенный дворец», за стенами которого свершилось вопиющее в нравственном смысле беззаконие:

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает... (13).

Кроме того, появляется он и в 3-й строфе, но в метафорическом значении:

Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела... (12).

«Мгла предрассуждений» обладает значением отпадения от истины. Семантика света здесь выражена через уменьшение его интенсивности и связана, на наш взгляд, со способностью «певца» к визионерству: свет истины выхватывает из мрака истории трагическое событие и подвергает его беспристрастному рассмотрению.

Примечательно, что традиции визионерской поэзии в русской лирике тоже восходят к Державину. «Видение мурзы» – убедительный тому пример, который, думается, и породил ряд пушкинских ассоциаций. Наступление ночи и бдение «певца» посреди всеобщего безмятежного сна также становится атрибутом его профетической одаренности и приобщенности к истине. Ср. у Державина:

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна,
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала,
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал;
Кропя забвение росой,
Моих домашних усыпляет;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в берегах своих сверкал и т. д. (86).

См. также образ ночного Петербурга у Пушкина в «Вольности»:

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец (13).

Осуществив значительную редукцию исходной схемы, Пушкин тем не менее концентрирует в ней достаточно большое количество атрибутов «визионерской» поэзии, правда, реализуется эта способность своеобразно. Если у Державина видение мурзы становится разрывом в естественном ходе исторического времени:

Блажен! — Но с речью сей незапно
Мое все зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярче молний пролилось
Сиянье вокруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно (87), —

то у Пушкина видение поэта пронизывает «толщу времен» и переносит его в недалекое прошлое.

Еще один прием, позаимствованный Пушкиным у Державина в качестве своеобразного претекста, выполняет в оде «Вольность» композиционную функцию. Поэт XVIII века часто использует в первом стихе внутренней строфы (т. е. не начальной и не конечной) междометное восклицание «увы» с модальностью сожаления, разочарования. Его функция состоит в контрастном эмоциональном противопоставлении предыдущей строфе и означает переход к новой лирической экспрессии, которая затем подвергается аналитическому рассмотрению и риторической разработке. Если ода, по определению того же Державина, представляет собой «лирический беспорядок» и внезапный переход от одного чувствования к другому, то подобное междометное восклицание знаменует собой не только переключение эмоционального регистра, но и введение в разработку новой темы или мысли и, соответственно, начало нового композиционного фрагмента. Этот прием становится чертой исключительно державинской оды (у Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова он, заметим, не используется вообще), где разворачиванию мысли предшествует сильный эмоциональный импульс. Вот лишь некоторые из примеров:

Младенец лишь родится в свет,
 Увы! увы! он вопиет.
 Уж чувствует свое он горе...
 (Успокоенное неверие: 71);
 Увы! пал крин, и пали терны. —
 Почто ж? — Судьбы небесны темны...
 (На взятие Измаила: 99);
 Увы! — и честь сия Героев,
 Приступов монументы, боев,
 Не суть ли знаки их свирепства?
 (Памятник герою: 121)¹.

У Пушкина это риторическое восклицание («Увы! куда ни брошу взор...») сигнализирует переход от одического зачина к основной части оды и непосредственной разработке темы. Композиционный «шов» ознаменован здесь решительной сменой эмоционального тона: от повелительно-резкого, угрожающего обращения к аудитории (тиранам мира и рабам) и патетической интонации поэт внезапно переходит к чувству сожаления и разочарования существующим положением вещей. Внутренняя эмоциональная противоречивость становится поводом к интеллектуальной рефлексии, чтобы в конце оды остановить раскачивание лирического маятника между доводами рассудка и рецидивами чувства.

У Державина казнь французского короля заслуживает явного осуждения как вероломное злодейство, результатом которого стала незаконная узурпация власти:

О палачи Царя презренны!
 Отвествуйте теперь вы нам,
 Ответствуйте нам, Петioniы:
 Почто Монарха и отца,
 Заслуги, веру и законы,
 Попрали Вы? О злы сердца!
 Почто невинного убили
 И век пятном наш обагрили? (158).

¹ В текстах Державина таких случаев десятки, поэтому дальнейший перечень ограничим названием стихотворений: «На смерть князя Мещерского» (125), «На Счастье» (143), «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского» (154), «Вельможа» (167), «Водопад» (182), «Мой истукан» (197, 199), «Приглашение к обеду» (214), «На кончину графа Орлова» (223), «На кончину императрицы Екатерины II» (249), «На смерть Нарышкина» (311), «Колесница» (315), «Волхв Курбе» (322), «Ко второму соседу» (330), «Память другу» (335), «Монумент милосердию» (339).

Требуя справедливого возмездия за совершенное нравственное преступление, в котором не было никакой общественно-политической оправданности, одический герой Державина уповает на высший нравственный закон:

Греми, проклятие, всеместно
И своды храма потряси
И правосудие небесно
Скорей на злобу ниспроси! (158).

Однако в поэтической метафизике Державина еще тремя годами ранее возникает образ такого возмездия, которое осуществляется одновременно в двух проекциях — и в провиденциальном плане, и в человеческой истории:

Хотя дела твои днесь громки:
Но если поздние потомки
Путей в них правых не найдут,
Не будешь помещен ты в Боги; —
Несправедливые дороги
В храм вечной славы не ведут.

Ведут — не в храм, — на место лобно
Оне святителей неправд;
Души коварной чувство злобно
Здесь дыба: — а по смерти, — ад (151).

Обращение к нарушителю нравственного закона превращается в отвлеченно-риторическую схему, но этот механизм абстрагирования от конкретно-исторических обстоятельств призван показать универсальность выявленной закономерности. Рассматривая «французское возмущение» в ряду других подобных исторических прецедентов, Державин сопоставляет по принципу аналогии не только мотивацию подобных событий, но также их «результативность» с точки зрения вечности и небесного правосудия. Если действия Брута и Кромвеля, будучи незаконными, всё-таки могут быть идентифицированы как «надменность» и «властолюбие», то убийцы Людовика XVI проявляют свою «звериную лютость» беспричинно, явно нарушая и юридический, и нравственный регламент:

Давно надменья, властолюбья
Сию личину знаем мы;
Ее и Кромвель брал в орудья,
И ею Брут слепил умы.

Открыта днесь сердец их склонность
 И мнимых цель геройских дел:
 Но пусть тот веру, сей же вольность
 Как будто защищать хотел;
 А вашей лютости звериной,
 Царевубийцы! что причиной? (157).

(См. параллельное место у Пушкина: «как звери вторглись янычары»).

В комментариях к собственным сочинениям Державин поясняет роль упомянутых исторических деятелей так: «Кромвель, тоже известный истребитель в Англии монархической власти и основатель нового образа республиканского правления; Петион — один из злейших бунтовщиков, подписавших смертный приговор на Людовика XVI; Брут сенатор римский, убивший с прочими сенаторами Юлия Цесаря под предлогом, чтоб спасти республику от тирании» [Державин 2002: 580]. Сам Державин в тех же комментариях свидетельствует о своем постоянном интересе к истории и к случаям вопиющего нарушения нравственного закона: «Так как всякая несправедливость сильным образом, как бы какая болезнь, даже физически поражала автора, то, читая древнюю и новую историю и упражняясь сам в делах <...> исполнен был горячими чувствованиями против того и также против деспотизма: то долгое время собирал мысли к объяснению подобных дел» [Там же].

В словах Людовика XVI нетрудно опознать декларацию естественного права, когда государь чтит волю народа, во всем полагаясь на идею равенства всякого гражданина перед лицом юридического закона:

Что, дети! что, народ мой славный!
 Что вам такое сделал я?
 Вы скиптр вручили мне державный:
 Чем постыдилась власть моя?
 Вы имя мне благого дали,
 Вы благости мои вкушали <...>
 Желали вы иметь свободу,
 Чтобы законы написать?
 Я отдал все права народу
 И всю мою вам царску власть.
 Желали, чтоб я, сняв корону,
 Со всеми вами равен был?
 Ни слез не испустив, ни стону,
 Я с вами гражданином слыл.
 Желали вы, чтоб я судился:
 И я пред вами прав явился (158).

Однако декларация эта опровергается смертью короля, лишенной не только законности, но и политической целесообразности. Таким образом, позиция Державина в вопросах естественного права кардинально отличается от позиции Радищева. Если у последнего в «Вольности» моделируется ситуация справедливого народного мщения владыке, вероломно нарушившему установленный самой природой закон всеобщего равенства, то у Державина нравственная проблематика предельно заостряется: мщение уместно там, где злоупотребление властью достигло крайних пределов. В случае с Людовиком XVI верховная власть оказывается не только лояльна, но и доверчива к народу, и свершившееся мщение не может быть оправдано ее вероломством.

В противовес «коварству французского возмущения» Державин приводит пример из русской истории. Обращение к образу князя Пожарского в данном стихотворении является завершающим логическим звеном всей историософской концепции поэта. Изобличив коварство властолюбцев, показав неоправданную жестокость народа к своему королю, Державин не мог не размышлять над беспомощностью юридических законов, которые в должной мере не регламентируют отношения между владыками и их подданными. Там, где для Радищева вопрос кажется исчерпанным и решенным, для Державина-поэта ощутимо серьезное противоречие: сколь бы совершенной ни была правовая основа государства, она не может обеспечить полной стабильности политического устройства. Как при тирании, так и при различных формах народоправия соблазн любоначала неискореним и постоянно одолевает политических авантюристов. Поэтому образ кн. Дм. Пожарского должен восприниматься здесь не как отвлеченный просветительский идеал, но как конкретный факт русской истории, осмысленный с позиции высшего нравственного закона:

Который бы в боях сражался
Лишь спасти народ, Царя от бед;
Перунами не возвышался,
Отнес к другим весь звук побед;
Красой и золотом не был пленным,
Простил убийцам обличенным,
Сокрыту зависть наградил;
Не вняв к себе народа клику,
Избрал достойного владыку
И над собою воцарил.

Который, быв покорен воле
Избранного собой Царя,
Не возроптал и в низкой доле,

Его веления творя,
 Стократ излил своей ток крови,
 Иссяк к отечеству в любви,
 Доволен без наград собой;
 Царя творец и раб послушный,
 Не ты ль, Герой великодушный,
 Пожарской? Муж великий мой? (155).

Имея право на власть по закону положительному (что напрямую согласуется с радищевской концепцией), Пожарский отказывается от нее из нравственного чувства. Столь же выразительна оказывается характеристика Героя, данная в обращении «К читателю» при публикации Державиным «героического представления» «Пожарский, или Освобождение Москвы»: «Когда Пожарский, пренебрегши свое спокойствие и несмотря на раны свои, в смутное время принял на себя главное предводительство собранного войска; не поступил по тогдашним обычаям жестоко со злодеями, на убийство его покушавшимися; не прельстился богатством бояр, из осажденной Москвы им выпущенных; не обходился с пленниками сурово, как другие, которые их имение ограбили, а самих лишили жизни; не принял короны, от народа ему поднесенной, как некоторые иностранные писатели и все обстоятельства утверждают, а возложил ее на наследника по крови царской, учредя монархическое правление, — то не был ли он Герой высшей степени, человек самый добродетельный, великий, каковых мало история представляет и каковым я его представляю, придав ему слабости, не победа которых, никто великим почитаться не может?» [Державин 2002: 582]. В черновой рукописи поэмы о Пожарском есть и такие слова о нем: «Образ совершенного героя, любителя отечества: великодушен, терпелив, бескорыстен, милосерд, щедр, скромн, богочтителен» [Там же].

Те же лозунги французской революции — свобода, равенство и братство — переосмысливаются Державиным исключительно в нравственных категориях:

Блажен народ, который полн
 Благочестивой веры к Богу,
 Хранит Царев всегда закон,
 Читит нравы, добродетель строго
 Наследным перлом жен, детей,
 В единокрушии, — блаженство;
 Во правосудии, — равенство,
 Свободу, — во узде страстей! (167)

Только обоюдное соблюдение высшего нравственного закона может обеспечить согласие между народом и властью и благополучие государства – подобно согласию органов единого тела:

Блажен народ! – где Царь главой,
Вельможи – здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума,
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает:
Повелевает же сама (167).

Сим твердым узлом естества
Коль Царство лишь живет счастливым:
Вельможи! – славы, торжества,
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, Царя любить,
О благе общем их стараться;
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять – и правду говорить (168).

Исход пушкинской оды предлагает такую же схему соответствия государственной жизни нравственному регламенту:

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказания, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой (16).

Этот же сценарий взаимодействия народов и властителей представлена у Державина и в стихотворении «На Мальтийский орден»:

Народы мира! вразумитесь,
Зря гордых сокрушаем рог,
И властолюбия страшитесь;
Власть свыше посылает Бог.
Нет счастья в сем мире чудном,

Прибытком, любочестьем бурном,
 Где вервь от якоря снята:
 В одной лишь вере есть блаженство,
 В законах – вольность и равенство,
 А братство – во любви Христа (256).

Выразительным на фоне прецедентного текста выглядит пушкинское ритмико-грамматическое заимствование: «Тираны мира! трепещите». В том же державинском стихотворении, имеющем явно антиреволюционный смысл, вновь осуждается царубийство во Франции:

Европа вся полна разбоев;
 Царубийц святят в Героев... (253).

При этом лозунги французской революции «свобода, равенство и братство» получают у Державина религиозно-нравственное истолкование в рамках особой концепции сакральной власти монарха. Только доверительные отношения государя и его народа, основанные на взаимной любви, способны стать гарантией государственного благополучия:

Доверенность! ты столп правленья,
 Ограда непорочных душ!..
 Снесись, о дух, дух благотворный!
 В сердца людей, на царски троны,
 И воспрети лить смертных кровь (256).
 <...>
 Скажи: «народ безглаво тело,
 Пещись о нем Царей есть дело:
 Живит взаимна их любовь» (257).

Соблюдению юридической (правовой) законности Державин предпочитает свершение правосудия как проявление высшей справедливости, основанной на нравственном регламенте. Божий суд гарантирует не столько беспристрастность, сколько справедливость и четкую меру ответственности. Поэтому любое проявление правосудия со стороны государя вменяется ему не только в нравственную заслугу, но служит убедительным аргументом в пользу подобия власти Небесной и земной:

Кто слабость смертных ощущая,
 Соблюл законов строгий долг,
 Себя во ближнем осуждая,
 Был вкупе человек и Бог? (267).

Человекобожие Павла должно воспринимать здесь как реализацию барочной метафоры, которая может быть истолкована взаимоисключающими способами: а) земной царь уподобляется Богу в результате перенесения на него атрибутов высшей инстанции — справедливости и правосудия; б) в то же время соположение человеческого естества с проявлением им свойств высшего начала призвано продемонстрировать полную неотжественность земного бога и Вседержителя. Барочная метафора лишь создает аналогию, сближая «далековатые понятия», но не отождествляя их в лице Павла. Это сопоставление носит скорее условно-рекомендательный, нежели буквальный характер.

Выводы. Как мы видим, пушкинская ода «Вольность» представляет собой чрезвычайно сложную систему державинских интертекстов, корреспонденция которых осуществляется на разных уровнях организации художественного целого: ритма и звучания, лексических заимствований, тематических переключек, мотивных сближений, параллелизма синтаксических форм, метра и рифмы. Для ее корректного истолкования круг державинских прецедентных текстов не может ограничиваться такими стихотворениями, как «Вельможа», «Властителям и судиям» и «Памятник», и должен быть существенно расширен. Рассмотренные нами многочисленными интертекстуальными планами не просто образуют полемический фон юношеского стихотворения поэта, но организуют его смысловую структуру.

Источники

Державин Г.Р. Сочинения / под ред. Я. Грота: в 9 т. Т. VI. СПб.: Имп. Акад. наук, 1871. 905 с.

Державин Г.Р. Сочинения. СПб.: Академический проект, 2002. 712 с.

Ломоносов М.В. // Русская поэзия XVIII века. М.: Худож. лит., 1972. С. 123–157.

Православный молитвослов. Псалтирь. URL: https://православный-молитвослов.рф/psaltir/online/biblio_psalt.html?ysclid=lug0rvmszu901339566#psalom100

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 2: Стихотворения. Кн. 1. (Петербург. 1817–1820). СПб.: Наука, 2004. 739 с.

Литература

Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826). М.; Л.: Сов. писатель, 1967. 724 с.

Вальденберг В.Е. Комментарий к оде «Вольность» // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 122–133.

Вальденберг В.Е. Сень надежная закона: Политическое мировоззрение Пушкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 320 с.

Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 466 с.

Ивинский Д.П. Пушкин и Державин: к вопросу об интерпретации двух заключительных строф «Воспоминаний в Царском Селе» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 1. С. 127–145.

Калашников С.Б. Национально-культурное своеобразие образа поэта-пророка в русской одической традиции XVIII века // Восток — Запад: пространство русской литературы и фольклора. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2006. С. 726–733.

Калашников С.Б. Ода А.С. Пушкина «Вольность»: эволюция интертекстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2007. № 6. С. 23–30.

Макогоненко Г.П. Пушкин и Державин // XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 113–126.

Прокудин С.Б. Державин и Пушкин // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2002. № 3 (27). С. 8–15.

Соболева А.А. Мотив кастальского источника в стихотворениях Г.Р. Державина, А.С. Пушкина и Н.М. Языкова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2015. № 1. С. 57–63.

Томашевский Б.В. Пушкин. Т. 1. Лицей; Петербург. М.: Худож. лит., 1990. 367 с.

Успенский Б.А.(а) Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I: Семиотика истории; семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 205–337.

Успенский Б.А.(б) Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I: Семиотика истории; семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 184–204.

Успенский Б.А.(в) Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I: Семиотика истории; семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 142–183.

References

Istochniki

Derzhavin G.R. (1871). *Sochineniya* [Writings]. V 9 t. Vol. VI. Sankt-Peterburg. (In Russ.)

Derzhavin G.R. (2002). *Sochineniya* [Writings]. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt. (In Russ.)

Lomonosov M.V. (1972). In: *Russkaya poeziya XVIII veka*. Moscow: Hudozh. lit. Pp. 123–157. (In Russ.)

Pravoslavnyj molitvoslov. Psaltir' [Orthodox prayer book. Psalter]. (In Russ.) URL: https://pravoslavnyj-molitvoslov.rf/psaltir/online/biblio_psalt.html?ysclid=lug0rvmszu901339566#psalom100

Pushkin A.S. (2004). *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]: v 20 t. Vol. 2: Stihotvoreniya. Kniga pervaya. (Peterburg. 1817–1820). Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russ.)

Literatura

Blagoj D.D. (1967). *Tvorcheskij put' Pushkina (1813–1826)* [Pushkin's creative path (1813–1826)]. Moscow-Leningrad: Sovetskij pisatel' (In Russ.)

Val'denberg V.E. (2015). *Kommentarij k ode "Vol'nost"* [Commentary on the ode "Liberty"]. In: *Voprosy filosofii*, 6, 122–133. (In Russ.)

Val'denberg V.E. (2017). *Sen' nadezhnaya zakona: Politicheskoe mirovozzrenie Pushkina* [The reliable canopy of the law: Pushkin's political worldview]. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin. (In Russ.)

Gorodeckij B.P. (1962). *Lirika Pushkina* [Pushkin's lyrics]. Moscow-Leningrad. (In Russ.)

Ivinskij D.P. (2017). *Pushkin i Derzhavin: k voprosu ob interpretacii dvuh zaklyuchitel'nyh strof "Vospominanij v Carskom Sele"* [Pushkin and Derzhavin: on the question of interpretation of the two final stanzas of "Memoirs in Tsarskoe Selo"]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 9: Filologiya. 1, 127–145. (In Russ.)

Kalashnikov S.B. (2006). *Nacional'no-kul'turnoe svoeobrazie obraza poeta-proroka v russkoj odicheskoj tradicii XVIII veka* [National and cultural originality of the image of the poet-prophet in the Russian odic tradition of the 18th century]. In: *Vostok – Zapad: prostranstvo russkoj literatury i fol'klora*. Volgograd, 726–733. (In Russ.)

Kalashnikov S.B. (2007). *Oda A.S. Pushkina "Vol'nost": evolyuciya intertekstov* [Oda A.S. Pushkin's "Liberty": the evolution of intertexts]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 8: Literaturovedenie. ZHurnalistika, 6, 23–30. (In Russ.)

Makogonenko G.P. (1969). *Pushkin i Derzhavin* [Pushkin and Derzhavin]. In: *XVIII vek*. Sbornik 8. Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX veka. Leningrad, 113–126. (In Russ.)

Prokudin S.B. (2002). *Derzhavin i Pushkin* [Derzhavin and Pushkin]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki, 3 (27), 8–15. (In Russ.)

Soboleva A.A. (2015). *Motiv kastal'skogo istochnika v stihotvorenyah G.R. Derzhavina, A.S. Pushkina i N.M. Yazykova* [The motif of the Castalian source in the poems of G.R. Derzhavina, A.S. Pushkin and N.M. Yazykova]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya, 1*, 57–63. (In Russ.)

Tomashevskij B.V. (1990). *Pushkin*. Vol. 1. Licej; Peterburg. Moscow: Hudozh. lit. (In Russ.)

Uspenskij B.A. (1996a). *Car' i Bog: Semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii* [Tsar and God: Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia]. In: Uspenskij B.A. *Izbrannye trudy*. Vol. 1: Semiotika istorii; semiotika kul'tury. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury, 205–337. (In Russ.)

Uspenskij B.A. (1996b). *Car' i patriarh: harizma vlasti v Rossii (Vizantijskaya model' i ee russkoe pereosmyslenie)* [Tsar and Patriarch: charisma of power in Russia (Byzantine model and its Russian rethinking)]. In: Uspenskij B.A. *Izbrannye trudy*. Vol. 1: Semiotika istorii; semiotika kul'tury. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury, 184–204. (In Russ.)

Uspenskij B.A. (1996v). *Car' i samozvanec: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskij fenomen* [Tsar and impostor: impostor in Russia as a cultural and historical phenomenon]. In: Uspenskij B.A. *Izbrannye trudy*. Vol. 1: Semiotika istorii; semiotika kul'tury. Moscow: YAzyki russkoj kul'tury, 142–183. (In Russ.)

Сведения об авторе

Калашников Сергей Борисович – кандидат филологических наук, доцент; Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; Институт гуманитарных наук; департамент филологии; доцент; научные интересы: творчество А.С. Пушкина, русская поэзия XVIII–XXI веков, проблемы метасюжета, мифопоэтика.

Information about the author

Sergey B. Kalashnikov – PhD (Philology); Associate Professor; Moscow City University; Institute for the Humanities; Philology Department; Associate Professor; scientific interests: creativity of A.S. Pushkin, Russian poetry of the 18–21st centuries, problems of meta-plot, mythopoetics.

Русистика и компаративистика. 2023. Вып. XVII. С. 179–190
Russian Philology and Comparative Studies. 2023. (XVII): 179–190

Научная статья

УДК 82-822

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.11

КОЗЬМА ПРУТКОВ И ГОТТЛИБ БИДЕРМЕЙЕР: ДВА ОБРАЗА ОДНОЙ ЭПОХИ

Елена Радифовна Иванова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
Iva17051@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5843-4985>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу образов Козьмы Пруткова и Готтлиба Бидермейера, ставших значимыми фигурами русской и немецкой литературы середины XIX века. Актуальность работы состоит в необходимости выявления степени их типологической схожести, для того чтобы обозначить общие и индивидуальные черты этих литературных персонажей.

В статье рассматриваются прием образа-маски, сближающий этих героев, а также социальная и культурная сферы жизни общества, так как оба персонажа стали откликом на вызовы времени. К анализу привлекаются произведения, написанные от имени Козьмы Пруткова и Готтлиба Бидермейера, документальной основой исследования стали письма А.М. Жемчужникова и комментарии Л. Эйхродта. Аналитический акцент ставится на сопоставлении всех точек пересечения образов-масок с целью доказать, что Готтлиб Бидермейер не является «немецким вариантом» Козьмы Пруткова.

Ключевые слова: типология, образ-маска, типологическое сходжение, Козьма Прутков, Готтлиб Бидермейер.

Для цитирования: Иванова Е.Р. Козьма Прутков и Готтлиб Бидермейер: два образа одной эпохи // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 179–190. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.11>

Original article

KOZMA PRUTKOV AND GOTTLIEB BIEDERMEYER: TWO IMAGES OF THE SAME ERA

Elena R. Ivanova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation, Iva17051@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5843-4985>

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the images of Kozma Prutkov and Gottlieb Biedermeyer, who became significant figures of Russian and German literature in the middle of the XIX century. The relevance of the work lies in the need to identify the degree of their typological similarity in order to identify the common and individual features of these literary characters.

The article examines the technique of the image-mask, which brings these characters closer together, as well as the social and cultural spheres of society, since both characters have become a response to the challenges of the time. The works written on behalf of Kozma Prutkov and Gottlieb Biedermeyer are involved in the analysis, the documentary basis of the study were letters by A.M. Zhemchuzhnikov and comments by L. Eichrodt. The analytical emphasis is placed on comparing all points of intersection of images in order to prove that Gottlieb Biedermeyer is not a “German version” of Kozma Prutkov.

Keywords: typology, image-mask, typological convergence, Kozma Prutkov, Gottlieb Biedermeyer.

For citation: Ivanova Ye.R. (2023). Kozma Prutkov and Gottlieb Biedermeyer: two images of the same era. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 179–190 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.11>

© Иванова Е.Р., 2023

Введение (цель, материал исследования, методология). Появление в разных национальных литературах типологически схожих образов – явление довольно частое. Возникающая типологическая перекличка объясняется множеством факторов и позволяет подчеркнуть как общие, так и индивидуальные черты образа. Как отмечает Л.Я. Гинзбург, литература под влиянием разных исторических обстоятельств в определенные периоды создавала героев подчеркнуто условных или, напротив, максимально приближенных к реальной жизни [Гинзбург 1979: 6]. При их сопоставлении основополагающими задачами являются «во-первых, обнаружение самих

связей, выяснение их исторических причин, их характера, путей, средств; во-вторых, раскрытие последствий этих связей как для отдельных литератур, так и для всей совокупности литератур, охваченных ими» [Конрад 1978: 32].

В центре внимания данной статьи образы не совсем обычные: Козьма Прутков и Готтлиб Бидермейер — не герои литературных произведений, а типажи, созданные фантазией нескольких авторов для того, чтобы под их масками публиковать произведения словесности. Актуальность обращения к сравнительному анализу этих образов обусловлена необходимостью определения границ их типологической схожести, так как интерпретация образа Козьмы Пруткова как «русского варианта господина Бидермейера» [Кудрявцева 2010] не совсем корректна и не учитывает различия задач, которые ставили перед собой создатели этих известных литературных «личностей», а также не оценивает их роли в истории литературы и искусства [Иванова 2006]. Основой сопоставления образов-масок Козьмы Пруткова и Готтлиба Бидермейера является их типологическое сходение, которое базируется на почти одновременном их появлении в русской и немецкой литературах в результате общих предпосылок социального и исторического характера.

Основная часть. Оба типажа «родились» в середине XIX века. Козьма Прутков впервые появился на страницах юмористического приложения к «Современнику», которое называлось «Литературный ералаш», в 1854 году. Однако произведения, которые *post factum* были ему приписаны, были созданы раньше А.М. Жемчужниковым (1821–1908), В.М. Жемчужниковым (1830–1884) и А.К. Толстым (1817–1875). «Идея “Козьмы Пруткова” возникла по возвращении в Петербург после лета, проведенного братьями в их имении. В письме назван 1851 или 1852 год. Поскольку во время публикации первых басен, то есть в конце 1851 года, “еще не родился образ К. Пруткова”, его рождение, очевидно, относится к 1852 году» [Бухштаб 1965: 15].

Козьма Прутков — псевдоним, литературная маска, под которой А.К. Толстой и братья Жемчужниковы публиковали в журнале «Современник» сатирические творения. Позже, отвергая все попытки расширить круг создателей образа и псевдонима, А.М. Жемчужников в 1883 году в газете «Новости и Биржевая газета» № 20 инициировал публикацию своей заметки «Происхождение псевдонима “Козьма Прутков”». Он писал: «Этот псевдоним сочинен не редакцией “Современника”, а нами. В выборе этого псевдонима мы руководствовались нашими особыми соображениями, ни для кого, кроме нашего семейства, значения не имеющими. <...> Редакция “Современника” знала очень хорошо, кто такие Козьма Прутков, и потому не имела причин ни “предоставлять право пользоваться” этим псевдонимом тем, кому оно само собой бесспорно принадлежало,

ни тем более этого права им “предоставлять” [Жемчужников 1987: 307]. Существует версия, следуя которой, имя и фамилия этого вымышленного персонажа были заимствованы у одного из крепостных семьи Жемчужниковых, однако реального прототипа у Козьмы Пруткова нет.

Готтлиб Бидермейер предстал перед читателями в мюнхенском периодическом издании “*Fliegende Blätter*” («Летучие листки») в 1855 году. Его создателями стали поэты Л. Эйхродт (1827–1892) и А. Куссмауль (1822–1902). В отличие от Козьмы Пруткова, у его немецкого собрата был реальный прототип. На создание этого образа поэтов натолкнули незатейливые стихотворения деревенского школьного учителя Ф. Саутера. Позже Л. Эйхродт в предисловии к книге стихов Бидермейера писал: «Самуэль Фридрих Саутер был реальным воплощением скромного Бидермейера, который довольствовался своей комнатухой, крошечным садиком и жизнью в забытом богом городке, он умудрялся найти в своей профессии сельского учителя невинные радости земного счастья» [Eichrodt 1911: 4].

Придуманные персонажи носят «говорящие» имена и фамилии. Так, фамилия «Прутков» явно отсылает к мысли о наказании, к стремлению высечь. Экзекуция, безусловно, носила метафорический характер, но от этого она не стала менее серьезной. Фамилия «Бидермейер» буквально означает «честный (простодушный), порядочный фермер», а имя Готтлиб переводится как «любимый Богом». Для иронии или метафоры здесь оснований нет, так как Эйхродт и Куссмауль не ставили перед собой социально-критических задач. В этом видится очевидное расхождение изначального замысла авторов.

У обоих героев есть портреты. Визуальный образ Козьмы Пруткова бы придуман Л.М. Жемчужниковым на основе того впечатления, которое складывалось о нем после чтения его творений. Этот рисунок был многократно дополнен художниками и даже воплощен в камне, но цензура не разрешила его публиковать, боясь совпадения придуманного облика с кем-то из реальных чиновников. Портрет Пруткова читатели увидели в издании собрания его сочинений в 1883 году. Образ Готтлиба Бидермейера был придуман известным художником бидермейерской живописи К. Шпицвегом (1808–1885), который долгое время иллюстрировал в “*Fliegende Blätter*” произведения, написанные от имени этого персонажа.

Важно отметить, что Прутков и Бидермейер не были единственными подобными образами на обозреваемом литературном «пространстве». Одновременно с ними в середине XIX века присутствовали типологически схожие «творцы». В России на страницах «Свистка» — литературного приложения к журналу «Современник» — публиковали свои произведения Конрад Либлиеншвагер, Аполлон Капелькин и Яков Хам, придуманные Н.А. Добролюбовым [Денисенко 2017]. Также публиковал свои вирши отставной майор Михаил Бурбонов, созданный фантазией талантливого

переводчика и поэта Д.Д. Минаева, который сотрудничал с целым рядом литературных журналов [Ямпольский 1987]. В литературном мире Германии середины XIX века «целый легион фон Майеров и Мейеров с жутко-красивыми именами резвился вместе со школьным учителем Бидермейером» [Sengle 1972: 122]. Читателям был известен гимнаст Крафтмейер (от нем. Kraft – сила), боязливый филистер Хойльмейер (от нем. Heulen – рев, плач), депутат Пипмейер (от нем. Piepen – деньги, монеты), тучный господин Шпектмейер (от нем. Speck – сало, шпик), охотник Шиссмейер (от нем. schießen – стрелять), оптовый торговец Зильбермейер (от нем. Silber – серебро), дрессировщик собак Штокмейер (от нем. Stock – палка) и другие подобные писаки с «говорящими» фамилиями. Это подчеркивает популярность приема литературной маски, дающей автору определенную свободу смеяться над окружающей действительностью, не боясь быть обвиненным в нарушении принятых общественных норм. Однако никто из этой «поэтической плеяды» вымышленных авторов не превзошел по популярности и значимости Козьму Прутков и Готтлиба Бидермейера. Создателям именно этих литературных масок удалось найти гармоничное сочетание юмора, пародии с социальными проблемами современности и литературными вкусами массового читателя.

Различны жанровые предпочтения Козьмы Пруткова и Готтлиба Бидермейера. Литературное наследие Козьмы Петровича представлено стихотворениями, драматическими произведениями, афоризмами, «гисторическими материалами», письмами. «Козьма Прутков превзошел своих предтеч и современников: Рудого Панька, Ивана Петровича Белкина, Ивана Чернокнижникова, Конрада Лилиеншвагера, Якова Хама, Аполлона Капелькина и других по разнообразию жанров, в которых он работал» [Жуков 1976, ч. 4]. При этом многие указанные в собрании сочинений произведения не входят в традиционную систему литературных жанров. Например, в перечне драматических творений Пруткова, кроме комедии, мистерии, указаны «драматическая пословица в одном действии», «драматическая сцена из древнегреческой классической жизни, в стихах», «оперетта в трех картинах», «естественно-разговорное представление». Очевидно, что Козьма Петрович далек от понимания жанровых канон, как и от литературы в целом. Акцентированно обозначенные жанры его пьес подчеркивают то, что автор – настоящий филистер, его претензии на статус драматурга нелепы, а совершенная неосведомленность, с которой он берется поучать современников, просто смешна. В его стихотворных опытах встречаются эпиграммы, басни, романсы, песнь, хотя их содержание лишь пародирует достойные образцы этих жанров. В цикле «Плоды раздумья» своеобразный подзаголовок «Мысли и афоризмы» также можно рассматривать как жанровую «разноголосицу», цель которой – посмеяться над автором, так как жанр афоризма и есть мысль, изречение, облеченное

в лаконичную и емкую форму. Жанровые предпочтения Готтлиба Бидермейера не столь разнообразны. Круг его поэтических опытов — пародии на лирические произведения, воспевающие радости деревенской жизни. Приемы пародирования проявились в хорошо продуманном парном сочетании оригинального текста и пародии. Так, например, «Песня о картофеле» Саутера сопровождалась стихами Эйрота «Хвала салату», «Весенняя песня» — «Хвалой природе» и т. д. Однако со временем пародийная сторона произведений, написанных от имени Готтлиба Бидермейера, утратила свою актуальность и лирика этого придуманного персонажа стала восприниматься как ностальгия по утраченной идиллии немецкой жизни.

Интересно сложилась и судьба литературного наследия Пруткова и Бидермейера. Творения Козьмы Петровича были бережно собраны и опубликованы в формате собрания сочинений. Усилиями В.М. Жемчужникова было подготовлено первое собрание сочинений Козьмы Пруткова, которое увидело свет в январе 1884 года. В дальнейшем сочинения Козьмы Пруткова довольно активно издавались в России вплоть до сегодняшнего дня. Особого внимания заслуживают включенные в собрание сочинений стихотворение «Предсмертное. Найдено недавно, при ревизии Пробирной Палатки, в делах сей последней», письмо «С того света», стихотворение «Посмертное произведение Козьмы Пруткова». Эти тексты дополняют образ Пруткова как человека, неистово радеющего за утверждение тех норм, которые кажутся этому самодовольному, самовлюбленному, глупому чиновнику незыблемыми и правильными:

Дав отдохнуть игре служебного фонтана,
 За мнением страны попристальной следи;
 И чтобы жертвою не стать самообмана, —
 Бди!
 Напомню истину, которая поможет
 Моим соотчикам в оплошность не попасть;
 Что необъятное обнять сама не может —
 Власть.
 Учение мое, мне кажется, такое,
 Что средь борьбы и смут иным помочь могло б...
 Дя всех же верное убежище покоя —
 Гроб
 [Прутков 1987: 298].

В Германии в 1869 году Эйхродт и Кусмауль, объединив все произведения, написанные от имени Готтлиба Бидермейера, опубликовали сборник “Biedermeiers Liedlust”. В 1911 году появилась книга “Das Buch Biedermeier” с подзаголовком «Стихотворения Л. Эйхродта и А. Куссма-

уля, а также их источника, произведения старого деревенского учителя С.Ф. Саутера, собранные и изданные Л. Эйхродтом». Об инициаторе этого издания ничего не известно. Эта книга не превзошла по популярности собрания сочинений Козьмы Пруткова, но стала отражением мироощущения немецкого бюргерства середины XIX века.

Типологическое сравнение этих двух образов-масок невозможно без анализа историко-литературного контекста, в котором они появились. Д. Дюришин писал: «Взаимосвязь общественных и литературных факторов должна рассматриваться с особым вниманием в том случае, если на каком-то этапе литературное развитие в очень существенной мере обусловлено общественно-идеологической ситуацией, если литературное произведение в содержании и форме пронизано духом общественных идей» [Дюришин 1979: 228]. Козьма Прутков был задуман его создателями как поэт-пародист. Первоначальная цель А. Толстого и братьев Жемчужниковых — творчество поэтов, не осознающих, что романтизм уже давно не отвечает запросам времени, что романтические темы и идеи устарели, образы превратились в расхожие стилистические штампы, лишённые жизненной силы. Сопоставление пародийных произведений, написанных от имени Козьмы Пруткова, с пародируемым текстом позволяет оценить прекрасное чувство юмора, поэтический талант, отличный литературный вкус настоящих авторов произведений. И сегодня вирши Пруткова смешны. Однако со временем тематика творений этого чиновника-поэта становится остросатирической. От критики литературных вкусов массового читателя создатели этого образа-маски перешли к издевательствам над комедийным репертуаром российских театров, а затем и к оценке бюрократической системы Николаевской России. Ярким примером неприязни к деспотизму является созданный Прутковым «Проект: О введении единомыслия в России» (1859), который был опубликован в журнале «Современник» лишь в 1863 году после его «смерти». Образ Готтлиба Бидермейера связан с «эрой Меттерниха», которая в истории Германии охватывает период с 1809 по 1848 год. Это время характеризуется застойными явлениями в области внутренней политики. Потенциал немецкого бюргерства не был востребован, что привело к политической апатии, интересу к личным проблемам, культу семьи и дома [Иванова 2008]. Школьный учитель, воспевающий радости простой жизни, стал зримым воплощением умонастроений своего времени. Таким образом, и Козьма Прутков, и Готтлиб Бидермейер стали образами-масками, воплотившими характерные приметы общественной и литературной жизни середины XIX века.

Следует отметить, что образ Козьмы Петровича со временем стал довольно востребованным: под его именем начали публиковать свои произведения авторы, не имеющие к нему никакого отношения. Это заставило А.М. Жемчужникова от имени его семьи отстаивать авторские права.

«Дело идет теперь о литературной добросовестности покойного графа А.К. Толстого, брата моего Владимира и моей, Алексея Жемчужникова, т. е. тех трех лиц, на которых брат мой указал как на несомненных представителей Козьмы Прутков» [Жемчужников 1987: 307]. Когда борьба с недобросовестными авторами стала отнимать слишком много времени и сил, было решено «отправить» Козьму Петровича в мир иной. Об этом в «Кратком некрологе» всех оповестил племянник Пруткова К.И. Шерстобитов. Козьма Прутков, в отличие от Готтлиба Бидермейера, «удостоился собственного жизнеописания — подобно всем великим мужам, страдавшим при жизни от козней зоилов, цензурных притеснений, грандиозных провалов. Теперь имя его знает каждый, кто знает хотя бы что-нибудь» [Смирнов 2011: 125]. Образ чиновника-поэта не вышел за рамки литературной маски. Судьба его немецкого собрата сложилась иначе. Постепенно имя Готтлиб было утрачено, а Бидермейер стал синонимом слова «бюргер», «мещанин», «обыватель». В начале XX столетия на фоне политических потрясений образ Бидермейера и связанное с ним мироощущение стали восприниматься как нечто идиллическое, камерное, домашнее. Этот переход отражен в стихотворении Л. Пфау (1821–1894), которое называется «Господин Бидермейер» (“Herr Biedermeier”, 1874).

Schaut, dort spazieret Herr
Biedermeier

Und seine Frau, den Sohn am Arm;
Sein Tritt ist sachte wie auf Eier,
Sein Wahlspruch: weder kalt noch
warm.
Das ist ein Bürger hochgeachtet,
Der geistlich spricht und weltlich
trachtet;
Er wohnt in jenem schönen Haus
Und — leiht sein Geld auf Wucher
aus [Pfaу 1979: 10].

(Смотрите, вот гуляет господин
Бидермейер
И его жена, за руку с сыном;
Его походка осторожна,
Его девиз: умеренность.
Это глубокоуважаемый бюргер,
который высокопарно говорит
и стремится к земным целям;
Он живет в прекрасном доме
И свои деньги дает ростовщику
взаймы).

«С началом XX века продолжает свое развитие слово (но пока еще не термин!) “бидермейер”, утвердившись сначала как наименование стиля мебели и интерьера, затем — живописи и прикладного искусства и, наконец, эпохи и литературы» [Иванова 2006: 167].

Заключение. Сравнительный анализ образов-масок Козьмы Пруткова и Готтлиба Бидермейера позволяет говорить об их типологической схожести. Созданные примерно в одно время, эти литературные персонажи стали отражением характерных примет времени и оставили яркий след

в литературе и культуре России и Германии. Бюрократ, чиновник-поэт Козьма Петрович Прутков стал ярким символом самодовольства и глупости. Его образ востребован и сегодня – его афоризмы звучат и поныне. Деревенский учитель Готтлиб Бидермейер не был столь плодовитым поэтом, но стал воплощением мироощущения эпохи, которое наложило отпечаток на художественный стиль, живопись и литературу. Стиль бидермейера сегодня чаще всего встречается в современных интерьерах, реже – в живописи, но литература бидермейера осталась в прошлом. Создатели этих образов-масок ставили перед собой совершенно разные цели, в связи с чем так по-разному отзывались их персонажи в истории литературы и искусства. Именно поэтому нельзя утверждать, что Козьма Прутков – это «русский вариант Бидермейера» или, наоборот, Бидермейер – «немецкий Козьма Прутков». При всей их типологической схожести они остаются самобытными персонажами своего времени.

Источники

Жемчужников А.М. Происхождение псевдонима «Козьма Прутков» // Сочинения Козьмы Пруткова. Приложение. М.: Худож. лит., 1987. С. 307–311.

Прутков К. Сочинения Козьмы Пруткова. М.: Худож. лит., 1987. 335 с.

Das Buch Biedermeier. Gedichte von Ludwig Eichrodt und Adolf Kußmaul sowie von ihrem Vorbild, dem “alten Dorfschulmeister” Samuel Fridrich Sauter gesammelt und herausgegeben von Ludwig Eichrodt. Stuttgart, 1911.

Литература

Бент М.И. От романтизма к бидермейеру: эволюция пространственно-временных решений в новеллистике Вильгельма Гауфа // Пространство и время в литературе и искусстве. Даугавпилс, 1984. С. 25–27.

Бухштаб Б.Я. Вступительная статья // Прутков К. Полн. собр. соч. М.: Сов. писатель, 1965. С. 5–50.

Гинзбург Л.Я. О литературном герое. М.: Сов. писатель, 1979. 220 с.

Денисенко Ю.Н. Славянофил Яков Хам на страницах сатирического приложения «Свисток» // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. 2017. № 1. С. 244–248.

Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. 318 с.

Жуков Д.А. Козьма Прутков и его друзья. М.: Современник, 1976. 382 с.

Иванова Е.Р. (а) Бидермейер: проблема стиля // Вестник ОГУ. 2006. № 9 (59). Ч. 1. С. 167–173.

Иванова Е.Р. (б) К вопросу о «русском бидермейере» // Филологические науки. 2006. № 6. С. 33–43.

Иванова Е.Р. Литература бидермейера в Германии XIX в. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГПУ, 2008. 32 с.

Конрад Н.И. Избранные труды. Литература и театр. М.: Наука, 1978. 462 с.

Кудрявцева В.В. Особенности стиля бидермейер, его проявления в XXI веке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 11.

Михайлов А.В. Языки культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 909 с.

Михайлов А.В. Обратный перевод: Русская и западно-европейская культура. Проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. 856 с.

Смирнов А. Козьма Прутков. М.: Молодая гвардия, 2011. 405 с.

Устюгова Е.Н. Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. 257 с.

Ямпольский И.Г. Вступительная статья // Поэты «Искры». Т. 2. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 4–28.

Eichrodt L. Vorwort // Das Buch Biedermeier. Gedichte von Ludwig Eichrodt und Adolf Kußmaul sowie von ihrem Vorbild, dem “alten Dorfschulmeister” Samuel Fridrich Sauter gesammelt und herausgegeben von Ludwig Eichrodt. Stuttgart, 1911. S. 3–16.

Pfau L. Herr Biedermeier. Цит. по: Krüger R. Biedermeier: eine Lebenshaltung zwischen 1815 und 1848. Wien, 1979. 565 s.

Schulz A. Der Künstler im Bürger. Dilettanten im 19. Jahrhundert // Bürgerkultur im 19. Jahrhundert: Bildung, Kunst und Lebenswelt. München, 1996. 408 s.

Sengle F. Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1816–1848: in 3 Bd. Stuttgart, 1972. Bd. 1. 1162 s.

Weyd G. Literarisches Biedermeier III – Das Problem Stil und Epoche // Begriffsbestimmung des literarischen Biedermeiers. Darmstadt, 1974. S. 313–328.

References

Istochniki

Zhemchuzhnikov A.M. (1987). *Proiskhozhdenie psevdonima “Koz’ma Prutkov”* [The origin of the pseudonym “Kozma Prutkov”]. In: *Sochineniya Koz’my Prutkova. Prilozhenie*. Moscow: Hudozh. lit. Pp. 307–311. (In Russ.)

Prutkov K. (1987). *Sochineniya Koz’my Prutkova* [The writings of Kozma Prutkov]. Moscow: Hudozh. lit. 335 p. (In Russ.)

Das Buch Biedermeier (1911). Gedichte von Ludwig Eichrodt und Adolf Kußmaul sowie von ihrem Vorbild, dem “alten Dorfschulmeister” Samuel

Fridrich Sauter gesammelt und herausgegeben von Ludwig Eichrodt. Stuttgart. (In Deutsch.)

Literatura

Bent M.I. (1984). *Ot romantizma k bidermejeru: evolyuciya prostranstvenno-vremennyh reshenij v novellistike Vil'gel'ma Gaufa*. [From Romanticism to Biedermeier: the evolution of space-time solutions in the Novelistics of Wilhelm Gaufl]. In: *Prostranstvo i vremena v literature i iskusstve*. Daugavpils. Pp. 25–27. (In Russ.)

Buhshtab B.Ya. (1965). *Vstupitel'naya stat'ya* [Introductory article]. In: Prutkov K. *Polnoe sobranie sochinenij*. Moscow: Sov. Pisatel'. Pp. 5–50. (In Russ.)

Ginzburg L.Ya. (1979). *O literaturnom geroe* [About the literary hero]. Moscow: Sov. pisatel'. 220 p. (In Russ.)

Denisenko Yu.N. (2017). *Slavyanofil Yakov Ham na stranicah satiricheskogo prilozheniya "Svistok"* [Slavophile Yakov Ham on the pages of the satirical application "Whistle"]. In: *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya*. № 1. Pp. 244–248. (In Russ.)

Dyurishin D. (1979). *Teoriya sravnitel'nogo izucheniya literatury* [Theory of comparative literature study]. Moscow: Progress. 318 p. (In Russ.)

Zhukov D.A. (1976). *Koz'ma Prutkov i ego druz'ya* [Kozma Prutkov and his friends]. Moscow: Sovremennik. 382 p. (In Russ.)

Ivanova E.R. (2006a). *Bidermejer: problema stilya* [Biedermeier: the problem of style]. In: *Vestnik OGU*. 9 (59). Ch. 1. Pp. 167–173. (In Russ.)

Ivanova E.R. (2006b) *K voprosu o "russkom bidermejere"* [On the question of the "Russian Biedermeier"]. In: *Filologicheskie nauki*. № 6. Pp. 33–43.

Ivanova E.R. (2008). *Literatura bidermejera v Germanii XIX v.* [Biedermeier's literature in 19th century Germany]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow: MGPU. 32 p.

Konrad N.I. (1978). *Izbrannye trudy. Literatura i teatr* [Selected works. Literature and theatre]. Moscow: Nauka. 462 p. (In Russ.)

Kudryavceva V.V. (2010). *Osobennosti stilya bidermejer, ego proyavleniya v XXI veke* [Features of the Biedermeier style, its manifestations in the XXI century]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. № 11. (In Russ.)

Mihajlov A.V. (1997). *Yazyki kul'tury* [Cultural languages]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. 909 p. (In Russ.)

Mihajlov A.V. (2000). *Obratnyj perevod: Russkaya i zapadno-evropejskaya kul'tura. Problemy vzaimosvyazej* [Reverse translation: Russian and Western European culture. Problems of interconnections]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. 856 p. (In Russ.)

Smirnov A. (2011). *Koz'ma Prutkov*. Moscow: Molodaya gvardiya. 405 p. (In Russ.)

Ustyugova E.N. (2003). *Stil' i kul'tura: opyt postroeniya obshchej teorii stilya* [Style and culture: the experience of building a general theory of style]. Sanct-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta. 257 p. (In Russ.)

Yampol'skij I.G. (1987). *Vstupitel'naya stat'ya* [Introductory article]. In: *Poety "Iskry"*. T. 2. Leningrad: Sov. pisatel'. Pp. 4–28. (In Russ.)

Eichrodt L. (1911). *Vorwort*. In: *Das Buch Biedermeier*. Gedichte von Ludwig Eichrodt und Adolf Kußmaul sowie von ihrem Vorbild, dem "alten Dorfschulmeister" Samuel Fridrich Sauter gesammelt und herausgegeben von Ludwig Eichrodt. Stuttgart. S. 3–16. (In Deutsch.)

Pfau L. (1979). *Herr Biedermeier*. Cit. po: Krüger R. Biedermeier: eine Lebenshaltung zwischen 1815 und 1848. Wien. 565 s. (In Deutsch.)

Schulz A. (1996). *Der Künstler im Bürger. Dilettanten im 19. Jahrhundert*. In: *Bürgerkultur im 19. Jahrhundert: Bildung, Kunst und Lebenswelt*. München. 408 s. (In Deutsch.)

Sengle F. (1972). *Biedermeierzeit. Deutsche Literatur im Spannungsfeld zwischen Restauration und Revolution 1816–1848*: in 3 Bd. Stuttgart. Bd. 1. 1162 s. (In Deutsch.)

Weyd G. (1974). *Literarisches Biedermeier III – Das Problem Stil und Epoche*. In: *Begriffsbestimmung des literarischen Biedermeiers*. Darmstadt. S. 313–328. (In Deutsch.)

Сведения об авторе

Иванова Елена Радифовна – доктор филологических наук, доцент; Московский городской педагогический университет; Институт гуманитарных наук; департамент филологии; профессор; научные интересы: зарубежная литература, немецкая литература.

Information about the author

Elena R. Ivanova – Doctor of Philology, Associate Professor; Moscow City University; Institute of Humanities; Department of Philology; Professor; scientific interests: foreign literature, German literature.

Научная статья

УДК 82.01/09

DOI 10.25688/2619-0656.2023.11.12

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ» И А. ШТИФТЕРА «БАБЬЕ ЛЕТО»

Анна Владимировна Скворцова

Российский технологический университет (МИРЭА), Москва, Россия,
ierysalimgate@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6711-1301>

Аннотация. В статье сравниваются ценностные установки и особенности развития характеров главных героев «Обыкновенной истории» и «Бабьего лета». У Гончарова мир представлен как место борьбы. Штифтер изображает мир как нечто гармоничное. Формирование личности человека происходит, согласно Гончарову, за счет преодоления трудностей и осмысления своих ошибок, у Штифтера — через познание мира и развитие в себе способности видеть и ценить красоту. В концепции Гончарова прослеживаются славянофильские идеи «духовной целостности» личности, гармонии «ума» и «сердца», на Штифтера же повлияли идеи австрийского Просвещения, в основе которого лежало стремление облагородить человеческое естество на основе разума. Оба автора считают необходимым равновесие рационального и эмоционального начал в человеке. Но Гончаров главнейшим считает «сердце», из которого проистекают добродетели, а у Штифтера идеалом является жизнь, основанная на разумном порядке. Чувства его героев выражены слабо и подчинены господству ума. Стиль обоих авторов отличается вниманием к деталям, но у Гончарова они являются средством выражения психологии героев, а у Штифтера продиктованы стремлением к воссозданию полноты картины мира.

Ключевые слова: роман воспитания, бидермайер, духовная целостность, «ум», «сердце», соборность, архетип «блудного сына», миф о Пигмалионе.

Для цитирования: Скворцова А.В. Становление личности молодого человека в романах И.А. Гончарова «Обыкновенная история» и А. Штифтера «Бабье лето» // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 191–209. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.12>

Original article

THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF A YOUNG MAN IN THE NOVELS OF I.A. GONCHAROV “ORDINARY HISTORY” AND A. STIFTER “DER NACHSOMMER”

Anna V. Skvortsova

Russian Technological University (MIREA), Moscow, Russian Federation,
orel121@yandex.ru, <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-6711-1301>

Abstract. The article compares the values and character development features of the main characters of the “A Common Story” and “Der Nachsommer”. Goncharov presents the world as a place of struggle. Stifter portrays the world as something harmonious. According to Goncharov, the formation of a person’s personality occurs by overcoming difficulties and understanding his mistakes, in Stifter – through knowledge of the world and the development of the ability to see and appreciate beauty. Both authors consider it necessary to balance the rational and emotional principles in a person. But Goncharov considers the “heart” to be the most important thing, from which virtues flow. And for Stifter, the ideal is a life based on a reasonable order. The feelings of his characters are weakly expressed and subordinated to the domination of the mind. The style of both authors is distinguished by attention to detail, but in Goncharov they are a means of expressing the psychology of the characters, and in Stifter they are striving to recreate the completeness of the picture of the world.

Keywords: the novel of upbringing, Biedermeier, spiritual integrity, “mind”, “heart”, conciliarity, the archetype of the “prodigal son”, the myth of Pygmalion.

For citation: Skvortsova A.V. (2023). The formation of the personality of a young man in the novels of I.A. Goncharov “Ordinary History” and A. Stifter “Der Nachsommer”. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil’ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 191–209 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.12>

© Скворцова А.В., 2023

Введение. Оба романа относятся к жанру романа воспитания и были написаны в период 40–50-х годов XIX века («Обыкновенная история», 1844; «Бабье лето», 1857). Тогда на русскую культуру большое влияние оказывали идеи немецких мыслителей. С работами Гегеля, Шеллинга и Гёте Иван Александрович Гончаров был знаком еще в пору обучения

в Московском университете. Они же в значительной степени определили и мировоззрение Адальберта Штифтера — австрийского прозаика, поэта, художника и педагога.

В литературоведении были попытки сопоставлять творчество Гончарова и Штифтера. Так, А.В. Михайлов отмечал присущую обоим писателям «эпическую медлительность» [Михайлов 2000: 394]. Н.Э. Сейбель, анализируя их воспитательные концепции, обратила внимание на то, что главным героям «Обломова» и «Бабьего лета» свойственно «выпадение из настоящего» [Сейбель 2004: 55].

Основная часть. Гончарова и Штифтера роднит схожая творческая манера — спокойствие, уравновешенность, интерес к светлым сторонам человеческой природы. Оба автора уделяют сугубое внимание деталям, что является особенностью как эстетики бидермайера [Лошакова 2011: 231], так и натуральной школы, из которой вышел Гончаров.

Эпическое мышление подразумевает акцент на общем, а не на частном, на типичном, а не на индивидуальном. Гончаров назвал свою историю «обыкновенной», чем подчеркнул ее повторяемость, заурядность. Штифтер тоже описывает своего героя с минимумом конкретных черт, даже имя Генриха читатель узнает лишь ближе к финалу. По словам Белинского, «действующие лица эпопеи должны быть полными представителями национального духа» [Белинский 1948: 36].

Следовательно, сопоставив романы Гончарова и Штифтера, можно выделить универсальные закономерности развития личности в условиях русской и австрийской действительности, ведь в каждой культуре заложен определенный идеал, на основе которого формируется человек и общество в целом.

Сравним жизненные пути русского и австрийского героев, чтобы выявить этот идеал. Обратимся к целям, которые ставят перед собой молодые люди, начиная самостоятельную жизнь.

Александр мечтает «о пользе, которую принесет отечеству», «о славе писателя» и о любви — «колоссальной страсти, которая не знает никаких преград и свершает громкие подвиги» [Гончаров 1959, т. 1: 15]. Когда встал вопрос о будущем Генриха, отец назначил ему «быть ученым вообще» [Штифтер 1999: 27]. Подразумевалось, что Генрих продолжит заниматься науками до тех пор, пока не станет ясно его призвание. По мнению его отца, человек, не обретший своего места в мире, не может принести общественную пользу.

Обращает на себя внимание различная аксиология героев: ценности Александра связывают его с другими людьми, Генрих же погружен в свои научные изыскания.

Для Александра огромное значение имеют любовь и дружба. В Петербурге он посещает вечера, после которых не может уснуть: ему мерещится «то талия, которой он касался руками, то томный продолжительный взор,

который бросили ему, уезжая, то горячее дыхание, от которого он таял в вальсе...» [Гончаров 1959, т. 1: 59]. Александр обижается на дядю за то, что тот «не согрел его горячими объятиями дружбы» [Там же: 43], восхищается поступком Поспелова, скакавшего целые сутки, чтобы сказать ему «последнее прости» [Там же: 24].

Генрих же не ищет любви — она приходит к нему сама. «Общение мое ограничивалось молодыми мужчинами. Но старшим, как и девушкам, я себя не навязывал» [Штифтер 1999: 355]. Герой «Бабьего лета» подчеркнуто целомудрен. Если его знакомые отпускали вольное замечание о какой-то девушке, «он краснел, и ему казалось, что обидели его сестру» [Там же: 148]. Генрих умел замечать красоту женских лиц, но, когда ему указали на то, что при рисовании он всегда делает наброски девичьих головок, он устыдился и стал рисовать мужчин [Там же: 156].

Первоначально Генрих изучает людей ради любознательности. Он смотрит на мир с позиции наблюдателя: «Я знакомился с людьми из высшей аристократии, смотрел, как они двигаются, как держатся друг с другом и как ведут себя с теми, кто не принадлежит к их сословию» [Там же: 267].

Впоследствии у него появляются друзья, например сын ювелира, но и тогда он уделяет общению меньше времени, чем другие молодые люди, предпочитая свою семью и близких Ризаха [Там же: 356]. Когда ровесники доверяли Генриху «свои сокровенные мысли», он воспринимал это как нечто «несерьезное» [Там же: 147–148].

Александр сближается с людьми резко и сразу, не успев их как следует узнать. У Генриха узнавание предшествует сближению, причем очень неторопливому.

Александр открыт всем, кто ему встречается, видя в каждом потенциальную «родственную душу» (такая вот «всемирная отзывчивость»), Генрих же довольствуется узким кругом лиц, не проявляя к ним излишнего любопытства.

Образ познания героями мира также различен. Александр «бросается» в жизнь сразу, узнает ее такой, какая она есть, результатом чего являются его болезненные потрясения. Совершая ошибку за ошибкой, страдая вновь и вновь, он анализирует происходящее, что является стимулом для внутренней работы. Особенностью его развития является отсутствие наставника, «который приготовил бы его на борьбу» [Гончаров 1959, т. 1: 16]. Когда же такой наставник, в лице дяди, появился, с ним сразу же началось противостояние героя. Гончаров предлагает взгляд на жизнь как на борьбу и подтверждает это на художественно-образном уровне.

Генрих же исследует мир постепенно. Процесс познания заключается в постоянном возвращении к одному и тому же — месту, предмету, образу, человеку. Генрих всматривается в суть вещей и явлений, всё более углубляясь. Сначала он воспринимает их непосредственно в общих чертах, затем

осознанно погружается в частности. «Содержание образования подается ему поэтапно в соответствии с его способностями к пониманию: от простого и осмысленного до сложного и духовного» [Ursula 1979: 41]. Раз за разом в привычном и знакомом ему открывается нечто новое.

Важной особенностью постижения Генрихом мира является недопущение пробелов в познании. По мнению Л.Н. Полубояриновой, эта черта свойственна и стилистике романа: «Даже при поверхностном чтении романа в глаза бросается поразительная привязанность Штифтера к описанию однородных, сплошных, непроницаемых поверхностей» [Полубояринова 1991: 100]. Стена дома была покрыта розами так, чтобы между цветами не было промежутка, в саду пространство между деревьями заполняли грядками с овощами, пространство между грядками – кустиками земляники. Вот и Генрих совершенствуется сразу во всех доступных ему областях наук, стараясь, чтобы процесс этот был непрерывным.

На своем пути Генрих не сталкивается с несчастьями. Мир явлен в романе как нечто гармоничное; развитие человека заключается в приобщении к этой гармонии. В «Бабьем лете» нет конфликта «отцов и детей», возрастание Генриха происходит под влиянием достойных представителей предыдущего поколения, от которых он воспринимает всё лучшее.

Александр стремится к славе – Генрих ее не ищет. Приобретая опыт естествоиспытателя, Генрих не пытается обнародовать результаты своих трудов. Он рисует, занимается живописью, игрой на цитре не с целью сделаться известным или получить похвалу, но ради того, чтобы точно отразить увиденное или передать собственные ощущения. Он интересуется мнением о своем творчестве только некоторых лиц и спокойно воспринимает критику, в отличие от Александра, которого неодобрительный отзыв редактора о его прозе надолго погрузил в уныние.

Личностные особенности героев отчасти обусловлены домашним воспитанием. Александр рос безмятежно: «мать лелеяла и баловала его, как балуют единственное чадо, нянька всё пела ему над колыбелью, что он будет ходить в золоте и не знать горя; профессоры твердили, что он пойдет далеко, а по возвращении его домой ему улыбнулась дочь соседки» [Гончаров 1959, т. 1: 15]. Это сделало Александра впечатлительным и доверчивым, создало у него ощущение, что мир – дружелюбное и безопасное место, где люди подстраиваются под его желания.

В доме отца Генриха царил строгий порядок: «Отец вообще не терпел ни в какой комнате следов чьего-либо пребывания в ней, каждая убиралась так, словно это парадный покой» [Штифтер 1999: 22]. При таком подходе человек занимает вторичное, по отношению к порядку, место и воспринимается как источник угрозы, способный этот порядок нарушить. «Каждая вещь и каждый человек, твердил он [отец], может быть чем-то одним, но уж этим он обязан быть целиком» [Там же: 22]. У лю-

бого человека или предмета есть определенный набор функций, при этом не ясно принципиальное различие между человеком и предметом.

Детям запрещалось входить в комнату родителей и посещать театр, потому что от него «непосильно возбуждается воображение» [Там же: 149]. Большое значение имело обучение разумному распоряжению деньгами: «Я должен был жить в доме родителей и столоваться у них. За это была назначена плата, которую я вносил каждую четверть года» [Там же: 33].

Но, несмотря на правила, для ребенка сохранялась свобода: «С ранней юности ты видел, что я не вмешиваюсь в твои дела. Действуй самостоятельно и бери на себя последствия», — говорит Дрендорф-старший сыну [Там же: 445]. Однако возможность выбора предоставлялась молодым людям лишь тогда, когда было ясно, что они распорядятся ей благо разумно.

С такой же регламентацией жизни Генрих сталкивается в доме Ризаха: «Я положил книгу на соседнее кресло и приготовился выйти. Но он взял книгу и поставил ее на место. — Простите, — сказал он, — у нас так заведено: книги, стоящие на этажерке для того, чтобы тому, кто отдыхает или еще почему-либо находится здесь, было при случае или желании что почитать, — книги эти после чтения ставятся на место, чтобы комната сохраняла подобающий ей вид» [Там же: 55]. Ризах не разрешал своему приемному сыну Густаву читать подряд все книги Гёте, полагая, что тот мог наткнуться на что-нибудь «несвоевременное».

В этой среде человека с детства подчиняли понятию нормы. «Эта черта, строгая точность, запала нам в душу и заставляла нас исполнять родительские наказания, даже если мы и не понимали их» [Там же: 22]. Господствующим мотивом поведения Генриха является установка на правильные действия. Он так привык к внутренней упорядоченности, что всё живое, спонтанное, эксцентричное не находит места в его душе: «Собственные чувства запрятаны так глубоко, что, кажется, неведомы и самому герою» [Павлова 2005: 50].

В «Бабьем лете» мало психологизма. Это сознательная установка автора — показывать внутренний мир героев через их поступки. Штифтер считал для себя запретным «вторгаться в сокровенные уголки их душ» [Там же: 50]. Эпический стиль подразумевает абстрагирование. Отсюда — некоторая схематичность обрисовки личности героя (мы не знаем даже внешности Генриха). Точно так же Гончаров в начале романа общими чертами описывает облик Александра: «Белокурый молодой человек во цвете лет и здоровья» [Гончаров 1959, т. 1: 12]. Тем не менее индивидуальность Александра представлена ярко — бурная душевная жизнь, сильные проявления эмоций.

Следовательно, слабая выраженность чувственного начала в Генрихе кроется не только в особенности стилистики романа. Черты характера

героев порождены средой, их воспитавшей, а среда определяется национальными культурными особенностями.

Личность Александра в полной мере отражает искания славянофилов, которые были широко представлены в интеллектуальной жизни России 40-х годов XIX века.

Как известно, Белинский был недоволен эпилогом романа Гончарова, считая, что романтики, подобные Александру, никогда не становятся «положительными» людьми. Лучше и естественней автору было бы дать ему «заглохнуть в деревенской дичи в апатии и лени» или «сделать его мистиком, фанатиком, сектантом, но всего лучше — славянофилом» [Белинский 1958: 51].

Что же «славянофильского» увидел знаменитый критик в личности молодого Адуева?

Александр не мыслит себя обособленно от окружающих. Жизненный успех он так и называет — «выйти в люди» [Гончаров 1959, т. 1: 243]. Это восходит к славянофильской концепции «соборности». Обычно романтики скрываются от мира в «пустынном уголке», Александр же не удаляется от общества, а стремится стать его частью: он не любит переживать впечатления в одиночку. В Петербурге его огорчает безразличие людей друг ко другу. Он противопоставляет этому нравы своего губернского города, где «каждая встреча, с кем бы то ни было, почему-нибудь интересна» [Там же: 36].

Для славянофилов средоточием всех духовных сил человека является *сердце*. Из него проистекает способность относиться к миру с любовью и теплотой. В «Обыкновенной истории» термин «сердце» используется многократно.

По мнению Александра, сердечность важнее практической пользы. Про дядины советы он говорит, что «пусть они лучше будут недельны, но полны теплого, сердечного участия» [Там же: 43]. Сердечная вовлеченность в жизнь породила в нем отвращение к формализму, с которым он столкнулся в департаменте. Ему претит всякого рода стандартизация жизни. Например, однотипные речи и поведение светских красавиц: «И движения, и взгляды — всё одинаково: не услышишь самородной мысли, ни проблеска чувства...» [Там же: 60].

Сердечность Александра проявляется в присущем ему чувстве такта: «Он не навязывается, не ходит ко мне без зову; и когда заметит, что он лишний, тотчас уйдет», — сказал про него дядя своему компаньону [Там же: 42]. Александр наделен способностью к эмпатии. Юлия Тафаева была впечатлена разговором с ним. «— Как вы угадали меня, — сказала Тафаева Александру при прощанье. — Из мужчин никто, даже муж, не могли понять хорошенько моего характера» [Там же: 164].

Александр думает обо всех людях хорошо, легко дает деньги взаймы: «Какой прекрасный человек мой столоначальник, дядюшка!» [Там же: 57]. Молодой Адуев склонен к жертвенности, пусть только на словах, он готов «посвятить любимой женщине жизнь, лежать у ее ног, воспринимать как закон каждое ее слово» [Там же: 129].

Однако, при всех достоинствах его личности, она не вполне вписывается в славянофильский идеал.

Соборность представляет собой единение такого рода, когда «силы всех принадлежат каждому, а силы каждого всем» [Хомяков 1988: 55].

Про Александра же не сказано, что он о ком-то заботился, дарил кому-то подарки (кроме цветов Юлии). Наоборот, люди что-то дарят ему или чем-то жертвуют ради него.

Концепция славянофилов подразумевала необходимость «духовной целостности» человека. Целостность личности и свобода от страстей – обязательное условие «зрящего разума», который приобретает способность проникновения в подлинную сущность предметов и явлений.

Александр же не мог управлять своим эмоциональным состоянием: «У него ум нейдет наравне с сердцем», – сказала Лизавета Александровна [Гончаров 1959, т. 1: 135]. Например, Александр понимал Юлию Тафаеву только в силу своей психологической родственности с ней; как только их душевное состояние перестало совпадать, начался разлад.

Однако свобода от страстей, по Гончарову, достигается не тем путем, который предлагает Петр Адуев, – «закрывать клапан», когда чувства рвутся наружу. Этот путь скорее героев Штифтера.

Добротель в художественном мире Штифтера является исходной данностью, все герои романа – прекрасные люди. При своей погруженности в науки Генрих замечает окружающих, свое расположение к ним выражает подарками или вознаграждениями.

Тем не менее люди и вещи странным образом уравниваются в его восприятии. «Порой я надолго задерживался в маленьких селениях и наблюдал за людьми, за их каждодневным трудом, за их чувствами, их речью, их мыслями, их пеньем. Я познакомился с цитрой, рассмотрел, исследовал ее, слушал, как на ней играют и как поют под нее», – эти две фразы находятся рядом, словно люди и цитра – предметы одного порядка [Штифтер 1999: 42].

Даже в тех ситуациях, которые предполагают проявление сердечного начала, Генрих смотрит на всё применительно к саморазвитию. Находясь вдали от родных и переписываясь с ними, он воспринимает это как повод для упражнения в эпистолярном искусстве: «...я занимался этим охотно, радуясь, что во мне постепенно растет способность изображать и повествовать» [Там же: 34]. Скорбя над убитым охотниками оленем, он делает вывод: «за животными я дотоле не наблюдал, хотя описания таковых усердно читал и заучивал» [Там же: 41].

Особенности характера и мировосприятия Генриха можно связать с господствующими философскими установками того времени, воплотившимися в творчестве Штифтера. Прежде всего, это идеи австрийского Просвещения. Еще в эпоху реформ Иосифа II (1780–1790) на австрийскую культуру определяющее влияние стали оказывать концепции Лейбница, Вольфа, Больцано, Гердера [Черепанова 2013: 52].

Согласно Лейбницу, мир состоит из монад, множества субстанций. Каждая монада обладает способностью к саморазвитию, и на нее не влияют остальные монады, чем можно объяснить самодостаточность Генриха. Монада существует так, как будто в мире есть лишь она одна. Она только действует, но ничего не воспринимает, «не имеет окон», поступает, исходя из себя самой.

Монады обладают сознанием, которое присуще как человеческой душе, так и материальным телам, с чем может быть связана некоторая «уравненность» людей и вещей в сознании Генриха. Монада постигается не чувствами, а разумом, отсюда стремление Генриха всё измерить, классифицировать, подвергнуть рациональному объяснению.

Согласно Лейбницу, мы живем в лучшем из возможных миров, на чем он основывал свою теодицею. Из этого может вытекать оптимистическое понимание мира Штифтером. Каждая монада знает лишь себя и свои представления, однако эти представления заложены в нее Богом, поэтому действия всех монад находятся в гармонии друг с другом. «Предустановленный порядок» является системообразующим, точно так же он организует жизнь в доме родителей Генриха, в имении Ризаха и в художественном мире «Бабьего лета».

Лейбниц учил о возможности гармонии природного и божественного, научного и метафизического. У Штифтера превалирует естественнонаучный подход к природе, тем не менее он признавал наличие в ней таинственных начал, которые время от времени вторгаются в мир человека. Очень часто события в судьбе его героев происходят под действием неконтролируемых потусторонних сил, что сопровождается грозой и другими атмосферными явлениями.

Больцано — еще один идейный вдохновитель австрийского Просвещения, происходивший, как и Штифтер, из Богемии, — скорректировал учение Лейбница, придав монадам больше самостоятельности. По его мнению, «индивидуальные субстанции» могут влиять друг на друга, благодаря их способности к активной деятельности. Активной деятельностью и занимаются герои Штифтера, неустанно совершенствуя себя и окружающий мир.

Большое влияние на формирование австрийской философии оказал Гердер. Вслед за Лейбницем он предполагал наличие общего принципа, который определяет развитие как природы, так и человеческой истории.

«Народы, населяющие Землю, подчиняются тем же законам, что и растения, животные» [Черепанова 2013: 58]. Вот и Штифтер основой жизни на земле считал всеобщий «кроткий закон». Этим и объясняются уважительные, даже несколько церемониальные отношения героев «Бабьего лета» друг к другу.

Оба героя – Александр и Генрих – меняются на протяжении сюжета. Пережив крушение надежд, Александр возвращается в деревню, где осмысляет пройденный путь. Он пишет в Петербург исполненные умиротворения письма, из которых видно, что он приобрел умение критично относиться к самому себе и менее требовательно к окружающим: «...к вам приедет не сумасброд, не мечтатель, не разочарованный, не провинциал, а просто человек, каких в Петербурге много и каким бы давно мне пора быть» [Гончаров 1959, т. 1: 315]. Это момент наиболее гармоничного состояния личности Александра. Хотя впоследствии он не удержался на достигнутой высоте.

Генрих тоже проходит свой «курс обучения». Сначала он смотрел на мир глазами естествоиспытателя. Постепенно восприятие Генриха расширяется от ориентированного на естественнонаучные объяснения к эстетическому взгляду на природу. В какой-то момент ему открывается подлинная красота античной статуи на площадке лестницы в доме Ризаха (в свой первый визит он заметил только физическое преломление света, падающего на нее). Он становится способным оценить художественное достоинство картин в коллекции своего отца, которое ранее не понимал.

Его развитием ненавязчиво руководит Ризах. Как только Генрих впервые появился в его доме, барон ввел его в комнату отдыха и оставил на время одного. Вскоре Генриху показалось, что сидит он не в помещении, а на открытом воздухе в тихом лесу. Несоответствие факта и ощущения заставило его искать объяснение этому. Но как только он его нашел, большая часть приятности ощущения исчезла. Это был первый урок того, что не всегда надо стремиться к истолкованию мира – иногда стоит просто отдаться созерцанию [Штифтер 1999: 54].

Именно Ризах посоветовал Генриху одно лето не заниматься привычными исследованиями, согласно четкому распорядку, а жить, руководствуясь спонтанно возникающими побуждениями. Так Генрих постепенно уходит от «одержимости порядком» – ограничений, наложенных на него воспитанием, приобретая большую цельность натуры.

Однако от «физического» взгляда на мир Генрих так и не освобождается. Свою возлюбленную он сравнивает с предметами неодушевленными – с жемчужиной, с античной статуей, с изображениями на камнях из коллекции своего отца. «В моменты, когда Генрих любит Наталью, возлюбленная предстает ему в художественной форме, аналогично вещи, которую можно рассматривать со всех сторон. Эта Наталия больше не яв-

ляется никаким человеком, а становится олицетворением художественного идеала, который принял человеческую форму» [Lindau 1974: 73–74]. Генриха привлекают не столько реальные люди, сколько идеальное начало человека, воплощенное в сотворенных вещах [Штифтер 1999: 149].

Вернувшись к родным сообщить о своей помолвке и пересказав им полную драматизма историю жизни Ризаха, Генрих говорит, что «привез отцу нечто, очень его обрадовавшее». Предметом радости оказался способ изготовления средства, препятствующего протеканию воды между стеклами, чтобы вода не проникала в теплицы [Там же: 577].

Штифтер сознательно изгоняет страсти из своего художественного мира. Его роман «исповедует эстетику сдержанности, уравнивания крайностей, опосредования противоположностей» [Михайлов 1997: 353]. Стихийные порывы должны контролироваться разумом. Но «разумно дозированная любовь», уравновешенная «порядком и смыслом» [Сейбель 2005: 196–187] несет в себе нечто безжизненное. У одного из зарубежных исследователей есть сравнение романа Штифтера с «натюрмортом» [Sebald 1985: 236]. Так, в «Обрыве» Райский уподобил «кладбищу» дом исполненной самообладания Софьи Беловодовой, не выходящей из послушания тетушкам [Гончаров 1959, т. 5: 25]. Дом Ризаха Штифтер называет «домом роз». Как пишет Е.Р. Иванова, «цветочная поэтика» в бидермайере «играет роль емкой метафоры, дополняющей и оттеняющей смысл текста» [Иванова 2023: 94]. Роза – античный и христианский символ, в котором соединены любовь и смерть. По словам А.Н. Веселовского, «в Германии еще и теперь удержалось название Rosengarten для кладбища» [Веселовский 1898: 2].

Согласно Гончарову, добродетели должны принадлежать не разуму, а сердцу, свободно проистекать «из светлого человеческого начала», а продиктованные соображениями практичности, они лишаются «теплоты и прелести» [Гончаров 2018: 52–53].

Штифтер тоже полагал, что добродетель имеет «собственную красоту», к которой «стремятся благородные души» [Штифтер 1999: 29]. Однако своих героев он ставит в такие условия, которые не оставляют им выбора. В идеальном мире свобода оказывается ненужной. Круг чтения Густава определялся его приемным отцом, и Генрих ни разу не видел, чтобы мальчик потянулся к какой-либо другой книге, хотя они стояли перед ним на полке [Там же: 171].

Естественные порывы личности обладают как разрушительным, так и созидательным потенциалом. Если не давать им свободно проявляться, в человеке можно приглушить самостоятельное творческое начало. В борьбе со страстями есть риск уничтожить чувства как таковые, в жертву порядку и правильности принести саму жизнь, заменив естественное искусственным.

В трилогии Гончарова есть «безгрешные» герои, не действующие за пределами установленных рамок, но они «менее яркие и талантливы», чем те, которые в силу своей импульсивности оказываются «на обрыве», но исправляют ложное направление своей воли [Мельник 2015: 129].

Этика сдержанности предохраняет человека от непоправимых шагов. Сильное чувство едва не сломало жизнь влюбленного Александра: «Служба, журнальные труды – всё забыто, заброшено» [Гончаров 1959, т. 1: 87]. Но как восклицает Лизавета Александровна: «О, пусть я купила себе чувство муками, пусть бы перенесла все страдания, какие неразлучны с страстью, но лишь бы жить полной жизнью, лишь бы чувствовать свое существование, а не прозябать!» [Там же: 130].

Как и Штифтер, Гончаров ценил уравновешенность. По словам Мержковского, «в отличие от Достоевского, Гончаров не любил психопатологии, не изображал резких движений больной души: творческий взор его устремлен был к нормальным и светлым сторонам человеческого сознания» (цит. по: [Цейтлин 1950: 395]). Но, согласно Гончарову, нормы бытия, основанные на внешних по отношению к личности правилах, не могут быть благом, даже если оберегают от вредоносных влияний и деструктивного действия страстей. Этим опровергается установка просветительской философии.

В пору работы Гончарова над «Обыкновенной историей» в российском обществе шла дискуссия о Жорж Санд. Ее роман «Лукреция Флориани» вышел в год публикации «Обыкновенной истории» сразу в двух переводах. О нем спорили Гончаров и Белинский. Гончаров доказывал, что «нельзя признать “богиней” женщину, которая настолько не владеет собой, что переходит из рук в руки пятерых любовников», в ответ на что Белинский нападал на него, называя «немцем», «филистером», упрекая в том, что он желает, чтобы «Лукреция Флориани, эта страстная, женственная фигура, превратилась в чиновницу» [Белинский 1958: 327].

Однозначно осуждая «жоржсандизм», Гончаров, однако, не одобряет метод борьбы с ним в виде упорядочивания жизни настолько, чтобы из нее исчезли самобытные проявления человеческой природы, пусть даже иногда увлекающие на ложный путь.

Гибельность чрезмерного рационализма Гончаров показал на примере Петра Адуева, у которого чувства находятся под деспотическим правлением ума, к чему он неоднократно призывал и племянника. В итоге Петр Иванович чуть не погубил свою жену, став причиной ее душевной апатии.

К проблеме «страсти» Гончаров обратился впоследствии в романе «Обрыв», трактуя страсть как гибельное, опасное состояние. Вместе с тем именно страсть дает истинное понимание жизни – преодолев ее, человек становится мудрее. Как бы Штифтер ни пытался удалить от своих героев страстность и чувственность, тихое счастье Ризаха и Матильды оказалось

возможным, потому что в его основе лежали отгоревшие страсти: «Без них безжизненно было бы это спокойствие, без знойного лета не было бы того, что за ним следует, — осени, бабьего лета, Nachsommer» [Павлова 2005: 55]. А из мира Генриха оказалась вытесненной реальная жизнь — опасная и непредсказуемая. Возможно, поэтому дважды в романе на пике личного счастья он ощущает некоторую неудовлетворенность и задается вопросом: «есть ли что-то еще, что наполняет жизнь гораздо бóльшим счастьем» [Штифтер 1999: 33].

Бóльшее счастье существует лишь за пределами утопии.

Однако мир «Бабьего лета» не замкнутый. В нем есть возможность развития. За счет постоянного повторения одного и того же на каком-то этапе количество повторов порождает новое качество бытия. Это оставляет возможность для дальнейшей эволюции личности Генриха.

По мнению Н.С. Павловой, особенностью австрийской культуры является «ощущение зыбкости жизни», которое копится «под покровом порядка» [Павлова 2005: 18].

В «Обыкновенной истории» и «Бабьем лете» по-своему преломляется античный миф о Пигмалионе.

Адуев-старший является анти-Пигмалионом, под действием которого происходит не оживление, а окаменение его жены и племянника [Строганова 2008: 215–222].

Мотив «ожившей статуи» — ключевой для Штифтера. Сначала усилиями Ризаха из-под слоя гипса появляется античный подлинник, затем статуя открывается однажды грозовой ночью Генриху в ее красоте, а после «воплощается» в его жизни в образе возлюбленной Натальи.

«Измененный взгляд Генриха оживляет статую пигмалионовским взглядом. Она становится для него живой фигурой. Статуя превращается в гомеровскую Навсикаю. <...> Красота Навсикаи — это то, что вводит в культуру испачканного грязью “странника”, только что избежавшего опасностей моря. Навсикая дает ему вымыться, протягивает одежду. Во время встречи Навсикаи и Одиссея происходит культурное возрождение. Из варвара Одиссей превращается в прекрасного человека. Так и Генрих из невежественного в искусстве (и связанной с ним гуманностью), то есть варвара, превращается в зрячего человека. Зрячий, как говорит “Бабье лето”, способен любить» [Wiedermann 2009: 148].

Сопоставляя стилистику обоих романов, остановим внимание на отношении авторов к деталям. Стиль Гончарова иногда сравнивают со стилем фламандских живописцев. «Всё во Вселенной живет единой, согласованной жизнью, как части одного целого. Поэтому-то предметы обстановки, отдельные детали внешности, животные так же важны писателю, как переживания, мысли и чувства персонажей» [Краснова 2000: 50–51].

Стиль Штифтера тоже отличается детальными описаниями вещественного мира. «Художественное мышление автора не терпит дискретности или пустоты. Автору претит “перерыв постепенности” в любом своем обличе» [Полубояринова 1991: 101]. Это выражается в стремлении к целостности и совершенству.

Таким образом, эпическое мышление обоих писателей побуждает создавать объемную картину мира. Отличие в том, что для Гончарова детали являются прежде всего отражением личности персонажа, а у Штифтера максимально подробные описания продиктованы представлением о правильном устройстве мироздания и способе его познания. У одного преобладает антропологический аспект, у другого — онтологический и гносеологический.

Когда речь заходит о психологии героев, Гончаров избегает пространственных описаний материальных предметов и «стремится уловить переливы чувств». Об антропоцентризме предметной детали у Гончарова писала, например, Е.Г. Лебедева [Лебедева 2023: 363–367]. У Гончарова не человек «не опускается до уровня бессловесной твари, мебели или домашней вещи», а, наоборот, «мелочи быта поднимаются до человека» [Краснощекова 1997: 50–51].

Выводы. Итак, становление личности главного героя романа Гончарова происходит путем страданий и осмысления собственных ошибок. Для героя Штифтера развитие состоит в познании мира и воспитании чувств. Различие между героями обусловлено не столько индивидуальными особенностями характеров, сколько особенностями национальных культур. В концепции Гончарова прослеживаются славянофильские идеи «духовной целостности» личности, гармонии «ума» и «сердца», на Штифтера же повлияли идеи австрийского Просвещения, в основе которого лежало стремление облагородить человеческое естество на основе разума. Оба автора считают необходимым равновесие рационального и эмоционального начал в человеке. Но Гончаров важнейшим считает «сердце», из которого проистекают добродетели, а у Штифтера идеалом является жизнь, основанная на разумном порядке. Чувства его героев выражены слабо и подчинены господству ума. Согласно позиции Штифтера, внешняя регламентация жизни приводит к внутренней упорядоченности личности. Согласно позиции Гончарова, напротив, внутренняя упорядоченность личности, достигнутая духовным усилием, приводит к внешней упорядоченности жизни.

Источники

Гончаров И.А. Обрыв // *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959.

Гончаров И.А. Обыкновенная история // Гончаров И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959.

Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. СПб.: Азбука: Азбук-Аттикус, 2018. 796 с.

Штифтер А. Бабье лето. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 616 с.

Литература

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Гончаров И.А. в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. С. 27–52.

Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. II: Статьи и рецензии. 1841–1845. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1948. С. 294–249.

Веселовский А.Н. Из поэтики розы // Привет. Худож.-литерат. сб. СПб.: Изд-во о-ва вспомоществования нуждающимся ученицам Василеостровской гимназии в Петербурге, 1898. С. 1–5.

Иванова Е.Р. Флоропоэтика бидермейера и ее трансформация в повести Штифтера // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2023. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. № 3. С. 91–97.

Краснова Е.В. Фламандский стиль Обломова: мотив «еды» и его функции в романе «Обломов». М.: Первое сентября, 2000.

Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 526 с.

Лебедева Е.Г. Антропоцентризм предметной детали в романе И.А. Гончарова «Обрыв» // Матер. VII Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологии продвижения, 2023. С. 363–367.

Лошакова Г.А. Ч. Силсфилд, А. Штифтер как прозаики австрийского бидермайера // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Филология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 229–235.

Мельник В.И. Эволюция этических представлений и феномен «воли» в антропологии И.А. Гончарова // Вестник славянских культур. 2015. № 2 (36). С. 123–135.

Михайлов А.В. Варианты эпического стиля в литературах Австрии и Германии // Михайлов А.В. Языки культуры. М.: Язык русской культуры, 1997. С. 339–376.

Михайлов А.В. Иоганн Беер и И.А. Гончаров. О некоторых поздних отражениях литературы барокко // Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 378–404.

Павлова Н.С. Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005. 312 с. (Studia philological).

Полубояринова Л.Н. Роман А. Штифтера «Бабье лето» (К проблеме соотношения индивидуального стиля и стиля эпохи) // Литература в контексте художественной культуры. Новосибирск: Изд-во Новосиб.ун-та, 1991. Вып. 1. С. 99–108.

Сейбель Н.Э. Австрийская параллель: А. Штифтер, Г. Брех, Р. Музиль. Монография. Челябинск: Челябинский гос. пед. ун-т, 2005. 290 с.

Сейбель Н.Э. Воспитательные концепции А. Штифтера, Г. Флобера и И.А. Гончарова в романах 1856–1858 годов // Филологический класс: Региональный методический журнал учителей-словесников Урала. 2004. № 11. С. 39–46.

Строганова Е.Н. Миф о Пигмалионе в романной трилогии И.А. Гончарова // Матер. Междунар. науч. конф., посв. 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Ника-дизайн, 2008. С. 215–222.

Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 461 с.

Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 492 с.

Черепанова Е.С. «Запоздалое» Просвещение в Австрии: философское влияние Г.В. Лейбница, И. Канта, И.Г. Гердера // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2013. Вып. 2. С. 51–60.

Sebald W.G. Die Beschreibung des Unglücks. Zur österreichischen Literatur von Stifter bis Handke Theorie. Salzburg, Wien: Residenz Verlag, 1985. 689 s.

Lindau M.-U. StifTERS “Nachsommer”. Ein Roman der verhaltenen Rührung. Bern: Francke Verlag, 1974. 154 s.

Ursula N. Adalbert Stifter. Stuttgart: Metzler, 1979.

Wiedermann E.S. A. StifTERS Kosmos. Frankfurt am Main: PeterLand, 2009. 255 s.

References

Istochniki

Goncharov I.A. (1959). *Obyknovennaya istoriya* [A Common Story]. In: *Sobranie sochinenij v 6 t.* [The complete works in 6 vol.]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo hudozh. lit. (In Russ.)

Goncharov I.A. (1959). *Obryv* [The Precipice]. In: *Sobranie sochinenij v 6 t.* [The complete works in 6 vol.]. Vol. 5. Moscow: Gos. izd-vo hudozh. lit. (In Russ.)

Goncharov I.A. (2018). *Fregat “Pallada”*. *Oчерки puteshestviya*. [Frigate “Pallada”. Travel essays]. Sankt-Petersburg. 796 p. (In Russ.)

Shtifter A. (1999). *Bab'e leto* [Der Nachsommer]. Moscow: Progress-Tradicija. 616 p. (In Russ.)

Literatura

Belinskij V.G. (1958). *Vzglyad na russkuyu literaturu 1847 goda* [A look at Russian literature in 1847]. In: *Goncharov I.A. v russkoj kritike: Sbornik statej* [Goncharov I. A. in Russian criticism: A collection of articles]. Moscow: Gos. izd. hudozh. lit. Pp. 27–52. (In Russ.)

Belinskij V.G. (1948). *Razdelenie poe'zii na rody' i vidy'* [Division of poetry into genera and species]. In: *V.G. Belinskij. Sobranie sochinenij: v 3 t.* [Collected works in 3 vol.]. Vol. II: Stat' i i recenzii. 1841–1845. Moscow: OGIZ, GIXL. Pp. 294–249. (In Russ.)

Veselovskij A.N. (1989). *Istoricheskaya poe'tika* [Historical poetics]. Moscow: Vysshaya shkola. 404 p. (In Russ.)

Veselovskij A.N. (1898). *Iz poe'tiki rozy'* [From the poetics of the rose]. In: *Privet. Hudozh.-literat. sbornik* ["Hello". Art and literature collection]. Sankt-Peterburgs.: izd. o-va vspomoshhestvovaniya nuzhdayushimsya ucheniczam Vasileostrovskoj gimnazii v Peterburge. Pp. 1–5. (In Russ.)

Ivanova E.R. (2023). *Florpoe'tika bidermejera i ee transformaciya v povesti Shtiftera* [Biedermeier's phloropoetics and its transformation in Stifter's Novella]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta texnologii i dizajna* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design]. № 3. Seriya 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki. Pp. 91–97. (In Russ.)

Krasnova E.V. (2000). *Flamandskij stil' Oblomova: motiv "edy" i ego funkcii v romane "Oblomov"* [Oblomov's Flemish style: the motif of "food" and its functions in the novel Oblomov]. Moscow: Pervoe sentyabrya. (In Russ.)

Krasnoshchekova E.A. (1997). *I.A. Goncharov: Mir tvorchestva* [I.A. Goncharov: the world of creativity]. Sankt-Petersburg: Pushkinskij fond. 526 p. (In Russ.)

Lebedeva E.G. (2023). *Antropocentrizm predmetnoj detali v romane I.A. Goncharova "Obryv"* [Anthropocentrism of the subject detail in I.A. Goncharov's novel "The Precipice"]. In: *Materialy VII Mezhdunar. nauchnoj konferencii, posv. 200-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova* [Proceedings of the VII International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of I.A. Goncharov]. Ul'yanovsk, izd. Korporaciya texnologii prodvizheniya, 2023. Pp. 363–367. (In Russ.)

Loshakova G.A. (2011). *Ch. Silsfild, A. Shtifter kak prozaiki avstrijskogo bidermajera* [Siltsfeld, A. Stifter as the prose writers of the Austrian Biedermeier]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie. № 4.* Pp. 229–235. (In Russ.)

Mel'nik V.I. (2021). *I.A. Goncharov i Dante: voprosy' poe'tiki* [Goncharov and Dante: questions of poetics]. In: *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of Russian classics]. Moscow. Vol. 3. № 4. Pp. 58–79. (In Russ.)

Mel'nik V.I. (2015). *E'voljuciya e'ticheskikh predstavlenij i fenomen "voli" v antropologii I.A. Goncharova* [The evolution of ethical concepts and the

phenomenon of “wil” in I.A. Goncharov’s anthropology]. In: *Vestnik slavyanskikh kul’tur*. № 2 (36). Pp. 123–135. (In Russ.)

Mihajlov A.V. (1997). *Varianty` e`pichesкого stilya v literaturah Avstrii i Germanii* [Variants of the epic style in the literatures of Austria and Germany]. In: Mihajlov A.V. *Yazy`ki kul’tury`* [Cultural languages]. Moscow: Yazy`ki russkoj kul’tury`. Pp. 339–376. (In Russ.)

Mihajlov A.V. (2000). *Iogann Beer i I.A. Goncharov. O nekotory`h pozdних otrazheniyah literatury` barokko* [Johann Beer and I. A. Goncharov. On some late reflections of Baroque literature]. In: Mihajlov A.V. *Obratny`j perevod* [Reverse translation]. Moscow: Yazy`ki russkoj kul’tury`. Pp. 378–404. (In Russ.)

Poluboyarinova L.N. (1991). *Roman A. Shtiftera “Bab`e leto” (K probleme sootnosheniya individual’nogo stilya i stilya e`pohi)* [A. Stifter’s novel “Der Nachsommer” (On the problem of the correlation of individual style and the style of the epoch)]. In: *Literatura v kontekste hudozhestvennoj kul’tury`* [Literature in the context of artistic culture]. Novosibirsk: izd. Novosib.un. Vy`p. 1. Pp. 99–108. (In Russ.)

Pavlova N.S. (2005). *Priroda real`nosti v avstrijskoj literature* [The Nature of Reality in Austrian literature]. Moscow: Yazy`ki slavyanskoj kul’tury`. 312 p. (Studia philological). (In Russ.)

Sejbel` N.E`. (2005). *Avstrijskaya parallel`: A. Shtifter, G. Broh, R. Muzil`* [The Austrian parallel: A. Stifter, G. Broch, R. Musil]. Monografiya. Chelyabinsk: Chelyabinskij gos. ped. un. 290 p. (In Russ.)

Sejbel` N.E`. (2004). *Vospitatel`ny`e koncepcii A. Shtiftera, G. Flobera i I.A. Goncharova v romanah 1856–1858 godov* [Educational concepts of A. Stifter, G. Flaubert and I.A. Goncharov in the novels of 1856–1858]. In: *Filologicheskij klass: Regional`ny`j metodicheskij zhurnal uchitelej-slovesnikov Urala*. № 11. Pp. 39–46. (In Russ.)

Stroganova E.N. (2008). *Mif o Pigmaliione v romannoj trilogii I.A. Goncharova* [The idea of fusion in the novel trilogy of I.A. Goncharov]. In: *Materialy` Mezhdunar. nauchnoj konferencii, posv. 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova* [Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of I.A. Goncharov]. Ul`yanovsk: Nika-dizajn. Pp. 215–222. (In Russ.)

Homyakov A. S. (1988). *O starom i novom. Stat`i i ocherki*. [About the old and the new. Articles and essays]. Moscow: Sovremennik. 465 p. (In Russ.)

Cejtlin A.G. (1950). *I.A. Goncharov*. Moscow: izd. AN SSSR. 492 p. (In Russ.)

Cherepanova E.S. (2013). “Zapozdaloe” *Prosveshhenie v Avstrii: filosofskoe vliyanie G.V. Lejbnicza, I. Kanta, I.G. Gerdera* [The “Belated” Enlightenment in Austria: the philosophical influence of G.V. Leibniz, I. Kant, I.G. Herder]. In: *Vestnik SPbGU*. Ser. 17. 2013. Vy`p. 2. Pp. 51–60. (In Russ.)

Sebald W.G. (1985). *Die Beschreibung des Unglücks. Zur österreichischen Literatur von Stifter bis Handke Theorie*. Salzburg, Wien: Residenz Verlag. 689 s.

Lindau M.-U. (1974). Stiftern "Nachsommer". Ein Roman der verhaltenen Rührung / Lindau M.-U. Bern: Francke Verlag, 1974. 154 s.

Ursula N. (1979). Adalbert Stifter. Stuttgart: Metzler.

Wiedermann E.S. (2009). A. Stiftern Kosmos. Frankfurt am Main: PeterLand. 255 s.

Сведения об авторе

Скворцова Анна Владимировна – кандидат философских наук; Российский технологический университет (МИРЭА); кафедра гуманитарных и социальных наук; научные интересы: философия, религиоведение, сопоставительное литературоведение.

Information about the author

Anna V. Skvortsova — PhD (Philosophy); Russian Technological University (MIREA); Department of Humanities and Social Sciences; Associate Professor; scientific interests: philosophy, religious studies, comparative literary studies.

Русистика и компаративистика. 2023. Вып. XVII. С. 210–220
Russian Philology and Comparative Studies. 2023. (XVII): 210–220

Научная статья

УДК 821.161.1.09 «18»

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.13

**МИФООБРАЗ
«ХРУСТАЛЬНОГО ПОТЕРЯННОГО РАЯ»
В. МАЯКОВСКОГО
В КОМПАРАТИВНОМ КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА**

Гульчира Талгатовна Гарипова

Московский городской педагогический университет, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия, ggaripova2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7675-2570>

Аннотация. В статье анализируются ключевые концепты образа «потерянный рай» в творчестве В. Маяковского, соотносимые с армянскими кодами. Именно компаративное соотнесение авторских трансперсональных мифообразов и позволяет высветить особенности концепции Маяковского. Автор статьи исследует библейскую составляющую поэтического «хрустального потерянного рая» Маяковского в контексте русской литературы XX века, референциально фиксирующей те же самые экзистенциальные коды памяти, которые встраиваются в общую мифопоэтическую картину. На материале произведений О. Мандельштама, А. Битова, Сухбата Афлатуни прослеживаются «хрустальные» и «глиняные» коннотации образа «потерянный рай», конгениальные концепции Маяковского и составляющие основу армянской традиции как библейской. Именно поэтому хронотопическое пространство мира поэт маркирует библейскими локусами. Подчеркивается, что для поэзии Маяковского характерно понимание Армении не как онтологического, но как экзистенциального пространства «внутренней Армении» – своей, но не чужой. Особый акцент делается на анализе смысловых составляющих мифологемы «гора Арарат», концептуально связанных с концептами Ноева ковчега.

Ключевые слова: библейский народ, внутренняя Армения, Арарат, потерянный рай, ковчег, хрусталик Араратика, армянский текст, метаконцепт *Слово*, В. Маяковский, О. Мандельштам, А. Битов, Сухбат Афлатуни.

Для цитирования: Гарипова Г.Т. Мифообраз «хрустального потерянного рая» В. Маяковского в компаративном контексте русской литера-

туры XX века // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 210–220. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.13>

Original article

THE MYTH OF THE “CRYSTAL PARADISE LOST” BY V. MAYAKOVSKY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LITERATURE OF THE 20TH CENTURY

Gulchira T. Garipova

Moscow City University; Kosygin Russian State University, Moscow, Russia,
ggaripova2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7675-2570>

Abstract. The article analyzes the key concepts of the image of “paradise lost” in the works of V. Mayakovsky, correlated with the Armenian codes. The author explores the biblical component of Mayakovsky’s poetic “crystal paradise lost” in the context of Russian literature of the twentieth century, referentially fixing the same existential memory codes that are embedded in the general mythopoetic picture. The “crystal” and “clay” connotations of the “paradise lost” image, which forms the basis of the Armenian tradition as a biblical one, can be traced on the material of the works of O. Mandelstam, A. Bitov, Sukhbat Aflatuni. The poet marks the chronotopic space of the world with biblical loci. Mayakovsky’s poetry is characterized by understanding Armenia not as an ontological, but as an existential space of “inner Armenia” – one’s own, but not someone else’s. The author places special emphasis on the analysis of the semantic components of the mythologeme “Mount Ararat”, conceptually related to the concepts of Noah’s Ark.

Keywords: biblical people, inner Armenia, Ararat, paradise lost, ark, lens of Ararat, Armenian text, metaconcept *Word*, V. Mayakovsky, O. Mandelstam, A. Bitov, Sukhbat Aflatuni.

For citation: Garipova G.T. (2023). The myth of the “crystal paradise lost” by V. Mayakovsky in the context of russian literature of the 20th century. In: *Russian Philology and Comparative Studies: collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil’ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 210–220 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.13>

© Гарипова Г.Т., 2023

Введение. «Армяне называют себя библейским народом, – пишет Ваграм Мартиросян. – Это звучит восхитительно. Настолько восхити-

тельно, что нам не хочется переноситься в новые времена. Видимо, поэтому мы больше говорим о прошлом, чем о настоящем и будущем. Александр Дюма, посетивший Кавказ полтора века назад, отмечал, что для армян ветхозаветный Абрам скончался вчера, а Яков все еще жив» [Мартirosян 2014: 110].

Рецептивное перепрочтение Армении не как онтологического, но как экзистенциального пространства характерно для поэзии В. Маяковского, конципирующего мифологические коннотации армянского текста. Поэт уловил образ и «внутренней Армении» — тот, что естественен, открыт для *своих*, но скрыт для *чужих*. В этом межпространстве *своих* и *чужих* Армения Маяковского становится образом-медиатором между национальным миром и русской литературой XX века, в которой армянский текст представлен в системе интертекстуальных и рецептивных контекстов.

Современные теоретики всё чаще заявляют о расширении границ методологии сравнительного литературоведения, о возможностях включения в его категориальный аппарат методик рецептивного и интертекстуального анализа. Мы уже ранее концептуализировали вопросы идентификации компаративного *приращения*, осуществляемого за счет равноценного анализа *претекста*, *текста* и его *контекста* (интертекстуального и рецептивного), как метода сравнительного литературоведения. Это позволяет сравнивать одновременно в рамках различных «межнациональных общностей» (разноязыковых явлений) и/или в рамках одной национальной литературы (явлений одной языковой системы) художественные явления единого общего типологического ряда (проблемного, образно-метафорического, идейно-тематического) [Гарипова 2022: 3].

Это своего рода современное развитие концепции словацкого компаративиста Д. Дюришина, констатировавшего вхождение в систему сравнительного литературоведения категории «национальная литература». По мнению Ю. Лотмана, ученый уравнивал два принципа: «После того, как Д. Дюришин показал, что между взаимодействием различных текстов внутри национальной литературы и текстами разных литератур, с точки зрения механизма контакта, существенной разницы нет, значимость этих положений с точки зрения компаративистики сделалась очевидной» [Лотман 1992: 111].

Метод исследования. Особое значение приобретает аналитика неких общих (чаще всего мифологически означенных) претекстов в творчестве писателей одной национальной литературной системы, соотносимой с претекстами другой, входящими на уровне общего проблемного концентра. Подобное сравнительное исследование на базе методов, способных уловить диалектику общего и особенного в мировом литературном процессе, на разных его этапах и уровнях, мы и реализуем в представленной статье, определив в качестве общего претекста мифологемы армянской

культуры. В предыдущих исследованиях мы отмечали, что важно идентифицировать не только методологию сравнительного анализа художественных явлений из различных систем «межлитературных общностей» (в первую очередь разноязыковых), но и выделить частные методы системного и сравнительного анализа, позволяющие проводить компаративные исследования в рамках одной национальной литературы (в нашем случае – русской), и более того – в одном текстуальном пространстве на уровне интертекстуальной и рецептивной семиотики инонациональных культурных кодов [Гарипова 2019: 470].

Методология рецептивного анализа генетического кода в системе «межлитературных» (и даже шире – «межкультурных») коммуникаций позволяет также определить, помимо интертекстуальных смыслов рецепции, и методологические историко-литературные, герменевтические, интегральные, комплексные и другие исследовательские филологические стратегии нового смыслопорождения посредством разрушения претекста/праобраза.

Основная часть

В. Маяковский как медиатор между армянской мифологией и русской литературой XX века. Любовь к Армении Маяковского, поэта грядущего мира, будущего нового человека, наверное, объясняется пониманием особой укорененности армянского человека, народа, страны. Поэт в своих футуристических устремлениях находит в Армении тот самый «потерянный рай» культуры, который дает человеку ощущение сохранности сакральных смыслов и первооснов мира. И это не случайно, ибо, по мнению литературоведов, «человек – существо социальное, он “запрограммирован” традицией» [Шафранская 2008: 38].

В армянском Ванадзоре (тогда это был Каракилис) познакомились и поженились родители Маяковского. Более того, отец поэта, родившийся в Ахлцихе и выросший в армянской среде, не только говорил на этом языке, но и пел народные песни. Детский «потерянный рай» Маяковского зафиксирован в звуках армянского языка. По мнению А. Битова, *особого* языка, звучащего на уровне не фонетическом и семантическом, а образном. Одним из культурных кодов армянского «потерянного рая» для Маяковского становится гора Арарат. В пьесе «Мистерия-буфф» именно к ней стремятся герои, осознающие ее как символ земли обетованной:

Перебьемся как-нибудь, доползем до Арарата [Маяковский 1956: 189].

И никто никогда не доползет до Арарата [Там же: 200].

Теперь об одном осталось ратовать, чтоб сила не иссякла до места Араратова [Там же: 206].

Антихрист речь повёл нам об Арарате и рае [Там же: 208].

Поэт обозначает хронотопическое пространство мира библейскими локусами: I. Вся вселенная. II. Ковчег. III. 1-я картина: Ад. 2-я картина:

Рай. 3-я картина: Земля обетованная [Там же: 168]. При этом он подчеркивает их гносеологическую соотнесенность с «мировыми книгами», в которых не только сокрыта архетипическая мудрость мира, но и спасительная провиденция будущего:

Нам написали Евангелие,
 Коран,
 «Потерянный и возвращенный рай»,
 и ещё,
 и ещё —
 многое множество книжек [Там же: 169].

Но именно Арарат обозначен как единственно возможное место спасения. Очень важно, что гора, являющаяся главным национальным священным символом армянского народа, изображена рядом с Ноевым ковчегом на гербе Армении, но в современный период она находится за ее пределами. По мнению европейцев, Ноев ковчег должен был пристать именно к горе Арарат. Не случайно для Маяковского эйдетически Арарат сопоставим с образом мифической библейской горы, семиотически соотносящейся с мифологемой «место всех начал» и семантически коррелирующей с символикой горы Синай (иврит: הַר סִינַי, *Хар Синай*), на которой Моисей, согласно Книге Исход в еврейской Библии, или Танахе, получает от Господа десять заповедей. Интересно, что гора Синах (в книге Второзакония именуемая как гора Хорив) и есть самое главное священное место не только в иудаизме, но и в христианстве, и в исламе. Не эта ли гора Синай и обозначена как Арарат в пьесе Маяковского? Тогда возможны дополнительные смысловые значения: Арарат символизирует не только личный «потерянный рай», к возвращению которого стремится поэт, но и те самые «места действия» (*ковчег, земля обетованная и рай*), с которых начинается история осмысленного мира и нового человеческого рода, получившего заповеди:

Слушайте!
 Новая
 нагорная
 проповедь!
 Араратов ждете?
 Араратов нету.
 Никаких.
 Приснились во сне.
 А если
 гора не идёт к Магомету,

то и чёрт с ней!
Не о рае Христовом ору я вам,
где постнички лижут чай без сахару.
Я о настоящих
земных небесах ору [Маяковский 1956: 211].

Использование Маяковским «хрустальных» коннотаций в характеристике Арарата («хрусталик Араратика») в поэме «Пятый Интернационал» усиливает мифосемантику горы не просто как мирового священного места для трех авраамических религий, но и как места сотворения мира. Вполне вероятно референциальное соотнесение хрустального Арарата и каббалистических откровений о кристаллах как о божественных камнях, связанных с возникновением и устройством мира, о сакральной сущности Бога, об Израиле как земной модели божественной иерархии — «оттуда пастырь, камень Израиля»: «Имя Яков можно разделить на две части: *буква “юд” — камень*, на котором строится будущий мир, и слово “пята” — уязвимое мягкое место» [Саверский].

Маяковский использует не просто кристаллические коннотации Арарата в «Пятом Интернационале», а акцентирует антропософскую оптику «гора, смотрящая в небо» — «хрусталик Араратика». Случайно ли это? Одно из очевидных значений «богоподобность» армян — народа, приближенного к божественному откровению, к небу. Но, на наш взгляд, очевидны и каббалистические референции. Опираясь на тексты Каббалы, толкователь А. Саверский считает, что «в первую очередь в Каббале довольно отчетливо *описание хрустального черепа* — главной Белой головы — одного из прототипов, кстати, Ветхого денми, т. е. старого Иисуса, Бога, изображаемого с белыми волосами и бородой, и в то же время очень похожего на известные сегодня хрустальные черепа Майя. <...> ... “твердь небесная”, по преданию иудеев, равно как и персов, была из горного хрусталя. Также очевидно описание технологии, связанной с хрустальным черепом и другими камнями. <...> Сложная и не очень понятная технология: с одной стороны, налицо описание системы мира, основанной на хрустальной тверди. И какую интересную роль здесь играет ковчег — это несветящееся отражающее зеркало» [Саверский].

Так, Арарат как воплощение прамира не только армянского народа, но и человечества, усиливает миромоделирующее значение армянского текста. Интересно, что для Андрея Битова, как и для Маяковского, *вначале было слово*, и прамир, сотворенный этим словом, был Армения: «Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч лет. В нем древность, история, крепость и дух нации. До сих пор рукописная буква не расходится у них с печатным знаком, и даже в книгах, в типографском шрифте существует наклон руки писца. Рукопись пе-

реходит в книгу, почти не претерпевая графических метаморфоз» [Битов 1996: 18].

Рецептивное прочтение миромоделирующей мифологемы «буква-текст-мир» в компаративном контексте. Битовская Армения — мир как текст — моделируется по принципам библейским словом и состоит из звуков, букв, слов армянского языка. Сакрализация экзистенциального пространства писателя через «внутреннее бытие» Армении осуществляется через ее культурные коды, связанные с некими константами национального мироощущения. Ваграм Мартиросян центрирует вокруг армянского языка несколько важных концептов, обозначенных им как предметы «законной гордости» [Мартиросян 2014: 115] — библейский народ, империя, крестовосхождение, диаспора, древний язык, крест-камни. И это концепты исторической памяти, сохраняя которую великий народ, по Битову, преподносит уроки человеку иной культуры.

Иеротопическая модель «армянского текста» в инспирации битовских «уроков» строится посредством *слова*, которое реализует свою миромоделирующую функцию через культурные коды каждой буквы: «Ереван — моя азбука, мой букварь, мой каменный словарик-разговорник. Слева — по-армянски, справа — по-русски. Только слова в беспорядке. Рядом с А — автоматом — Ш — шашлычная. А Б — базар — совсем на другой улице, через несколько страниц.

Я шуршу страницами кварталов, улиц и площадей в поисках Р — редакции, Д — друга, Ж — жилья и П — просто так. Это мой русско-армянский словарь.

Но если бы я знал армянский и мог пользоваться Ереваном как армяно-русским словарем, порядка, конечно, было бы не больше» [Битов 1996: 18].

Буква перестает быть просто алфавитным знаком, утрачивая формальную эмблематику звука, она становится образно-лингвистическим «аналогом упорядоченного, целостного бытия» (В. Хализев), фиксирующего в смысловых онимах литеры ценностно-национальные координаты армянского мира. Буква — не элемент слова, буква есть элемент национального мира. В этом плане особое значение имеет поэзия О. Мандельштама. «Слово» (*блаженное, бессмысленное слово*) как метаконцепт присутствует в лирике поэта в различных коннотациях. Но его миромоделирующая функция несомненна. Достаточно вспомнить строчки стихотворений:

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
 Слепая ласточка в чертог теней вернется
 На крыльях срезанных, с прозрачными играть.
 В беспамятстве ночная песнь поется [Мандельштам 2009: 137].

или

О, глиняная жизнь! О, умиранье века!
Боюсь, лишь тот поймет тебя,
В ком беспомощная улыбка человека,
Который потерял себя.
Какая боль — искать потерянное слово... [Там же: 110].

«Колочая речь араратской долины» для Осипа Мандельштама также есть способ сакрализации «внутреннего бытия», культурный код армянского народа, для которого «Любовь к родине состоит из дорогих и сладких ушам слов» [Мартirosян 2014: 115].

Интересно, что лексема «глиняный» встречается в стихотворении Мандельштама «1 января 1924» три раза и входит в его семантическое ядро. Среди многих значений глины — *семантических* (бренность бытия, хрупкость, греховность жизни человека); *символических* (знак века-времени через метафору статуи Кроноса, библейский знак связи человека и Бога — «мы глина, а Ты, образователь наш» (Иов.64:8) и т.д.) — важна и соотносительность в ряде этнических традиций, в том числе и армянской, глины с древними ценностно-национальными координатами бытия. Например, в повести-притче «Глиняные буквы, плывущие яблоки» Афлатуни глиняные буквы-образы обеспечивают «мироприемлющее начало» узбекского (шире — восточного) национального мироздания, которое определяется «уважительно-бережным отношением к живым человеческим душам, к тем феноменам национального бытия, которые обладают неоспоримой ценностью...» [Хализов 2005: 7]. Мы уже отмечали, что в историко-литературном компаративном контексте важно учитывать два основания для различения культурных общностей-типов — ментальную специфику (например, восточная и/или западная) и эпохальную культурно-историческую [Гарипова 2022: 32].

Выводы. Отмеченная исследователями [Большухин 2022: 2] онтологическая первооснова «незавершенности» лирического героя Маяковского коренится в сложных инверсивных соотношениях в его сознании уровней «другой» и «чужой», именно «отсюда настойчивый и безнадежный поиск лирическим героем раннего Маяковского высшей инстанции, но такой по определению нет места в его мире — ввиду того, что место Бога занимает творческое Я» [Большухин 2022: 55].

Экзистенциальные и онтологические истоки этой незавершенности — в том самом хрустальном «потерянном рае», который зашифрован в армянских кодах творчества Маяковского и контекстуально прочитывается в русской литературе XX века в целом. Образы «хрусталика Араратика» как знака устремления человека к «своей» горе, к Богу, к традиции у Маяковского, глиняных букв как элементов сакрального национального алфавита у Сухбата Афлатуни, «глиняного прекрасного рта» как общего

знака эпохи *молчания*, символика глиняной статуи Кроноса или Голема как знака века-волкодава у Мандельштама фиксируют в себе экзистенциальные коды национальной памяти, которые, как отмечает Э.Ф. Шафранская, встраиваются в единую «мифовую парадигму человечества» [Шафранская 2002: 36–41].

Источники

Битов А. Уроки Армении // Империя в четырех измерениях. III. Кавказский пленник. Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 1996. 335 с.

Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. 808 с.

Маяковский В. Полн. собр. соч. М.: Худож. лит., 1956. Т. 2. 520 с.

Литература

Большухин Л.Ю., Александрова М.А. Лирический герой Маяковского: феномен «незавершенности». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 239 с.

Гарипова Г.Т. Феномен интегрального мышления и построение новационных методик литературоведческого исследования в современной научной парадигме // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 5. С. 467–474.

Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Сравнительное литературоведение. Современные тенденции русской литературной компаративистики. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. 125 с.

Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Сравнительное литературоведение: Методология и практика изучения русской литературы в системе компаративного анализа. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. 107 с.

Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. 479 с.

Мартirosян В. Это сладкое слово – Армения. Размышления писателя по поводу национальной идентичности // Народы перед зеркалом: Эссе, статьи, очерки. М.: Редакция журнала «Дружба народов»; Культурная революция, 2014. С. 110–118.

Саверский А.В. Хрустальный Христос и древняя цивилизация. Кн. I. URL: <https://history.wikireading.ru/363312> (дата обращения: 22.06.2023).

Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 429 с.

Шафранская Э.Ф. Роман Т. Толстой «Кысь» глазами учителя и ученика: мифологическая концепция романа // Русская словесность. 2002. № 1. С. 36–41.

Шафранская Э.Ф. Роман А. Иличевского «Матисс» // Русская словесность. 2008. № 4. С. 38–40.

References

Istochniki

Bitov A. (1996). *Uroki Armenii* [Lessons from Armenia]. In: *Imperija v chetyreh izmerenijah. III. Kavkazskij plennik*. [Empire in four dimensions. III. The Caucasian prisoner]. Har'kov: Folio; Moscow: ACT. 335 p. (In Russ.)

Mandel'shtam O. Je. (2009). *Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t.* [Complete collection of works and letters: In 3 vols.]. Moscow: Progress-Plejada. Vol. 1. 808 p. (In Russ.)

Majakovskij V. (1956). *Poln. sobr. soch.* [Complete collection of works]. Moscow: Hudozh. lit. Vol. 2. 520 p. (In Russ.)

Literatura

Bol'shuhin L. Ju., Aleksandrova M. A. (2022). *Liricheskij geroj Majakovskogo: fenomen "nezavershennosti"* [Mayakovsky's Lyrical hero: the phenomenon of "incompleteness"]. Moscow: Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki. 239 p. (In Russ.)

Garipova G. T. (2019). *Fenomen integral'nogo myshlenija i postroenie novacionnyh metodik literaturovedcheskogo issledovanija v sovremennoj nauchnoj paradigme* [The phenomenon of integral thinking and the construction of innovative methods of literary research in the modern scientific paradigm]. In: *Bjulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice]. Vol. 5. № 5. Pp. 467–474. (In Russ.)

Garipova G. T., Shafranskaja Je. F. (2022). *Sravnitel'noe literaturovedenie. Sovremennye tendencii russkoj literaturnoj komparativistiki* [Comparative literature studies. Modern trends in Russian comparative literature]. Vladimir: Izd-vo VIGU. 125 p. (In Russ.)

Garipova G. T., Shafranskaja Je. F. (2022). *Sravnitel'noe literaturovedenie: Metodologija i praktika izuchenija russkoj literatury v sisteme komparativnogo analiza* [Comparative Literature: Methodology and practice of studying Russian literature in the system of comparative analysis]. Vladimir: Izd-vo VIGU. 107 p. (In Russ.)

Lotman Ju. M. (1992). *K postroeniju teorii vzaimodejstvija kul'tur (semioticheskij aspekt)* [Towards the construction of a theory of cultural interaction (semiotic aspect)]. In: Lotman Ju. M. *Izbrannye stat'i. V 3 t.* [Selected articles. In 3 vols.]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra. 479.

Martirosjan V. (2014). *Jeto sladkoe slovo – Armenija. Razmyshlenija pisatelja po povodu nacional'noj identichnosti* [This sweet word is Armenia.

The writer's reflections on national identity]. In: *Narody pered zerkalom: Jesse, stat'i, ocherki* [Peoples in front of the mirror: Essays, articles, essays]. Moscow: Redakcija zhurnala "Druzhba narodov"; Kul'turnaja revoljucija. P. 110–118. (In Russ.)

Saverskij A.V. *Hrustal'nyj Hristos i drevnjaja civilizacija. Kniga I.* [The Crystal Christ and the ancient civilization. Book I]. URL: <https://history.wikireading.ru/363312> (data obrashhenija: 22.06.2023). (In Russ.)

Halizev V.E. (2005). *Cennostnye orientacii rusской klassiki* [Value orientations of Russian classics]. Moscow: Gnozis. 429 p. (In Russ.)

Shafranskaja Je.F. (2002). *Roman T. Tolstoj "Kys" glazami uchitelja i učenika: mifologičeskaja koncepcija romana* [T. Tolstoy's novel "Kys" through the eyes of a teacher and a student: the mythological concept of the novel]. In: *Russkaja slovesnost'* [Russian literature]. № 1. Pp. 36–41. (In Russ.)

Shafranskaja Je.F. (2008). *Roman A. Ilčevskogo "Matiss"* [The novel by A. Ilčevsky "Matisse"]. In: *Russkaja slovesnost'* [Russian literature]. № 4. Pp. 38–40. (In Russ.)

Сведения об авторе

Гарипова Гульчира Талгатовна – доктор филологических наук, доцент; Московский городской педагогический университет; Институт гуманитарных наук; департамент филологии; профессор; Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина; кафедра филологии и лингвокультурологии; профессор; научные интересы: история современной русской литературы, интегральное литературоведение, компаративистика, мифопоэтика.

Information about the author

Gulchira T. Garipova – Doctor of Philology, Associate Professor; Moscow City University; Institute of Humanities; Department of Philology; Professor; Kosygin Russian State University; Department of Philology and Linguoculturology; Professor; scientific interests: history of modern Russian literature, integral literary studies, comparative studies, mythopoetics.

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.25688/2619-0656.2023.11.14

ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX ВЕКА

Ольга Вадимовна Гаврилина

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
gavrilinaolga@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0605-8740>

Аннотация. Исследования женской литературы конца XX века по-прежнему остаются в кругу актуальных для изучения вопросов. Целью настоящей статьи является описание пространства в произведениях, созданных женщинами, и выявление связанных с ним образов, деталей, идей. Для реализации поставленной цели мы, следуя за Г.Д. Гачевым, обращаемся к концепции «модели мира», которая объединяет пространственные, психологические и ментальные категории. Мы приходим к выводу, что пространство в женской литературе делится на закрытое (дом), которое традиционно соотносят с женщинами, и открытое (сад, лес, поле и проч.), которое женщина постепенно осваивает. Выход за пределы дома становится метафорой освобождения женщины, обретения ею внутренней силы. Понятие «свой» дом часто соотносится с домом бабушки (этот дом уютен, хранит историю семьи), а «чужой» дом – это комната общежития, в котором женщина вынуждена жить с другими (это пространство неуютно, оно отражает неустроенность жизни героини). Открытое пространство постепенно расширяется, каждый локус (балкон, сад, город, лес, поле или степь) связан с различными деталями. Так, на балконе может появляться виноградная лоза, символизирующая мужской опыт; в саду – яблони, плоды которых несут в себе смысл, отличный от библейского, – они воплощают телесный опыт героини. Лес обычно находится в стороне, героиня не входит в него. Намного более значимыми становятся образы степи или поля, которые соотносятся с различными гранями женского характера. Полученные в результате исследования выводы помогают расширить представления о специфике модели мира в женской литературе и могут быть использованы в дальнейшем при исследовании женской литературы.

Ключевые слова: женская литература, модель мира, гендерные исследования.

Для цитирования: Гаврилина О.В. Освоение пространства в женской прозе конца XX века // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 221–236. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.14>

Original article

MASTERING SPACE IN WOMEN'S PROSE OF THE END OF THE 20TH CENTURY

Olga V. Gavrilina

Moscow City University, Moscow, Russian Federation, gavrilinaolga@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0605-8740>

Abstract. The research of women's literature of the late twentieth century remains in the circle of topical issues for study. The aim of this article is to describe the space in the works created by women and to identify the images, details, and ideas related to it. To realize the goal, we, following G.D. Gachev, turn to the concept of "world model", which combines spatial, psychological, and mental categories. We conclude that space in women's literature is divided into closed (the house), which is traditionally associated with women, and open (garden, forest, field, etc.), which women gradually master. Going outside the house becomes a metaphor for a woman's liberation, her acquisition of inner strength. The concept of "own" house is often correlated with the grandmother's house (this house is cozy, keeps the history of the family), and "someone else's" house is a dormitory room in which the woman is forced to live with others (this space is uncomfortable, it reflects the unsettledness of the heroine's life). The open space gradually expands, each locus (balcony, garden, city, city, forest, field, or steppe) is connected with different details. Thus, on the balcony may appear a vine, symbolizing the male experience; in the garden – apple trees, the fruits of which carry a different meaning from the biblical one, they embody the bodily experience of the heroine. The image of the forest is usually off to the side, the heroine does not enter it. Much more meaningful are the images of the steppe or the field, which connect with different facets of the female experience. The findings of the study help to expand the ideas about the specificity of the world model in women's literature and can be used in the future.

Keywords: women's literature, world model, gender studies.

For citation: Gavrilina O.V. (2023). Mastering space in women's prose of the end of the 20th century. In: *Russian Philology and Comparative Studies*:

Collection of research papers. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 221–236 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.14>

© Гаврилина О.В., 2023

Введение. Гендерные исследования в современной гуманитарной науке становятся всё более актуальными, о чем, в частности, свидетельствует серия «Гендерные исследования» издательства «Новое литературное обозрение»¹. Авторы монографий обращаются к различным аспектам женского опыта – социальным, историческим, культурным (см., например: [Савкина, 2023]). Женская литература – это произведения, созданные женщинами и отражающие собственно женское мировосприятие и опыт во всей его полноте (духовный, исторический, социальный, физиологический, психологический). В настоящее время становится понятно, что гендерный аспект в литературоведении нуждается во всестороннем и внимательном изучении, поскольку это позволяет дополнить наши представления и о специфике женского опыта, и о литературном процессе, о природе творчества в целом.

В 1990-е годы в нашей стране наблюдается взлет женского творчества, появляется много новых имен, включая и авторов, объединившихся в литературную группу «Новые амазонки». В статье мы обращаемся к произведениям писательниц конца XX века, которые объединились под этим условным названием (С. Василенко, И. Полянская, О. Славникова) и изначально позиционировали свое творчество как женское, стремясь деконструировать, переосмыслить созданные писателями-мужчинами сюжеты и образы. О женской литературе долгое время принято было говорить как о своеобразной иллюстрации социально-политических процессов (эмансипация, право голоса и проч.), однако, как справедливо отмечает А.И. Смирнова, на рубеже XX–XXI веков «происходит процесс формирования новой модели русской литературы» [Смирнова 2011: 88], и женский текст также начинает осмысливаться не только как политический манифест, но и как заявка на свой собственный «голос», попытка выразить мировосприятие женщины, ее опыт. Например, писательницы осваивают

¹ В аспекте исследований женской литературы интересны следующие работы: *Авраменко О.* Гендер в советском неофициальном искусстве. М., 2021; *Дозрты М.* Равноправные: История искусства, женской дружбы и эмансипации в 1960-х. М., 2021; *Нестеренко М.* Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века. М., 2022; *Мосс Э.И.* «Только между женщинами»: Философия сообщества в русском и советском сознании, 1860–1940. М., 2023; *Савкина И.* Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М., 2023; *Юкина И.* От дам-патронес до женотделовок: История женского движения России. М., 2024.

пространства, ранее для женщин закрытые (патриархальная культура предписывала женщине пребывание дома, в закрытом помещении), поэтому, выводя своих героинь за пределы дома, писательницы по-новому оценивают традиционную символику компонентов образа мира: анималистические и растительные образы, образы пространства и небесных светил, предметы интерьера и быта.

Цель исследования — проанализировать художественное пространство в женском тексте как модель мира, отражающую видение и опыт женщины. В связи с этим наши задачи: рассмотреть открытые (внешний мир) и закрытые (дом, сад) пространства в произведениях писательниц и выявить, как реализуется женское мировосприятие и женский опыт в их изображении. Основу методологии исследования составили труды по теории художественного пространства и времени¹, по проблемам изучения природного мира в литературе², по экзистенциальной культурологии (концепция «космо-психо-логоса») Г.Д. Гачева, который посредством окружающего пространства (ландшафта, интерьера и проч.) выявлял специфику национального образа мира. Образ мира, являясь категорией национальной, связан с первоистоками: с историческими, географическими, бытовыми факторами. По мнению Г.Д. Гачева, понятие «образ мира» включает в себя «особый склад природы (материю, вещество), быт, язык и историю (культуру), этнос и характер (психику)» [Гачев 2007: 21], которые в своей совокупности и взаимосвязи и составляют основу мировоззрения представителей той или иной национальности. Важно и то, что образ мира, помимо национального, общего («каждый народ из единого мирового бытия, которое выступает в начале как хаос, творит по-своему особый космос» [Там же: 34]), включает в себя частное — групповое и даже индивидуальное. Обращение к женскому тексту с этой точки зрения позволяет выявить не только национальные, но и гендерные различия.

Основная часть. Традиционно пространство делится на мужское и женское, что тесно связано с реализацией тех или иных гендерных ролей.

¹ *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988; *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст, семантика и структура. М., 1983; *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993.

² См.: Природные стихии в русской словесности: Сб. научн. статей / Отв. ред. А.И. Смирнова. М., 2015; Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре: Материалы научн. конф. / Отв. ред. А.И. Смирнова, И.Н. Райкова. М., 2017; коллективные монографии серии «Природный мир в пространстве культуры» (М.: МГПУ, Книгодел, 2019–2024); статьи: *Смирнова А.И.* Природное пространство в русской литературе XX века: ландшафт и менталитет // Горизонты цивилизации: материалы Седьмых аркаимских чтений. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 120–135.

И. Савкина отмечает: «Женское пространство в произведении — всегда замкнутое, ограниченное, тесное (дом, тесная горница, угол); это род тюремной камеры, место принудительной работы» [Савкина 2007: 205–206]. В то же время действительность конца XX века вынуждает писательниц обратиться к локусам и деталям иного рода: «заплеванные подъезды, убогие бараки, ободранные стены общежитских комнат» [Савкина 1996: 63] тесно были связаны с униженным положением женщины.

И. Олехова на материале творчества О. Шапир приходит к выводу, что только мужские персонажи имеют свое рабочее место, в то время как героини личного, интимного пространства не имеют. Мужскому пространству, по наблюдению И. Олеховой, более свойственно обозначение «комфортный», а женское пространство чаще характеризуется как «уютное»: «Женскому пространству соответствует цветовая насыщенность, для мужского характерна цветовая скупость или бесцветность. Красочность женскому интерьеру придает обилие бесполезных изящных вещей, составляющих традиционную принадлежность женщины» [Олехова 2005: 18]. Исследовательница Г. Пушкарь отмечает, что «в женской прозе обилие подробностей, увиденных женским взглядом, становится признаком гендерной поэтики» [Пушкарь 2007: 18].

В женских текстах конца XX века выделяются два противоположных локуса: «свой дом» и «чужой дом», разница между которыми заметна на уровне деталей интерьера, вещей. Так, в повести С. Василенко «Шамара» действие происходит в общежитии. Интерьер одной из комнат представлен лишь четырьмя кроватями, принадлежность которых определена с помощью висящих на стене предметов: огромный («на полстены фотка») портрет «хахаля» [Василенко 2000: 135]; веревочная петля, которую протянул другой героине муж Устин после ее угрозы повеситься; грамоты вместо обоев. Данные детали, однако, не свидетельствуют о скудности внутреннего мира его обитательниц, поскольку они мечтают покинуть эту «вшивую комнату» [Там же: 148]. Неслучайно, на наш взгляд, почетные грамоты появляются в не свойственной им функции — вместо обоев на стене. По мнению М. Эпштейна, «стена — это своего рода глухая, непроницаемая завеса двух миров, с которой глядят *сюда* уходящие *туда* вещи. Они уже утратили осязаемый объем, но еще сохранили резкие, словно бы осунувшиеся лики, полувыпукло выступающие из стены мемориальным барельефом» [Эпштейн 2005: 281]. Почетные грамоты как деталь интерьера отражают несоответствие ценностей мужского и женского мира. Грамоты, выданные женщине, не имеют значения ни для нее самой, ни для остальных: «Грамоты, подтереться. Даже не рубли» [Василенко 2000: 149].

Грамоты, фотографии, книги жены в мужских руках становятся своеобразным орудием мести, направленной на жену. Например, после того как героиня романа О. Славниковой выбросила принадлежавшие мужу непристойные фотографии, он отправил в помойное ведро ее почетные гра-

моты [Славникова 2007: 156], или в романе И. Полянской мужчина сдает в макулатуру фотографии и книги жены [Полянская 2002: 147]. В этом жесте можно заметить переключку со сказочным сюжетом вторжения мужчины в мир женщины — сожжением мужчиной лягушачьей шкурки своей жены. Однако в рассматриваемых произведениях этот поступок не становится для мужчины значимым, поскольку, в отличие от сказки, не наступает последствий, вынуждающих его восстановить справедливость.

Вернемся к «чужому дому». В раннем рассказе Василенко «Кто их любит» (в качестве одной из сюжетных линий он вошел в повесть «Шамара») изображается кухня общежития. Традиционно кухня является женским локусом, зачастую выступая даже символом домашнего уюта. В рассказе детали кухонного интерьера психологизируются, раскрывают внутреннее состояние героини: уставшая после рабочего дня, она стоящую на кухне мебель также воспринимает как своего рода орудие мести. Героиня назло соседкам стремится «так пройти, чтоб застать им белый свет, проходить, и мешать, и маячить, открывая шкафы и шкафчики, из дрожашего холодильника душу вытрясти, и включить гудящий кран, и зажечь сразу четыре конфорки [Василенко 1989: 20].

Живет в общежитии и героиня рассказа С. Василенко «Звонкое имя». Первое упоминание о ее комнате — «неделю не убирала» [Василенко 1991: 241], но помещение мгновенно преобразуется, когда она узнает о скором визите гостя. Тут же появляется алая скатерть (на скатерть — «полиэтилен, и ни одного пятнышка не будет»), голубые салфетки, даже ваза с «камышинками» («всё подходит, всё со вкусом» [Там же]). Эти детали раскрывают «бездомность» героини: полиэтилен на скатерти, высохшие камышинки вместо живых цветов. В этом обустройстве проявляется фальшь, подмена «настоящей» жизни: гостем становится муж лучшей подруги, который, не задумываясь и не чувствуя впоследствии угрызений совести, изменяет жене.

Вообще, в рассказах Василенко практически отсутствует понятие «свой дом», в котором героиня могла бы почувствовать себя хозяйкой. Одна из героинь («Ген смерти») описывает свой дом (точнее — дом мужа) так: «Пусто, скучно у нас в дому, мебель на ножках стоит, мода такая была, чтоб полированная и на тонких ножках, как рюмочка на шпилечке, столик стоит» [Василенко 2000: 327]. Но это место принадлежало ей недолго: столь же хрупким оказалось и счастье героини, которая вынуждена была постоянно скитаться с места на место. Можно сказать, что вещный мир служит метафорой неустроенности женской судьбы героини, а попытка казаться лучше, воплощенная в наскоро созданном порядке, дает обратный результат.

Специфическую трактовку мотива «чужой дом» мы встречаем в прозе Ирины Полянской. «Чужим» для героини оказывается не общежитие,

а дом, обустроенный мужчиной. Например, в романе «Прохождение тени» обустройством дома в основном занимался отец главной героини, которого арестовали после войны, и, поскольку он был ученым, выслали в небольшой закрытый город: «Каждую свободную минуту отец норвил украсить наш дом — то сосновые стружки развешивал по стенам, как гирлянды, то ремонтировал пол в сенях, то дерматином обивал входную дверь» [Полянская 1999: 63]. Так же сильно увлечен обустройством своего жилища и герой рассказа «Тихая комната» (этот рассказ, по признанию автора, написан на основе документальных материалов и посвящен последним годам жизни Варлама Шаламова, хотя герой и не назван по имени): «Он готовился к погружению в прекрасный мир собственности, в котором каждая минута будет озарена наслаждением вольного труда... Здесь будут книжные полки, а здесь шкаф, большой шкаф... здесь вешалка, а на подоконнике следует завести цветок» [Там же: 428]. Можно отметить некоторую наивность, инфантильность в этом мужском стремлении. Об этих героях нельзя сказать, что они не приспособлены к жизни, они как будто осваивают непривычную, новую для них сферу деятельности — обустройство дома, которая издавна принадлежала женщине. В то же время женщина не может найти себе место в таком доме: жилище, обустроенное мужчиной, она чаще стремится покинуть. Вещный мир, таким образом, становится метафорой изменения гендерных ролей в социуме.

Интерьер «своего дома» наиболее полно представлен в романе И. Полянской «Прохождение тени». Это дом бабушки героини, в котором хранится почти вековая история семьи: «Здесь некогда раздвигали стол, звучали голоса, детвора бузила по полу, и от нее переставляли подальше керосиновую лампу» [Там же: 104], хранится память и о трагических событиях: репрессии, война, смерть мужа. Бабушка героини чтит сложившиеся в семье традиции (например, не разрешает менять местами уже выцветшие от времени покрывала: голубое должно лежать на дедушкиной кровати, а другое — розовое — на ее). Каждый предмет интерьера самобытен: «сундук, оклеенный изнутри старыми губернскими газетами» [Там же: 103]; «буфет, сооруженный мастерами-краснодеревщиками на заказ в прошлом веке, — со множеством ящичков (некоторые — с секретными замками), с озерцами зеркал», внизу которого виднелся медный вензель с инициалами пропавшего на войне бабушкиного деда, этот вензель бабушка всегда начищала до блеска; диван — «старец с одышкой, расплывшийся, бугристый, с облезшим до дыр плюшем на валиках, но застланный китайским ковром с фазаном посередине» [Там же: 105].

Этот интерьер наполнен незначительными подробностями, создающими ощущение уюта, стабильности жизни. Например, рецепты приготовления различных блюд, записанные на полях книг, при этом сюжет

книги и компоненты какого-либо блюда с течением времени как будто сливаются друг с другом: «Я беру с книжной полки детектив “Щупальцы спрута” и начинаю читать рецепт какого-то пирожного, написанный на полях мелким бабушкиным почерком: “Имбирь, корица, мед, орехи, изюм, чернослив... он выхватил из кармана револьвер и приставил его к виску девушки...”» [Там же: 112].

В романе Славниковой действие происходит в доме, который можно отнести к понятию «свой», так как квартира на протяжении нескольких поколений принадлежит одной семье, точнее, женщинам одной семьи, поскольку мужчины вот уже сто пятьдесят лет бесследно исчезают (репрессии, войны). Первое, что мы узнаём о квартире этих женщин, — наличие бесчисленных тайников, в которых мать и дочь хранят свои «секреты» друг от друга, но тем не менее постоянно натываются на них в тесном пространстве дома. Позднее выясняется, что внутреннее убранство не менялось десятилетиями, а в самом доме словно поселились «дымчатые люди с желтоватых и карих настенных фотографий», вся обстановка дома «странно отдавала небытием» [Славникова 2007: 28].

Квартира была набита предметами, принадлежавшими умершим или пропавшим без вести мужчинам. Несколько раз героини предпринимают попытку разобрать содержимое чемоданов и комодов, но отказываются от этой мысли, так как «пришлось бы работать целое воскресенье, оттирая замшевую пыль с выкроенными частями, пошедшими на верхнюю кладь, — словно вся эта мертвая память была изначально выкроена из чего-то одного» [Там же: 259]. Важное наблюдение делает А.И. Смирнова: «...закрытый и отгородившийся от внешнего мира дом, в котором поселился *страх* (курсив автора. — О.В.), заполняется всё прибывающими и прибывающими предметами — детскими рисунками матери и вышивками бабушки на стенах. Постепенно они вытесняют фотографии отца Сони», которые «словно уменьшаются рядом с вышитой бабушкой шелковой стрекозой в стеклянной рамке, нарисованной матерью акварельной собакой того же размера» [Смирнова 2019: 88]. Действительно, фотографии, которые призваны хранить память, здесь, напротив, связаны с мотивом забвения, вытеснения. Со временем комната кажется всё более и более тесной, матери и ее подростковой дочери всё сложнее находиться в ней одновременно («пока одна что-нибудь делала в комнате, другая пережидала, сидя совершенно неподвижно и стараясь вообще исчезнуть, не дышать» [Славникова 2007: 34]). После гибели последней обительницы дом будто бы разрушается изнутри: подруга, пришедшая разбирать вещи, находит «множество странных предметов — твердые старинные фотографии без лиц, почернелые кольца без камней» [Там же: 509], а в самой квартире было настолько темно, что единственный плафон ничего не мог осветить.

М. Эпштейн, говоря о культуре постмодерна, отмечает «два грандиозных символа отчуждения вещи и человека: склад и свалку» [Эпштейн 2005: 276]. По его словам, «и дом может быть превращен в склад или свалку (или в то и другое вместе) — но тогда он перестает быть домом, местом, где все существа и вещи свои друг для друга» [Там же: 279]. И отличие между двумя схожими по своей сути интерьерами (их объединяет стремление героинь сохранить семейную историю) состоит в том, что в одном случае вещи «осознаны» [Там же: 272], они продолжают свое «служение» человеку, а в другом — вещь «остается отчужденной и непотребленной» [Там же: 276–277], то есть, неся статичную функцию памяти, лишается своего прямого назначения и, по сути, вымещает из дома его живых обитателей.

Героини повести И. Полянской «Предлагаемые обстоятельства» вспоминают, что после ухода из семьи отца мама «как тень неустанно бродила по комнате и с места на место переставляла предметы. Всё, от массивного шкафа до статуэтки музыки с лирой в руках, утратили постоянное местожительство» [Полянская 1998: 176–177]. И это постоянное перемещение предметов в пространстве также позволяет сохранить в доме уют, не превратить его в склад или свалку. И если пыль является метафорой запустения, заброшенности жилья, то беспорядок, напротив, «оживляет», возвращает к жизни. Развод в этой повести «начинается» с покупки рояля, принадлежавшего погибшему в аварии учителю музыки. В чужом доме этот рояль «был похож на затонувший корабль», пропитанный запахом «покинутого жилья», возникало ощущение, что инструмент «пустил корни в пол, отодрать его будет невозможно» [Там же: 120–121]. Этот рояль, покупке которого сопротивляется мама, лишь условно «приживается» в новом доме, он становится хранилищем для ненужных вещей: «На рояле царил суший бедлам, этажи нот грозили вот-вот рухнуть, всё это были в основном ненужные ноты, партитуры опер, которые она (сестра. — *О.Г.*) так и не раскрыла, сборники этюдов, которые она не играла...» [Там же: 130].

Открытое пространство в женской литературе связано с идеей постепенного освоения женщиной окружающего мира. Сначала героиня выходит на балкон, где впервые осознаёт свою силу, обретает свободу (героини рассказа И. Полянской «Дикий виноград» [Полянская 2019] и романа О. Славниковой [Славникова 2007]). Балкон в женском тексте нередко сопровождается такой деталью, как виноградная лоза, которая наделяется функциями передачи патриархальных, мужских традиций. Появление этой детали возможно в двух сюжетных ситуациях: виноград сажает мать героя (И. Полянская «Посланник» [Полянская 1998]) или виноградный побег герой приносит с могилы матери (И. Полянская «Дикий виноград» [Полянская 2019]). В женском тексте это растение лишено возможности полноценного роста, поскольку не имеет достаточной опоры или почвы,

в которых нуждается его мощная корневая система; в контексте названных произведений это символизирует утрату традиций (особенно в связи с мужскими характерами: герой либо гибнет в финале произведения, либо в его характере начинают преобладать «женские» черты).

Следующее освоенное женщиной пространство — это сад. В произведениях И. Полянской неоднократно появляется образ яблоневого сада. Символично, что он располагается не рядом с домом героини, а недалеко от общежития или санатория — локусы, в которых девушка освобождается от родительского влияния (в рассказе И. Полянской «Музыка» героиня — школьница, а в романе «Прохождение тени» — студентка). Девочка («Музыка») не сразу выходит в сад, сначала она из окна любуется красотой деревьев, покрытых спелыми яблоками: «Окно Вероникиной палаты выходило в яблоневый сад, просторный, полный августовских яблок: желтых, красных с царапинками, продолговатых — разных» [Полянская 1998: 278]. Можно провести параллель с запретным плодом в райском саду, который срывает Ева, но яблоки в саду санатория — доступны. И героиня, уезжая из санатория, по-детски набивает ими чемоданы: даже пережитая влюбленность (что и составляет основу сюжета) не приводит ее к взрослению. Героиня же автобиографического романа «Прохождение тени» взрослее, она уже не любуется зрелыми плодами из окна, а выходит в сад и смело, «с хрустом», надкусывает яблоко, нарушая тем самым запрет: «немытыми не есть» [Полянская 1999: 13], о чем договорились между собой слепые юноши-музыканты, также собиравшие яблоки в саду. Но это запрет другого — мужского мира, и его нарушение ничем не грозит героине: находясь на расстоянии шага, она для незрячих остается незамеченной.

Образ яблоневого сада появляется и в рассказе С. Василенко «Бабочка», его героиня — трехлетняя девочка, а сад — белоснежный, цветущий. Подчеркивается необычайное сходство девочки и майского сада: «Я была в белом шелковом платье, и яблони были в белом» [Василенко 1991: 177]. Они не просто похожи — они одно целое. Единство, родство с миром природы довершает взгляд бабочки — глаза в глаза. Героиня впервые чувствует свое тело (удары сердца, движение крови), осознает свою связь с природой, с окружающим ее миром: «видела серебряную степь, там, за садом, видела серебряные леса и серебряные, стремительные, как моя кровь, реки, видела тяжелые, как удары сердца, серебряные валы моря, видела так ясно, как на ладони, этот раскрывшийся, как цветок, мир». Но вспорхнувшая бабочка разрушает это единство: «Мир сузился враз» [Там же: 178–179].

Яблоня в русском фольклоре обладает защитной функцией: сказочная яблоня, стоящая на кисельном берегу молочной реки, укрывает героиню сказки «Гуси-лебеди» от погони. Подобное дерево-защитник является деталью художественного мира и в романе С. Василенко «Дурочка», но Ганну спасает не яблоня, а терн. Условием спасения сказочной героини, как из-

вестно, было «съешь мое яблочко», а героиня С. Василенко, напротив, «тернием руку до крови оцарапала» [Василенко 2000: 82]. Тем не менее терн прячет девочку от наступающих ее преследователей, но своеобразным испытанием становится взгляд стрекозы, которая появилась «из ниоткуда, будто с неба спустилась» [Там же]. Действительно, образы бабочки, стрекозы и некоторых других животных, относящихся к группе хтонических существ, играют немаловажную роль в женских произведениях: позволяют героиням почувствовать свою связь с предками, обратиться к многовековой природной мудрости, познать окружающий мир и самих себя.

Символическое содержание образа терна выходит за рамки сказочного дерева-спасителя. Интересны библейские (терновый венец, надетый на голову Иисуса Христа перед распятием) и мифические (древнегреческий миф об Одиссее: в одном из эпизодов романа терн выкалывает единственный глаз одному из преследователей Ганны) параллели. Перечисленные события древнейших сюжетов чаще завершают текст, связаны с освобождением героев. Для дурочки Ганны, буквально за несколько мгновений пережившей эти испытания, путь только начинается.

Говоря о пространстве города, писательницы часто отмечают такую деталь, как растущие тополь или вяз. Тополь в женской прозе является символом разрушения, смерти (И. Полянская «Прохождение тени», О. Славникова «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки»). А вяз, напротив, представлен как символ жизни, упорядочивающий детали окружающего мира (С. Василенко «За сайгаками»).

Город оказывается чужд женщине, она стремится покинуть его, и именно за пределами урбанистического пространства героиня начинает иначе осознавать самое себя, это своего рода возвращение к истокам. Именно оказавшись наедине с природой, женщина обретает новое понимание жизни, новое знание о себе и своем теле.

Традиционным для русского фольклора является пространство леса, в который направляются герои. Героиня женского текста может лишь идти вдоль леса (героиня романа О. Славниковой) или смотреть на него сверху (героиня романа «Прохождение тени» И. Полянской), но никогда не заходит в него. Вообще, дерево по своей символике оказывается чуждо героине, только плоды или цветы, как мы говорили выше, привлекают ее, но не оказывают никакого сакрального влияния. Фактически, с лесом, с деревом героиня «растождествляет» себя и свою судьбу. В повести Полянской «Предлагаемые обстоятельства» Геля думает, что жизнь «вовсе не дремучий лес» [Полянская 1998: 211]. Характеризуя Веронику, та же писательница сообщает, что, будь она деревом, ее вырвало бы с корнем» силой «грозной, отчаянной» любви, «но она была не деревом, а девочкой, внутри ее еле-еле брезжила женщина к тому времени» [Там же: 271]. Героиня романа «Прохождение тени» о своем взрослении говорит, что однажды

она «вдруг переросла куст смородины», а «зброшенные леса акации, боярышника, калины» больше не скрывают ее «от отца и его времени, вытalkingая под честный проливной солнечный свет» [Полянская 1999: 182].

Более значимыми для женской прозы оказываются степь и поле. Степь воспринимается как аналог таинственного леса, в который отправляется сказочный герой. Но нужно говорить не просто о замене одного пространства другим – происходит смена всего символического ряда. Например, в прозе С. Василенко (рассказ «За сайгаками» и роман «Дурочка») могут появляться такие детали, как полынь, являвшаяся на Руси символом женских страданий, и озеро Баскунчак «из слез жен татарских» [Василенко 2000: 85]. В это озеро с разбегу прыгает Ганна, желая найти спасение от невыносимо палящего солнца, – это купание символизирует причастность героини к общей женской судьбе, женской участи, после этого дурочка становится святой, обретает дар исцелять людей. А героиня рассказа «За сайгаками» – «будто рождалась заново из земли и полыни, трудно, медленно сознавая свою связь с землей, и свою отделенность от нее, и превосходство свое над слепым миром» [Там же: 229]. И это взаимодействие с родовой женской памятью необычайно важно для героини-женщины, поскольку позволяет ей обрести себя.

Путь через поле для маленькой героини романа Полянской «Прохождение тени» также связано с мотивом исторической памяти. Целью путешествия становится старый барак, где девочка также проходит своеобразный обряд посвящения. Еще при входе она заметила мертвую кошку, которую решает похоронить «с почестями, ведь она, возможно, прожила трудную... жизнь и заслужила, чтобы ей напоследок вырыли ямку, застелили дно листьями, обложили вишневыми цветками и по-человечески забросали землю» [Полянская 1999: 243]. То есть итогом этого путешествия становится познание тайны жизни и смерти, понимание смысла обряда похорон, подготовкой к которому чаще занимались именно женщины.

Образы водоемов (река, пруд, озеро), переправу через них в традиционной культуре часто связывают с загробным миром, опасностью [Райкова 2022: 172], и в женской прозе они также связаны с мотивом сохранения памяти предков и более соотносятся с образом матери. Однако героиня реку обычно не переплывает: она может быть на берегу, нырять и выныривать из воды, плыть по течению – но опасность ей не угрожает, наоборот, в воде она обретает спасение. Дорога к реке осмысливается как жизненный путь со всеми его тяготами, поэтому описание может сопровождаться непривлекательными деталями (пролегал за гаражами, наполняется едким запахом дыма и т. д.). На берег реки, пруда героини отправляются, чтобы, забыв о своей семье, о детях, побыть наедине с собой (указанные романы О. Славниковой и И. Полянской). После случайной встречи с матерью на берегу реки героиня романа «Прохождение тени»

начинает иначе воспринимать окружающий мир: детский восторг, с которым она смотрит на мир, и отвлеченные философские размышления сменяются горестными наблюдениями за происходящим вокруг (что свойственно и матери героини).

Судьба Ганны (роман С. Василенко «Дурочка») также во многом связана именно с водой; помимо эпизода омовения в озере женских страданий (Баскунчак), девочка часто перемещается по реке. Родители, когда у них рождается слабоумная дочь, чтобы избежать позора, отправляют ее на плоту по течению реки. Ганна преодолевает не пространство, а время и попадает в прошлое. Спасаясь от людской злобы, она бросается в реку и попадает в сеть к рыбакам, которые сначала принимают ее за русалку. К своим родителям (в будущее) Ганна также возвращается по реке. Очевидно, что писательница реализует в этом романе метафору «река жизни», но течение этой реки непредсказуемо, нелинейно, по ней возможно передвижение не только вперед, но и назад, в прошлое, а также внутрь себя.

Значимым для женской литературы оказывается мотив погружения в воду, который можно соотнести с погружением в околоплодные воды, с символическим возвращением в лоно матери-природы (и, соответственно, со вторым рождением героини), а также с христианским обрядом крещения, во время которого происходит троекратное погружение в воду. Различие состоит в том, что погружение женщины в воду не кратковременно (как в обряде), а длительно. Шамара (повесть С. Василенко «Шамара») опускается на самое дно реки и садится там, «ноги скрестив, как человеческий зародыш», ей хочется «исчезнуть» [Василенко 2000: 153]. Натка (С. Василенко «Звонкое имя») погружается в ванну, наполненную водой, «туда, откуда пришла» [Там же: 239]. Из воды героини выходят обновленными, как будто заново родившимися.

Мотив погружения в воду может иметь и еще один аспект. Катя – героиня рассказа «Условность» (И. Полянская) – родилась в «глубокой асфиксии» [Полянская 2019: 94]. С детства родители напоминали ей: «Мама положила тебя в корыто с оттаявшим снегом, а потом согревала в валенке, и ты ожила» [Там же], тем самым навязывая дочери чувство постоянной благодарности, что оказывается для героини сродни повинности. После очередного напоминания отца о том случае Катя «не своим голосом вдруг заголосила»: «Ой, да выньте, выньте меня наконец из этой воды ледяной!» [Там же: 98]. И спустя год после этого она погибает в автокатастрофе, что воспринимается читателем как своего рода освобождение от пожизненной благодарности за дарованную когда-то ей жизнь.

Выводы. Таким образом, в конце XX века писательницы переосмысливают сложившиеся в культуре природные образы, наделяя их особым сакральным значением, соотносящимся с женским опытом. Выход героини за пределы замкнутого пространства символизирует смену мировоззрения.

Постепенно расширяясь, пространство приобретает всё большее символическое значение, но неизменным остается обращение к семейным традициям, родовой памяти, а также сакральная связь с миром предков. Вещный мир во многом отражает неустроенность женской жизни, но также связан с историей семьи и разрушением традиций.

Источники

Василенко С.В. Дурочка: Роман, повесть, рассказы. М.: Вагриус, 2000. 333 с.

Василенко С.В. Звонкое имя. Видеопоэма и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1991. 264 с.

Василенко С.В. Кто их полюбит? // Женская логика: Сборник женской прозы. Сост. Л.В. Степаненко, А.В. Фоменко. М.: Современник, 1989. С. 173–178.

Полянская И.Н. Горизонт событий. Роман. М.: Олимп; АСТ, 2002. 414 с.

Полянская И.Н. Предлагаемые обстоятельства // Между Бродвеем и Пятой авеню: Повести и рассказы. М.: Детская литература, 1998. 315 с.

Полянская И.Н. Прохождение тени. Роман, рассказы. М.: Вагриус, 1999. 446 с.

Славникова О.А. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки. Роман. М.: Вагриус, 2007. 512 с.

Литература

Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007. 510 с.

Олехова И.П. Беллетристика О.А. Шапир: особенности проблематики и поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 24 с.

Природные стихии в русской словесности / Отв. ред. А.И. Смирнова. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.

Пушкарь Г.А. Гендерное своеобразие русской женской прозы рубежа XX–XXI веков // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 50. С. 242–248.

Райкова И.Н. «С моста в реченьку глядела»: фольклорный образ реки в кросс-жанровом аспекте // Символика воды в русской словесности и мировой культуре: Коллективная монография / Отв. ред. А.И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2022. С. 171–183.

Савкина И.Л. Говори, Мария! (заметки о современной женской прозе) // Преображение: Русский феминистский журнал. 1996. № 4. С. 62–67.

Савкина И.Л. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 472 с.

Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.

Смирнова А.И. Русская проза второй половины XX века: вектор развития: Учебное пособие. М.: МГПУ, 2011. 176 с.

Смирнова А.И. Роман Ольги Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки»: метафизика и поэтика // Polilog. Studia Neofilologiczne / Polilog. Неофилологические исследования. 2019. № 9. С. 83–91.

Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 495 с.

References

Istochniki

Vasilenko S.V. (2000). *Durochka; Roman, povest', rasskazy* [Little Fool. Novels and stories]. Moscow: Vagrius. 333 p. (in Russ.).

Vasilenko S.V. (1991). *Zvonkoe imya. Videopoema i rasskazy*. [Ringing Name. Videopoem and Stories]. Moscow: Molodaya Gvardiya. 264 p. (in Russ.).

Vasilenko S.V. (1989). *Kto ih polyubit?* [Who will love them?]. In: *Women's Logic: A Collection of Women's Prose*. Compiled by. L.V. Stepanenko, A.V. Fomenko. Moscow: Sovremennik. Pp. 173–178. (in Russ.).

Polyanskaya I.N. (2002). *Gorizont sobytij*. [Roman Horizon of events. A novel]. Moscow: Olympus, AST. 414 p. (in Russ.).

Polyanskaya I.N. (1998). *Predlagaemye obshchaya obshchaya* [Proposed circumstances]. In: *Between Broadway and Fifth Avenue: Novels and Stories*. Moscow: Children's Literature. 315 p. (in Russ.).

Polyanskaya I.N. (1999). *Prohozhdenie teni. Roman, rasskazy* [Shadow Passage. A novel, stories]. Moscow: Vagrius. 446 p. (in Russ.).

Slavnikova O.A. (2007). *Strekoza, uvelichennaya do razmerov sobaki*. Roman. [Dragonfly enlarged to the size of a dog. A novel]. Moscow: Vagrius. 512 p. (in Russ.).

Literatura

Gachev G.D. (2007). *Kosmo-Psiho-Logos: Nacional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psicho-Logos: National Images of the World]. Moscow: Academic Project. 510 p. (In Russ.).

Olekhova I.P. (2005). *Belletristika O.A. Shapir: osobennosti problematiki i poetiki* [Shapir: peculiarities of problematics and poetics]: autoref. dis. ... cand. of philological sciences. Tver. 24 p. (In Russ.).

Prirodnye stihii v russkoj slovesnosti (2015) [Natural Elements in Russian Literature] / Edited by A.I. Smirnova. Moscow: LENAND. 240 p. (in Russ.).

Pushkar G.A. (2007). *Gendernoe svoeobrazie russkoj zhenskoj prozy rubezha XX–XXI vekov* [Gender uniqueness of Russian women's prose of the turn of XX–XXI centuries]. In: *Bulletin of Stavropol State University*. № 50. Pp. 242–248. (In Russ.).

Raikova I.N. (2022). “*S mosta v rechen'ku glyadela*”: fol'klornyj obraz reki v kross-zhanrovom aspekte [“From the bridge to the river looked”: folklore image of the river in cross-genre aspect]. In: *Symbolism of water in Russian literature and world culture*. Collective monograph / Edited by A.I. Smirnova. Moscow: Knigodel; MCU. P. 171–183. (In Russ.).

Savkina I.L. (1996). *Govori, Mariya! (zametki o sovremennoj zhenskoj proze)* [Speak, Maria! (Notes on modern women's prose)]. In: *Preobrazhenie: Russian Feminist Journal*. 1996. № 4. Pp. 62–67. (In Russ.).

Savkina I.L. (2023). *Puti, pereput'ya i tupiki russkoj zhenskoj literatury* [Paths, crossroads and dead ends of Russian women's literature]. Moscow: New Literary Review. 472 p. (in Russ.).

Savkina I.L. (2007). *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka* [Conversations with the Mirror and Zazerkalye: Autodocumentary Women's Texts in Russian Literature of the First Half of the XIX century]. Moscow: New Literary Review. 416 p. (In Russ.).

Smirnova A.I. (2011). *Russkaya proza vtoroj poloviny XX veka: vektor razvitiya* [Russian prose of the second half of the XX century: vector of development]. Study guide. Moscow: MCU. 176 p. (In Russ.).

Smirnova A.I. (2019). *Roman Ol'gi Slavnikovoj “Strekoza, uvelichennaya do razmerov sobaki”: metafizika i poetika* [Olga Slavnikova's novel Dragonfly Magnified to the Size of a Dog: Metaphysics and Poetics]. In: *Polilog. Studia Neofilologiczne / Polilog*. № 9. P. 83–91. (In Russ.).

Epstein M.N. (2005). *Postmodern v russkoj literature* [Postmodern in Russian Literature]. Moscow: Vyshaya Shkola. 495 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Гаврилина Ольга Вадимовна – кандидат филологических наук; Московский городской педагогический университет; Институт гуманитарных наук; департамент филологии; доцент; научные интересы: женская проза и поэзия, чувство природы в литературе, детская литература.

Information about the author

Olga V. Gavrilina – PhD (Philology); Moscow City University; Institute for the Humanities; Philology Department; Associate Professor; scientific interests: female prose and poetry, sense of nature in literature, children's literature.

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ И РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Научная статья
УДК 821.161; 821.512.145
DOI 10.25688/2619-0656.2023.11.15

ПОЭМА РАВИЛЯ БУХАРАЕВА «ВРЕМЯ ЦВЕТОВ» И СТИХИ СОВРЕМЕННЫХ ТАТАРСКИХ ПОЭТОВ: ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ФЛОРООБРАЗОВ

Альфия Фоатовна Галимуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
alfiya_gali1000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0006-9193>

Аннотация. В статье впервые в компаративном ключе рассматривается творчество Равиля Бухараева и современных татарских поэтов Ильдара Юзеева, Рената Хариса, Равиля Файзуллина, Ильдияр Иксановой, Сании Ахметзяновой в аспекте художественного воплощения образов полевых и садовых цветов. В ходе исследования было выявлено, что у каждого поэта есть своя индивидуальная флористическая символика, которая отчасти восходит к традиционной культуре, а в ряде случаев связана с оригинальной трактовкой и субъективными ассоциациями. В статье выявляется связь флористики в поэме Равиля Бухараева «Время цветов» (1982) с образами дома, сада, а также с художественным осмыслением темы любви к Родине и с воспоминаниями о «малой родине».

Ключевые слова: художественный образ, татарская поэзия, образы цветов, Равиль Бухараев, поэма «Время цветов».

Благодарность. Статья написана и опубликована при финансовой поддержке РФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами (региональный конкурс)» № 24-28-20211.

Для цитирования: Галимуллина А.Ф. Поэма Равиля Бухараева «Время цветов» и стихи современных татарских поэтов: особенности воплощения флорообразов // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 237–253. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.15>

Original article

THE POEM BY RAVIL BUKHARAEV “THE TIME OF FLOWERS” AND POEMS BY MODERN TATAR POETS: FEATURES OF THE EMBODIMENT OF FLORA IMAGES

Alfiya F. Galimullina

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
alfiya_gali1000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0006-9193>

Abstract. For the first time, the article examines the work of Ravil Bukharaev and modern Tatar poets Ildar Yuzeev, Renat Kharis, Ravil Fayzullin, Ilsiyyar Iksanov, Saniya Akhmetzyanova in a comparative way in the aspect of the artistic embodiment of images of field and garden flowers. The study revealed that each poet has his own individual floral symbolism, which dates back to traditional culture, and in some cases is associated with an original interpretation and subjective associations. The article reveals the connection of floristry in Ravil Bukharaev’s poem “The time of flowers” (1982) with images of a house and garden, as well as with an artistic understanding of the theme of love for the Motherland and with memories of the “small homeland”.

Keywords: artistic image, Tatar poetry, image of flowers, Ravil Bukharaev, poem “Time of flowers”.

Acknowledgment. The article was written and published with the financial support of the Russian Science Foundation and the economy of the Republic of Tatarstan within the framework of the scientific project “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research using small elementary methods (regional competition)” No. 24-28-20211.

For citation: Galimullina A.F. (2023). The poem by Ravil Bukharaev “The time of flowers” and poems by modern tatar poets: features of the embodiment of flora images. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil’ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 237–253 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.15>

© Галимуллина А.Ф., 2023

Введение. Образы цветов и цветущего сада являются одними из самых распространенных в мировой литературе с древнейших времен до наших дней. В современной татарской поэзии широко используется цветочная символика для передачи различных оттенков чувств, а также привлекается

глубоко укорененная в христианстве и исламе флоросемантика. В настоящем исследовании мы ориентировались на методологию анализа флоропоэтики художественных произведений, раскрытую на примерах русской и зарубежной литературы К.И. Шарафединой в монографии «Селам, откройся!» [Шарафедина 2018]. Мы сопоставили специфику художественного воплощения образов цветов и цветочной символики в поэме «Время цветов» русскоязычного поэта Равиля Бухараева и в творчестве современных татарских поэтов. Несмотря на духовную близость Равиля Бухараева, Зульфата, Ильдара Юзеева, Ильсияр Иксановой, есть существенные отличия в их мироощущениях и индивидуальных стилях. Отметим, что в 2000–2024 годы творчество Р.Р. Бухараева привлекло внимание ряда литературоведов: А.А. Арзамазова, В.Р. Аминовой, А.Ф. Галимуллиной, И.А. Ерикеева, М.И. Ибрагимова, Р.Ф. Бикметова, Р.Ш. Сарчина, Э.Ф. Нагумановой, Ю.Б. Орлицкого, однако обширное наследие поэта, прозаика, философа, литературного критика еще ждет своего исследователя. В 2021 году была издана монография «Вселенная Равиля Бухараева (1951–2012). Основные темы и мотивы творчества» [Галимуллина 2021], в которой была предпринята попытка осмыслить основные мотивы поэзии и философской прозы Равиля Бухараева как единой художественной картины мира.

Литературоведы, обращаясь к творчеству Равиля Бухараева, прежде всего отмечают совершенство строфики и ритмики стихотворений, его тяготение к классическим формам стиха. Так, Ю.Б. Орлицкий, рассмотрев две «поэмы в терцинах» Р.Р. Бухараева — «День мертвых» и «Моление о чаше», замечает, что «в первом издании они были названы просто «терцинами» и представляли собой два цикла стихотворений. При этом Р.Р. Бухараев не соблюдает традиционного графического выделения отдельных терцин, а отделяет пробелами группы длиной от одной до десяти строф» [Орлицкий 2011: 50]. В центре внимания исследователей оказались также и сонеты Р.Р. Бухараева (В.Р. Аминева), причем их интересует не только форма стихотворения, но и самоидентификация лирического героя. В.Р. Аминева выявила: «в поэме Р. Бухараева “День мертвых” динамику субъектно-образных структур, соответствующих разным этапам духовного восхождения героя — от проблематизации идентичности и отделения от «я» его субститутов до выхода из мучительного жизненного тупика и обретения своего истинного «я»; описала пути самоопределения лирического героя, находящегося в диалогических отношениях как со своими двойниками, так и со сверхсубъектами особого типа — историей, страной, природой» и установила, что «исторические и литературные аллюзии и реминисценции из произведений мировой литературы выполняют идентифицирующую функцию» [Аминева 2020: 292].

Однако флоропоэтика Р.Р. Бухараева в сопоставлении с творчеством татарских писателей еще не становилась предметом специального исследования.

Основная часть. Образы цветов занимают существенное место в поэтическом мире Рауфия Бухараева в его поэзии. В частности, в поэме «Время цветов».

Поэма Р.Р. Бухараева «Время цветов» (1982) вобрала в себя все темы его творчества, ставшие лейтмотивными: философские размышления о смысле жизни, о жизни и смерти, а также темы позднего постижения родного (татарского) языка и тоски по Казани — городу, в котором он родился и вырос, хотя в это время он жил еще в Москве, в родной стране. Видимо, в это время его тоска по родине была связана с мыслями о казанском детстве, земле предков.

Показательно, что в поэме «Время цветов» Р.Р. Бухараев ощущает движение времени через смену цветов, которые сопровождают человека от рождения до самой смерти. По логике поэтической мысли, жизнь и смерть находятся в гармонии:

В последнем августовском освещенье
Разлука — звук пустой. Разлуки — нет.
Совмещены в едином ощущенье
Любовь и гибель,
Тьма и вещей свет... [Бухараев 2011: 117]¹.

Поэма начинается с символической осенней картины на кладбище как итога жизненного пути каждого человека. Ретроспективно прослеживается жизнь автобиографического героя с детства до обретения своего жизненного пути в зрелости. Бренность и конечность жизни человека гармонизируется вечной сменой рождения — смерти (увядания) — и нового возрождения цветов. Метафора часов — циферблата, обогащенная символикой цветочных образов, позволяет поэту точнее и эмоциональнее выразить свои философские размышления:

По замкнутому кругу циферблата
Не различить *сегодня* и *вчера*.

Нет в жизни воздаянья — есть расплата.
Не помни зла. Не поминай добра.

Я отмахнусь от бытовых открытий,
но бытие,
я утверждать готов,

¹ Далее в статье текст поэмы цитируется по данному изданию с указанием цитируемой страницы в круглых скобках.

суть совокупность истинных событий
в присутствии свидетелей — цветов.
Незримые в разбойной круговерти
добра и мира,

зла и суеты,
всё *время* от рождения до смерти
живые окружают жизнь *цветы* (119).

Далее поэт представляет жизнь человека в годовой смене цветов и событий:

Едва зажгутся в серпантине еле,
Как догорит *январь заезжих роз*,
Завертятся в метельной карусели
февраль колючих иглиц,
март мимоз,
апрель разрыв-травы и первоцвета,
май гиацинтов и тюльпанов, там
летит июнь купав,

начало лета
влечет *июль кувшинок* по пятам,
се — август гладиолусов, а дале
сентябрь горчайших острых астр,
затем
октябрь *георгин*,
и вот в финале
ноябрь гвоздик,
декабрь хризантем (119–120).

Поэма посвящена умершему другу «Рустему Галимову с любовью» (117), поэтому жизнеутверждающе звучит мысль о том, что и после смерти цветы помогают продлить жизнь тех, кто ушел в инобытие. Так, флоксы («где флоксами отмечен чистый миг...» (120)) становятся символом духовной жизни после физической смерти человека:

Любая радость горечью чревата,
На холм охапку флоксов положив,
скажу:
ты умер в круге циферблата,
во времени цветов еще ты жив (120).

Отметим, что поэт использует широкую символику цветка флокса, которая связана с любовью, а также со значением его греческого названия,

которое переводится на русский как «пламя» и «свет». Поэт напоминает и легенду, связанную с флоксами, ставшими цветами памяти о смелом Одиссее. По легенде, в флоксы превратились факелы, освещавшие Одиссею путь в Аид.

В поэме «Время цветов» каждый цветок ассоциируется с определенными периодами жизни главного героя. Так, образ сирени в первой главе — «Сирень» — ассоциируется с весной, детством героя, а также выражает сложность бытия:

Цветет сирень, а мне уже четыре.
В сравненье с одуванчиком она
сложна,
как представление о мире
листающего книжку пацана (123).

Сложность и нарядность сирени противопоставлены мнимой прозаичности других цветов: «*в саду ли, огороде / смородина с изнанки в серебре*», «*мать-мачеха в сырой и красной глине / цвела — среди сора, склянок и стекла...*», «*Но — солнце огуречного цветка? / Но — золотые звезды помидора, / лучистых не смыкающие уст?*» (122) — и противопоставляются нарядности сирени:

Но — куст *сирени белой*
У забора?
Желанный, влажный, белоснежный куст... (122).

Сложная и противоречивая символика сирени (символ верности, любви, дружбы, но и предвестник одиночества и т.д.), безусловно, была известна Бухараеву, поэтому он противопоставляет цветы сирени и простые, незатейливые цветы сада-огорода. Однако в ретроспективной памяти о детстве эти образы сливаются в образе сада детства, городского сада бабушки и дедушки поэта, воспетые им в прозе и стихах. Это сад как потертый рай детства:

Покуда вне сомнения и лени
Вымахивал соседский тополь в рост,
Я создал мир по образу сирени,
Но мир по сути оказался прост.

И дай мне Бог, не подлежа прощенью,
Запомнить в круге света и теней
Тот бедный сад с крапивой и *сиренью*
Недалеко от старых Плетеней... (123).

Во второй главе «Георгины» Р.Р. Бухараев проводит гуманистическую мысль о чистоте и благодати мира, воплощенного в образе цветущего палисадника:

Но как пестро за каждым палисадом
От белых, желтых, красных *георгин!*

Они привычны здесь руке и глазу,
Но убери хоть кустик от крыльца,
Исчезнет в мире равновесье сразу,
Как в сказке без счастливого конца (125).

В этой главе война как антигуманное состояние представлена через восприятие юным героем кинофильма по роману М. Шолохова «Тихий Дон»: «...и вот Григорий под казачьим стягом — / Как разрубают чучел на плацу...» (125).

Цветы георгинов как воплощение красоты и гармонии противоречат ужасам войны. В то же время красные георгины напоминают о крови, об острых клинках — в этом и проявляется единство противоположностей, отражающих противоречивость мира:

К тоске известной поводом напрасным
Осенней георгины лепестки
Отсвечивали на закате красным,
Как маленькие острые клинки.

Счастливого конца я ждал от сказки,
Как будто сброшу тяжкую вину,
Когда навек по чьей-нибудь указке
Отменит человечество войну... (126).

Третья глава «Ирис» посвящена лейтмотивной теме в творчестве Р.Р. Бухараева — теме утраты родного татарского языка и постижения его уже во взрослом возрасте:

Впервые он, загадочный, возник,
когда я —
над судьбой своей в насмешку
учил татарский — свой родной язык —
с английским и немецким вперемежку.

Он звался — ирис, Iris, между тем
Таил свое татарское названье.

Но на татарском пребывал я нем
Вблизи Казани, будто в наказанье (128).

Поэт предостерегает читателя от чрезмерного увлечения поисками скрытых смыслов в прекрасных цветах, созданных природой и Богом.

Р.Р. Бухараев обращается к авторитету Геннадия Айги, в творчестве которого доминирует цветочная символика, присущая всей чувашской поэзии, восходящей к традиционной чувашской культуре. Упоминание Айги расширяет не только интертекстуальные связи, но и флоросемантику поэмы. Поэт утверждает самоценность цветов как прекрасных созданий природы:

Да разве много думают листы
рассветных лилий островной протоки,
как вырасти, раскрыться, расцвести,
со дна реки какие выбрать соки?

Спросонья сотворила их река,
июль и облака над парусами.

...Сказал Айги,
что прелесть лепестка
в словах не описать под небесами... (126).

В поэтическом мире Бухараева соединены цветы, языки, людские судьбы:

Последние не минут времена,
пока, цветы в созвучья облекая,
как музыку, хранит их имена
родной язык Туфана и Тукая (128).

Глава «Первоцвет» также посвящена теме творчества, в ней в сопоставлении красоты, первозданности природы с нарочито неказистыми стилями проводится мысль о «невыразимом», о невозможности выражения всей красоты и неповторимости цветов как лучшего проявления бытия:

Акростихов бездельных вечера;
Омег и эпсионов закорючки.
За неимением вечного пера
Есть красный стержень шариковой ручки... (128).

Поэзия не может передать словами все оттенки цвета и движения в природе:

... И вот *иван-да-марья* зацвела
в зеленой светотени. Близко лето.
На солнце важно возится пчела
в лиловых колокольцах *первоцвета*.

Пыльца пушиста, и душист нектар
адониса.
В овраге снег оставлен.

Курится голубой прозрачный пар
над черной и сырой землей проталин.

Нескоро вечность минет, и пчела
вернется в сказку Ганса Христиана.
Ещё береза в синеве бела,
апрель-свирель, и жизнь зовут Татьяна (129).

В финале главы образы пчелы и первоцвета закольцовывают размышления поэта о творчестве, о жизни и смерти через призму вечно обновляющегося времени цветов, позволяющего смириться с гибелью одного цветка:

в мгновенье каждом вереницы лет,
как будто впрямь все искушенья новы;
спугнув пчелу,
срываю *первоцвет*,
упорно увядающий вне почвы... (131).

Образы цветов позволяют поэту затронуть в поэме различные темы, связанные с духовной жизнью человека. Безусловно, сквозной является тема любви, которая в каждой главе решается по-своему: в главах «Сирень» и «Ирис» — любовь к бабушке, к родному саду, к родине, к родному языку; в главах «Первоцвет» и «Гиацинт» — драматические взаимоотношения с возлюбленной. В образе гиацинта поэт воплотил природные свойства цветка как первоцвета, устойчивого к низким майским температурам:

— Игра воображения нелепа.
Май гиацинтов бледен, ледовит.
В природе сырость погребя и склепа.
Всеотрицанье в сумраке царит (132).

Жизнестойкость цветка ко всем невздам, его мужественный характер напоминают и о прекрасном принце Гиацинте из греческого мифа. Поэт проводит параллель между чувствами, взаимоотношениями героя с возлюбленной и переменчивостью ранней весны, которая воплощена в метафоре «раненая весна»:

В который раз
животворенья ради
паук зелёный напрядет листвы
близ озера, где разместились пряди
сугробами задушенной травы,
где в ожиданье птичьего кочевья
вокруг смолистой пасмурной сосны
красны членистоногие деревья
последней,
странной, раненой весны... (133).

Стойкость гиацинта становится немым укором людям, которые не смогли преодолеть сложности взаимоотношений, не сохранили своих чувств:

– Живой укор цветковому растенью
любому – *гиацинт*. Как ни крути,
всю жизнь я говорю с твоею тенью,
хотя сама ты рядом – во плоти (132).

Взаимоотношения возлюбленных передаются пунктирно, намеками, однако эти фразы проникнуты поздним покаянием героя, ощущением обреченности, невозможностью вернуть прежние чувства:

Спрошу я: может быть, еще не поздно?
Отвечу: в жизни воздаянья нет.

Вся суть любви – в одной суровой фразе:
«Не помни зла – не поминай добра» (132).

Метафорическим символом окончательного разрыва отношений становятся гиацинты в разбитой вазе: «*И вечны гиацинты в низкой вазе, / что разлетелась вдребезги вчера...*» (133).

Финальная глава «Флоксы» возвращает героя на кладбище к могиле друга, однако уже последняя глава поэмы звучит по-философски спокойно и умиротворенно, в ней нет горечи утраты, потому что ретроспективное

обозрение жизни от детства до зрелости, представленное в цветочной об-разности предыдущих глав, если и не примиряет с утратой близкого че-ловека, то позволяет герою поэмы принять ее:

... И снова флоксы. Август на исходе,
как желтый лист над кладбищем летит...
Совсем ты не исчез. Ты есть в природе,
ты выбрал *бытие*. И смерть простит.

Теперь ты всюду.
В листьях, в свете неба,
в траве: да видит каждый, кто не слеп!
Тебе порою не хватало хлеба,
теперь ты претворен в вино и хлеб (134).

Идея поэмы – в любви и дружбе нет разлуки, в вечном кругообороте бытия всё временно и преходяще, поэтому необходимо принимать жизнь во всей ее сложности, в разноцветье цветов. Таким образом, цветочная символика позволяет Р.Р. Бухараеву создать свою мифологию, которая, с одной стороны, идет от традиционной символики цветов, с другой – придает им свои оригинальные значения, наделяя их субъективной авторской символикой (соединяет ирис с родным языком, гиацинт с разры-вом отношений, флоксы со смертью друга и т. д.). Показательно, что даже дату создания автор дает через цветочные образы: 1982 год (время астр и время георгин), таким образом, вынося цветочную символику поэмы за ее пределы.

Перефразируя известную мысль, что жизнь – это миг между рождением и смертью, поэт создает свой метафорический образ времени:

Не ведаю пока ни дня, ни часа
возврата в мир деревьев и кустов.
С Медового до Яблочного Спаса
один лишь миг во времени цветов.

Будь проклята вовек любая клятва,
но в осени прощанья голубой
так ощущаю жизнь, как будто завтра
пребуду почвой, небом и травой! (134)

В творчестве Бухараева происходит умножение и трансформация сим-волических смыслов и семантики цветов, которые тесно связываются с биографическим мифом, позволяют метафорически передать чувства героя.

Если в поэзии Р. Бухараева преобладают образы смородины, сирени, ирисов, которые тесно связаны со сквозными темами любви к родине, Казани, воспоминаниями о бабушке и ее саде, с мотивом утраты родного языка, то у современных татарских поэтов чаще всего родина ассоциируется с образами неприметных полевых цветов. Так, в стихотворениях И. Юзеева образ матери связан с цветами душицы: *«Әйтегезче миңа, мәтрүшкәләр, / Ни әйтергә әңкәм теләгән? // Мәтрүшкәләр мине уяттылар / Сискәндереп гамьсез төннәрдән: “Мәтрүшкәләр кебек кибарсез сез / Өзелсәгез туган җирләрдән”»* (Скажите ж мне, цветы душицы, / что хотела сказать мне моя мамочка. / Цветы душицы меня разбудили, / вострепенув в беспечной ночи: «Так же, как и цветы душицы, засохнете, / оторвавшись от родных земель») (Здесь и далее подстрочный перевод мой. – А.Г.) [Юзеев 1982, 118].

С образом родины тесно связан образ картофельного цветка. Так, в стихотворении «Бәрәңге чәчәге» («Цветок картофеля») И. Юзеев описывает цветок картофеля как очень скромный и незаметный, но именно он снится в первую же ночь вдали от родины, потому что он более, чем другие цветы, становится символом родины, родного дома, родной земли:

«Күзгә дә күрәнмәс / Иң тыйнак бер чәчәк / Беренче төнне үк / Төшеңә керәчәк. / Бәрәңге чәчәге – / Хыялда тирбәлә. / Куз яше аркылы / Әйталмый ир бала.. / Сызыла күңелен, / Тойгыңны тый, яшер. / Бәрәңге чәчәге, / Туган җир, өй, нәсел...» (Неприметен на вид / Очень скромный цветок / в первую же ночь / он приснится тебе. / Картофельный цветок – / убаюкивает в мечтах / И сквозь слезы, / юноша, не выразишь в словах / как ноет душа / усмири свои чувства, спрячь их / Картофельный цветок / Родная земля / дом, родословная...) [Юзеев 1982, 63].

Ассоциативная связь образа крапивы с родиной и родным домом прослеживается и в творчестве Зульфата в стихотворении «Кендегән каны» (Кровь пуповины). В нем поэт сокрушается, что многие покидают отчий дом, поэтому вместо садовых цветов на месте отчего дома («нигез») появляется крапива. Поэт использует метафорический образ «ожог крапивы», характеризуя грустные размышления о покинутых родных домах и родных деревнях, на месте которых растет крапива: *«Жир кычытканы! // Ни үсемлек биек, бөек / Кычыткан чаклы? / Шундый уй килде ... / Әйтерсең / Кычыткан чакты! // ... Уйлар да ташлар бу уен / Ташландык балаң, / Ташландык ил, ташландык җир, / Ташландык заман! // Күз алдына килә шомлык, / Куркынып куям: / Салкын бушыкта оча / Жир – / Ташландык оя...»* (Земляная крапива! / Какое еще растение такое же высокое, как крапива? / Такая мысль пришла на ум... / Как будто крапивой обожгла! / Мысли и камни – эта мысль / Зброшенная калина, / Зброшенная страна, зброшенная земля, / Зброшенный век! // Перед глазами встает пугающая/ тревожная картина: / В холодной пустоте летит / Земля – /

Заброшенное гнездо!) [Зелфэт: 71–72]. В стихотворении татарского поэта пространство расширяется, начиная от отчего дома до просторов Вселенной, всё превращается в заброшенное гнездо.

В поэзии Ильсияр Иксановой родину напоминают рябина, сирень и одуванчики в стихотворении «Тузганак» («Одуванчик») [Иксанова 2018, 35]. Одуванчик привлекает поэтессу красотой и стойкостью, он первым встречает весну ярким желтым нарядом, а ветки сирени напоминают о лете и согревают душу лирической героини в стихотворении «Кышкы кәнәферләр» (Зимние сирени) [Там же: 15].

Заключение. Подводя итоги нашего исследования, отметим, что его основой является системный подход, который позволяет применять к изучению татарской литературы историко-функциональный, историко-генетический, сравнительно-типологический, семиотический, герменевтический и рецептивный методы. В статье доминирует междисциплинарный подход, позволяющий при использовании данных философских, литературоведческих, лингвистических, методических и исторических исследований адекватно определить современное состояние татарской литературы и литературоведения в контексте литератур и культур не только России, но и всего мира.

На выбор методов нашего исследования оказали влияние межкультурные подходы, результативность которых выявлена в ряде российских и зарубежных исследований.

В исследовании современной татарской литературы важной представляется проблема преемственности с литературой предшествующих эпох. Поэтому нами были изучены труды по теории литературы, посвященные осмыслению понятия «литературная традиция» (Г.Д. Гачев, В.И. Тюпа, Ю.Н. Тынянов, В.Е. Хализев и др.), работы литературоведов, рассматривающих проблемы проявления взаимосвязей русской и зарубежной литератур (М.П. Алексеев, А.Н. Веселовский, М.Л. Гаспаров, Ю.М. Лотман, Ю. Кристева, Э.Г. Нигматуллин, Ю.Г. Нигматуллина, В.И. Тюпа, И.О. Шайтанов и др.)¹.

На рубеже XX–XXI веков активизировалось изучение литератур народов России в контексте диалога культур, идей транскультурной модели художественного развития в современной русскоязычной литературе, создаваемой писателями России и ближнего зарубежья (В.Р. Аминова,

¹ Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. I. Таллинн, 1992. С. 110–121; Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литературы. Казань, 1997; Тюпа В.И. Дискурсивные формации: очерки по компаративной риторике. М., 2018; Шайтанов И.О. Компаративистика и/или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М., 2010.

А.Л. Арефьева, У.М. Бахтикиреева, М. Гусейнова, Ш. Ибраев, Ч.К. Ламажаа, А.И. Смирнова, К.К. Султанов и др.)¹. В статьях и монографиях обзорного характера, исследующих взаимодействие литератур народов России с литературами, составляющими советское культурное пространство, и русской литературой как катализатора процессов художественного самовыражения в других литературах, хранительницы духовных ценностей как русского, так и других народов России (А.А. Арзамазов, Р.З. Хайруллин, Т.И. Зайцева, Н.А. Федосеева, Я.Г. Сафиуллин, К.К. Султанов; «Национальные литературы на современном этапе» (2018), «Литература финно-угорских народов России» (2022), «Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности» (2014), «Проблемы сравнительного литературоведения и фольклористики Урало-Поволжья» (2018)).

Основой изучения художественных произведений современной татарской литературы и проведенного нами исследования стали труды современных литературоведов Г.Р. Гайнуллиной, Ф.Г. Галимуллина, Д.Ф. Загидуллиной, А.М. Закирзянова, М.И. Ибрагимова, Л.И. Мингазовой, К.М. Миннуллина, Ю.Г. Нигматуллиной, Э.Ф. Нагумановой, Я.Г. Сафиуллина, Ф.С. Сафиуллиной, М.М. Хабутдиновой, Р.Х. Шарьяфетдинова, в которых рассматриваются вопросы поэтики современной татарской литературы, ее ведущих тем, мотивов, возможных литературных взаимосвязей с литературами России, Востока и Запада. Следует отметить, что в изучении истории и поэтики татарской литературы в сопоставительном аспекте существует множество нерешенных проблем. По существу, многие исследователи осознают необходимость изучения истории и теории татарской литературы с древних веков до наших дней с применением современных методов исследования. О множественности подходов в исследованиях татарской литературы во взаимодействии с другими литературами, а также

¹ *Arefiev A.L., Bakhtikireeva U.M., Sinyachkin V.P.* Bilingualism in language education in secondary schools of the republic of Tuva [Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва] // *New Research of Tuva*. 2021. С. 255–272; *Бахтикиреева У.М., Темиргазина З.К.* Многоликий феникс: вопросы витальности шаманизма у тюркских народов // *Turkic Studies Journal*. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Т. 4. 2022. С. 7–24; *Гусейнова М.* Языковые контакты азербайджанского и казахского тюркских языков (на основе Творчества азербайджанского диалектолога, академика Мамедаги Ширалиева) // Там же. 2019. Т. 2. № 1. С. 41–59; *Ибраев Ш.* Тюркология: научная парадигма и междисциплинарный характер // Там же. 2019. № 2. Т. 1. С. 41–59; *Ламажаа Ч.К., Бахтикиреева У.М.* «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // *Новые исследования Тувы*. Ламажаа Чимиза Кудерооловна. 2022. С. 266–275; *Смирнова А.И.* Междисциплинарность в исследовании природного мира в пространстве художественного текста // *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2023. № 1 (49). С. 7–19.; *Султанов К.К.* К вопросу об «этнокультурном повороте» в изучении литератур народов России // *STEPHANOS*. 2015. № 2.

о теоретических проблемах, возникающих в связи с одновременным существованием арабской, европейской, русской и татарской по своим основам терминологии, пишет М.И. Ибрагимов: «литературоведческий курс является одним из источников для изучения национальной идентичности литератур. <...> Сосуществование в татарской литературоведческой терминологии терминов различного происхождения (арабских, европейских, русских, татарских) характеризует татарскую литературу как развивающуюся на пересечении литератур» [Ибрагимов 2019: 235].

Выводы. В сопоставительном анализе поэмы Р.Р. Бухараева «Время цветов» с произведениями современных татарских поэтов Ильдара Юзева, Рената Хариса, Равиля Файзуллина, Ильдияр Иксановой, Сании Ахметзяновой в аспекте художественного воплощения образов полевых и садовых цветов выявлено, что у каждого поэта есть индивидуальная флористическая символика, которая отчасти восходит к традиционной культуре, а в ряде случаев связана с оригинальной трактовкой и субъективными ассоциациями. Мы впервые определили, что флористика в поэме Равиля Бухараева «Время цветов» (1982) тесно связана с образами дома, сада, а также с художественным осмыслением темы любви к Родине и воспоминаниями о «малой родине». Семантика образов цветов в поэме Р.Р. Бухараева соответствует внутреннему миру героя. Природа этого соответствия сложна и неоднозначна. В творчестве Бухараева нет прямого влияния и заимствования из русской, зарубежной и татарской классической поэзии, однако сходство проявляется на уровне лейтмотивов, культурных кодов, а с современной татарской литературой в его творчестве выстраиваются интертекстуальные связи или наблюдаются типологические схождения.

Источники

Бухараев Р.Р. Время цветов // Бухараев Р.Р. Избранные произведения: Книга поэм. Казань: Магариф – Вакыт, 2011. С. 117–134.

Зөлфәт. Йөрәгемне былбыл чакты [Зульфат. Мое сердце трепетало]. Казан: Рухият нәшр., 1999. 416 б.

Иксанова И.В. Гомер сүрәте: шигырьләр [Картина жизни: стихи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. 223 б.

Юзеев И.Г. Мәхәббәт китабы. Шигырьләр, жырлар, поэмалар. «Шигырь китапханәсе» сериясе [Книга любви. Стихи, песни, поэмы. Серия «Библиотека поэзии»]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 352 б.

Литература

Галимуллина А.Ф. Вселенная Равиля Бухараева (1951–2012). Основные темы и мотивы творчества: монография. Казань: РИЦ «Школа», 2021. 228 с.

Ибрагимов М.И., Галимзянова Э.М. Дискурс идентичности в теоретических трудах татарских литературоведов начала XX века // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 228–238.

Орлицкий Ю.Б. Новый русский сонет // Стихосложение новейшей русской поэзии. М.: Издат. дом ЯСК, 2020. С. 295–306.

Шарафадина К.И. «Селам, откройся!» Флоропэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб.: Нестор-История, 2018. 544 с.

Amineva Venera R. R. Bukharaev's poem Day of the Dead: Ways of self-identification of a Lyrical Subject [Поэма Р. Бухараева «Моление о Чаше» как транскультурный текст] // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. Philological sciences–scientific essays of higher education. 2020. Is. 6. P. 292–299.

References

Istochniki

Buharaev R.R. (2011). *Vremya cvetov* [Time of flowers]. In: Buharaev R.R. *Izbrannyye proizvedeniya: Kniga poem*. Kazan': Magarif – Vakyt. Pp. 117–134. (In Russ.).

Zölfət (1999). *Jəragemne bylbyl chakty* [My heart was fluttering]. Kazan: Ruhıyat nəshr. 416 p. (In Tatar).

Iksanova I.V. (2018). *Gomer syrəte: shıgyr'lər* [Picture of life: poems]. Kazan: Tatar. kit. nəshr. 223 p. (In Tatar).

Yuzeev I.G. (1982). *Məhəbbət kitabı. Shıgyr'lər, jıyrlar, poemalar* [Book of love. Poems, songs, poems]. Kazan: Tatar. kit. nəshr. 352 p. (In Tatar).

Literatura

Galimullina A.F. (2021). *Vselennaya Ravilya Buharaeva (1951–2012). Osnovnyye temy i motivy tvorchestva: monografiya* [The Universe of Ravil Bukharaev (1951–2012). Main themes and motives of creativity: monograph]. Kazan': RIC “SHkola”. 228 p. (In Russ.).

Ibragimov M.I., Galimzyanova E.M. (2019). *Diskurs identichnosti v teoreticheskikh trudakh tatarskikh literaturovedov nachala XX veka* [Discourse of identity in the theoretical works of Tatar literary scholars of the early 20th century]. In: *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. Vol. 16. № 2. Pp. 228–238. (In Russ.).

Orlickij Yu.B. (2020). *Novyj russkij sonnet* [New Russian sonnet]. In: *Stihoslozhenie novejshej russkoj poezii*. Moscow: YASK. Pp. 295–306. (In Russ.).

Sharafadina K.I. (2018). “*Selam, ot krojsya!*” *Floropoetika v obraznom yazyke russkoj i zarubezhnoj literatury* [“Selam, open up!” Floropoetics in the figurative

language of Russian and foreign literature]. Sanct-Peterburg: Nestor-Istoriya. 544 p. (In Russ.).

Amineva Venera R. (2020). R. Bukharaev's poem Day of the Dead: Ways of self-identification of a Lyrical Subject. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. Philological sciences-scientific essays of higher education. Is. 6. Pp. 292–299.

Сведения об авторе

Галимуллина Альфия Фоатовна – доктор педагогических наук; профессор; Казанский (Приволжский) федеральный университет; Институт филологии и межкультурной коммуникации; кафедра русской литературы и методики ее преподавания; профессор; научные интересы: история русской литературы XVIII в., литературная критика, литературное краеведение, сравнительная и сопоставительная филология, русско-татарские взаимосвязи, детская литература, художественный перевод, методика преподавания литературы.

Information about the author

Alfia F. Galimullina – Doctor of Pedagogy; Professor; Kazan Federal University; Department of Russian Literature and Methods of its Teaching; Professor; scientific interests: history of Russian literature of the 18th century, literary criticism, literary local history, comparative and comparative philology, Russian-Tatar relationships, children's literature, literary translation, methods of teaching literature.

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

Сборник научных трудов по филологии

Выпуск XVII

ИКД «Зерцало-М»

Подписано в печать 15.11.2023.

Формат 60×90/16. Печ. л. 16,0.

Тираж 300 экз.

Заказ № 1954